

Лето. Фотозюд Александра КОВАЛЯ

Водитель
«против»
конструкторов
ЗИЛа.
Фотоочерк

Магнитные бури
и наше
здоровье

Художник
Арсенин.
Пушкиниана

Братья
Стругацкие.
«Улитка
на склоне»

«Скорпионс».
Гастроли
в Ленинграде

ISSN 0131-6656

СПЕЦИАЛ **13** **000**

НА ЗАВИСТЬ "МЕРСЕДЕ"

Юрий СОКОЛОВ

Еще в Москве, получая по разнарядке на заводе имени Лихачева новый тягач ЗИЛ-4221, слышал Бунин от заводских: «Машина экспериментальная, замечания и предложения будут учтены и реализованы в серийном производстве».

«Но работать-то надо теперь», — рассуждал Бунин, возвращаясь из столицы в Клайпеду. И чем дальше, тем больше замечал недоработки автостроителей.

Вот и на 86-м километре у автозаправочной станции, где случился затор, потому что работала одна колонка и плохо качал насос, расстроился Бунин, что топливный бак на его машине только один, да и тот малоемкий. Пока стоял, Слава насчитал перед собой двадцать грузовиков. Машины продвигались медленно, подпирая друг друга и пытаясь выхлопными газами. От чада подташнивало, ломило в висках, и все водители были злы как черти. Едва подошла Славина очередь, кончилось топливо. И деваха из глубокого окошка, как из амбразуры, пальнула: «Не знаю, будет ли!». Он с досадой подумал о заводских: поставили на ЗИЛ один штатный бачок, а топлива в нем хватает лишь от колонки до колонки.

Ничего не изменилось! Как и шесть лет назад, когда Бунин впервые сел за руль бортового грузовика, так и сейчас в кабине нет спального места. Уж сколько говорено об этом... Те, кто против «спальни», считают, что спать надо дома или в гостинице. Но в гостиницах мест нет, а если и есть, то как оставишь груз без надзора? Пьяный водитель за рулем — преступник... А невыспавшийся?... Автомобилестроители думают о себестоимости, о металлоемкости, о чем угодно, но только не о водителе, если смеют заявлять, что со спальным местом конструкция кабины дорожает. Поспать бы конструкторам ночку-другую в кабине...

Маялся, маялся Слава, да и прикорнул на руле. А к четырем утра колотун пробрал, выскочил из кабины, побегал, хлопал себя по бокам, чтобы согреться, увидел: шоферы табунаются вокруг горячей покрывки, и сам к ним приблизился.

На рассвете выпросил бензина отогреть загустевшую солянку — двигатель из-за этого не заводился. Шофер нечаянно плеснул из канистры Славе на руки — как обожгло, волдыри на морозе вскочили. Руки болят, ноги одеревенели.

«Не-ет, больше не хочу т-так ездить», — дал себе зарок Слава, стуча от холода зубами.

Когда же наконец Бунин въехал на широкий двор своего автотранспортного предприятия, новую машину тотчас обступили слесари, ремонтники, шоферы.

— Ну, как? — спросили, втайне завидя, что вот как повезло Славе, будет теперь на новой ездить и забот не знать.

— Машина сырая немного, — ответил Бунин сдержанно. — Надо доработать...

Прежде всего переговорил с начальником автоколонны, хотелось заручиться его поддержкой. Тот слушал, смотрел, но слова, похоже, до него не доходили.

— Новую машину переделывать? — пожимал плечами он.

— Но почему мы должны работать на том, что есть? — гнул свое Бунин. — Разве такой тягач нужен под рефрижератор? Я берусь переделать...

Что и говорить, поначалу Борис Николаевич Колк отнесся к его затее скептически. Но выслушав все Славина соображения, и сам, как говорится, загорелся...

Вдвоем им было легче убедить главного инженера Ляониса Шяулиса. Тот позвонил на ЗИЛ заместителю главного конструктора В. Г. Мазепе. Владимир Григорьевич пообещал направить в Клайпеду инженера.

Новую машину поставили в бокс. Бунин был на больничном, лечил отмороженные руки. А дело не ждало. На каждую машину спущен план, в том числе и на эту, экспериментальную. А московского инженера все не было...

Ранним утром Бунин подвел к машине газосварщика:

— Разрежь заднюю стенку. И пока тот вел горелкой по кабине, Слава стоял ни жив ни мертв: что-то еще из этой затеи выйдет?

— Вы, мужики, в своем уме? — изумлялись шоферы. — Зачем машину курочите?

...Инженер Львов приехал спустя шесть дней. Задней стенки кабины уже не было, крыша вырезана, полка нет. На виду только рама и капот. Такого святотатства московский гость не ожидал, и, слушая объяснения Бунина, так и не мог понять, что хочет сделать самонадеянный молодой человек.

— А чертежи?! — спросил Львов.

— Да я без чертежей... По ходу дела буду искать решения...

Скептически оглядев Бунина, инженер вышел из бокса. Когда он поднялся на второй этаж к Шяулису, вид у него был удрученный. «Ну хотя бы эскиз какой, а то ведь ни-че-го!». На это Шяулис оптимистично заметил: «Бунин — грамотный шофер. Есть водители — только вопросы задают, а этот сам их всегда решает. Чертежей, говорите, нет... А на что нам руки, голова?»

Инженер Львов уехал в Москву. А Бунин продолжал обсчитывать, сопоставлять все, что с таким трудом собирал из журналов «Техника — молодежи», из сборников зарубежной военной техники (выписывал их не один год), переосмысливал, что и как приспособить к будущей машине. Ему хотелось иметь такую модель, которая не уступала бы лучшим зарубежным.

Но одного желания маловато. На склад придешь: того нет, этого не предвидится. Как быть? Дело на полпути не бросишь. «Мы теперь работаем по-новому, — ухмылялся механик, — перестраиваемся... Я тебе, конечно, достану, но это будет стоить». — «Так мне и получить не хватит с тобой рассчитаться». — «Ну, как знаешь...»

Что делать? Куда пойдешь? К начальству? Оно вроде и поддерживает, вот и письма — «в порядке оказания помощи...» — подписывает, и хлопотать не отказывается, куда надо — позвонит. Но толку от этих писем и звонков, замечал Бунин, маловато. С бумажками набегавшись по станциям. А время-то не ждет, торопит. Скорю и отпущу, который он взял, закончится. План по перевозкам давать надо, а какие перевозки, если работы непочатый край. Как поду-

маешь — не по себе становится. И в очередной раз Бунин шел снимать со сберкнижки десятки.

Уходил на работу чуть свет, а возвращался поздно вечером. За один месяц похудел на шесть килограммов. Замечая за ужином отрешенный взгляд мужа, жена спрашивала:

— Опять о ней думаешь?

Да, в эти дни он не мог не думать о деле. Так, видел он: за кабиной где место аккумулятора, туда «просится» второй топливный бак. А источник электропитания надо приблизить к стартеру, как это делается на зарубежных марках. Мороки было много, пока не догадались срезать автогенном широкой и, по существу, ненужную подножку-ступеньку. На ее место — сваренный из «уголков» кронштейн под аккумулятор, а взамен ступеньки смонтировали приступочку. Провода поставил с усиленной изоляцией, надежно защитил контакты от попадания влаги, усилил уплотнения розеток. «Пусть лучше дорожке обойдется, — полагал Бунин, — но чтобы потом не тратить деньги на ремонт». Он увеличил длину и ширину кабины. Изо дня в день на протяжении полутора месяцев Бунин с помощью слесаря Владимира Ермолова и газосварщика Александра Давыдовича перемонтировали, подгоняли все, чтобы только водителю работать в нормальных условиях. А когда дело было сделано, то водители, слесари не скрывали восхищения. Кабина гладкая, словно литая, без единого шовчика, с покатою крышей-обтекателем — хоть на выставку. Да разве только кабина?!

«Смотрите, выхлоп-то не вбок, а вверх! Он уж не будет травить ни себя, ни соседей!», «А ящик-то какой наварил. В него не только инструмент, редуктор запихнешь!», «И спальня-а! Красота! Тут есть куда ноги вытянуть!» — доносились возгласы. «В общем, умно и со вкусом!» — так оценили работу слесари и шоферы...

В январские морозы встал весь дизельный парк АТП. Топливо загустело, не помогали ни факелы, ни паяльные лампы.

В один из таких дней Бунин, поглядывая на припорошенные инеем грузовики, подошел к своей машине, залез в теплую кабину, нажал на стартер, и через двенадцать секунд двигатель завелся. (Бунин смонтировал автоматику, еще с вечера поставил реле на заданное время, и оно до его прихода включило обогреватель.) Теперь, получив груз и оформив документы, Слава снял теплую куртку, сунул на широкую полку над головой. Там у него и смена белья, и книга, на досуге почитать, и атлас дорог.

Провожали Бунина в путь одни с надеждой, другие — с удивлением: «Это ж надо, такая холодрыга, а он в кабине в легком джинсовом костюмчике?!» Были и такие, кто смотрел с нескрываемой завистью: «Чего ему не ездить на такой-то машине...»

У автозаправочной Бунин сразу же залил и правый и левый баки, соединенные между собой трубкой. Пока заправлялся — давал интервью интересующимся. Всем было в диковину видеть такого «зверя» с литыми буквами ЗИЛ на радиаторе.

Помимо основных баков, заполнил и запасной, смонтированный под рамой. И вот перед ним широкая, расчищенная от снега и посыпанная песком дорога. Курс на Вильнюс и далее на Москву. Теперь топлива до столицы хватит. Тепло, уютно в кабине, обзор хороший, как в морской рубке. Двигатель рокочет ровно, вселяя уверенность. И шуму в кабине меньше, не то что на других автомобилях. Транзисторный приемник в нише над головой настроен на «Маяк»: новости, музыка... Рейс пробный, и Бунин присматривается, прислушивается к машине, но ничего не вызывает тревоги. И от этого становится веселее и спокойнее на душе. Не забывает Бунин и про трассу. Взглянув по привычке в левое зеркало (оно благодаря электроподогреву не замерзает), затем вперед, на дорогу, скользнет по приборам, и — на правое, также незамерзающее зеркало. И опять в обратном порядке: дорога, приборы, левое зеркало.

ВУ"

ВОПРЕКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

...В буднях, день за днем десятки тысяч километров проутюжил Бунин дорог — гладких и ухабистых. И в какой бы стороне Бунин ни оказался, его необычная по форме и расцветке кабина будоражила умы и чувства. Пешеходы останавливались, провожали взглядом. Инспектора ГАИ, их-то ничем не удивишь, и те на первых порах срывались на мотоциклах вдогон или останавливали, чтобы убедиться: «Неужели и наши научились так делать?!»

Встречные водители уже узнавали Славу Бунина, приветливо кивали как

знакомому. Другие ладонью салютуют... А тот, что на «вольво», улыбается во все зубы. Узнал. Пришлось его однажды вывозить из кювета. Морским капроновым тросом зацепил тогда и вытащил...

Однажды под Смоленском Бунина безуспешно пытался обойти «мерседес»-рефрижератор. Не увлекался Слава гонками, но на этот раз захотелось потягаться. В левое зеркало было

Окончание на 8-й стр.

Сергей КАЛЕНИКИН,
специальный корреспондент
«Смены»

БУРЯ В СТАКАНЕ ВОДЫ?

Многие видные советские и зарубежные ученые считают, что погодные капризы нельзя не принимать во внимание, ибо они не только вызывают головную боль, ломоту в суставах, депрессию, но и провоцируют недуги, обостряют заболевания опорно-двигательного аппарата, головного мозга, желудка, дыхательных путей...

Самые чуткие метеопаты — сердечники. Непогода может резко ухудшить кровообращение, что нередко приводит к смерти. Проведенные в Ленинграде исследования дали весьма печальную статистику: в периоды магнитных бурь число вызовов «Скорой помощи» к больным сердечно-сосудистыми заболеваниями увеличилось почти вдвое, а смертность от этих заболеваний возросла в два-три раза! В Свердловске во время повышенной солнечной активности частота мозговых инсультов увеличилась на 25 процентов...

Словом, неблагоприятные изменения погоды считаются третьим после психоэмоциональных расстройств и физических перегрузок фактором обострения многих недугов.

Тут-то влору и задаться вопросом: **кто и как может защитить человека от погодных неожиданностей?**

Что конкретно предпринимает, скажем, участковый врач, когда надвигается магнитная буря или ожидаются перепады электрического поля Земли?

Да, при всем желании нам не вспомнить, когда бы нас по случаю метеопризов пригласили в поликлинику и оказали эффективную профилактическую помощь. А ведь именно о ней идет речь, о том, что врачи, располагая необходимой информацией о погодноклиматических колебаниях, должны определять, для каких больных эти колебания представляют угрозу, выявлять так называемые критические дни и заблаговременно снижать метеочувствительность — прежде всего у диспансерных больных, хроников. По идее, должна быть разработана специальная система закаливания, тренинга... Однако ни того, ни другого или чего-либо похожего в нашем здравоохранении

пока нет. Почему? Этот вопрос я и задал заместителю министра здравоохранения СССР А. М. Москвичеву. Ответ был предельно краток:

— Погода? Знаете ли, ее влияние на здоровье пока мало изучено, трудно говорить что-то определенное. Наука еще не во всем разобралась...

Стало быть, проблема — в науке? А наука — это прежде всего Всесоюзный научный центр медицинской реабилитации и физической терапии Минздрава СССР. Так с марта именуется бывший Центральный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии, который более десяти лет возглавлял член-корреспондент АМН СССР В. М. Боголюбов. Ныне он — директор Центра.

И «погоду» в медицинской климатологии должен делать именно этот Центр.

Неоднократные попытки встретиться с директором так и остались попытками. Заведующий отделением, профессор В. Г. Ясногородский оказался доступнее.

— Погодно-климатические явления не отражаются на здоровых молодых людях, они могут влиять на самочувствие больных и пожилых, — сказал Виктор Георгиевич. — Но заболеваний непогода не вызывает и к смерти не приводит.

— Но ведь есть данные, что магнитные бури как раз и могут привести к смерти...

— Не думаю. А вообще, это очень сложный вопрос — никто еще не проводил чистых научных исследований. Откуда появляются подобные заключения? Берется, скажем, статистика «Скорой помощи» за пять лет и сливается с метеоситуацией. Но это, на мой взгляд, не чистый метод исследований! Ведь, помимо магнитных бурь, есть и другие факторы — давление, кислород, влажность и так далее. Сочетание факторов — вот что надо учитывать.

— Вы сказали, что нет чистых научных исследований. А что вам мешает их провести?

— Для таких исследований требуется человек 200—300. И, заметьте, не на один день. А где их взять?

— А что вы думаете о гелиомагнитных прогнозах А. Чижевского? Ведь он писал и говорил...

— Его прогнозы и выводы о воздействии гелиомагнитных факторов на человека — всего лишь гипотезы, которые не имеют научных обоснований.

— Вы это говорите на основании каких-то экспериментов, исследований?

— Нет, экспериментов не проводили. Это мои теоретические заключения.

— Скажите, а участковый терапевт может определить, как влияет на больного человека непогода? И чем он может помочь людям?

— Разумеется. Врач может определить эту зависимость, а внести какие-то коррективы в лечение должен на основании прогнозов, которые публикуются в некоторых газетах, в столице, к примеру, они даются в «Вечерней Москве» под рубрикой «Погода и самочувствие». Правда, и эти прогнозы не всегда точны: они оправдываются примерно на 86 процентов. Достоверность же недельных прогнозов и того ниже.

Итак, резюмируем: с точки зрения некоторых медиков-ученых, погодноклиматические явления не представляют особой угрозы. И, как понимаю, если в чем-то специалисты бывшего ЦНИИ курортологии и физиотерапии не разобрались, то в том особой нужды нет. Выходит, и говорить не о чем?

В СЕТЯХ ОПАЛЫ...

В 1986 году в Ленинграде состоялся международный симпозиум «Климат и здоровье человека». Проходил он под эгидой Всемирной метеорологической организации (ВМО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Как понимает читатель, международный форум по пустякам не создается, научная профанация на нем не допускается. Передо мной — тезисы докладов ученых из Югославии, Японии, США, Швеции, Болгарии, ФРГ, Индии, Вьетнама, Австрии, Кении, Ирака, Мексики, Польши.

Было с чем выступить и советским специалистам. На их счету — более 50 докладов. С погодой шуточки плохи — так считают участники симпозиума. Вот, скажем, ученые Института клинической и экспериментальной медицины СО АМН СССР сообщили, что в 70—80-х годах ими проведены исследования в Новосибирске, Иркутске, Ташкенте, Якутске, Норильске, которые показали, что увеличение или уменьшение в среднем за год случаев внезапной смерти от ишемической болезни сердца непосредственно зависело от среднегодового повышения или понижения **солнечной активности**. Установлено и другое: среднегодовое усиление напряженности **магнитного поля** сопровождается ростом числа внезапных смертей от той же ишемической болезни сердца...

— Метеотропные реакции у человека давно доказаны и не вызывают сомнений, — говорит член-корреспондент АМН СССР Н. Р. Деряпа. — Уже накоплен огромный научный материал о влиянии солнечной активности, кли-

мата и погоды на здоровье человека, который давно пора широко использовать в практическом здравоохранении, профилактике многих заболеваний...

Впрочем, именно к этому еще в 20—30-х годах призывал профессор А. Л. Чижевский — основоположник отечественной гелиобиологии. Он, к примеру, показал, что, когда электромагнитные и корпускулярные излучения нашего светила возрастают, в определенных местах Земли повышается число заболеваний, смертность... Так, проанализировав эпидемию гриппа за 500 лет, ученый установил, что они не возникают вдруг, а имеют свои строгие закономерности — вспыхивают в периоды максимальной солнечной активности. В такие периоды могут быть вспышки и других заболеваний.

«Теперь перед нами встает другой вопрос: **как защитить человека от смертоносного влияния среды** (Выделено мной. — С. К.), если оно связано с атмосферным электричеством и электромагнитной радиацией? — писал А. Л. Чижевский в 1936 году. — **Как уберечь человека больного, переживающего процесс болезни? Ведь ясно, что если кризис минует благополучно — а кризис иногда длится только сутки-двое, — человек будет жить еще десятки лет...** Да, физика знает способы оградить человека от такого рода вредных влияний Солнца или подобных им, откуда бы они ни исходили. Спасителем здесь и является металл...»

Чижевский предполагал, что во время солнечных бурь больного следует помещать в палаты, экранированные металлическими плитами.

«Такая палата, — уточнял Чижевский, — должна быть со всех шести сторон покрыта слоем металла соответствующей толщины и соответствующей непроницаемости, без единого отверстия. Вход и выход из нее должны обеспечить непроницаемость вредных радиаций внутрь, что легко достигается хорошо бронированной передней с двумя дверями. Уборная также должна быть бронирована со всех сторон и примыкать вплотную к бронированной палате...»

Фантазия?.. А между тем видный украинский профессор Д. И. Панченко еще в 60-х годах впервые в нашей стране сконструировал и внедрил в медицинскую практику **БИОТРОН** — систему герметических экранированных палат с искусственным и регулируемым климатом, которая с большой медицинской эффективностью работает и по сей день, для лечения гипертоников.

— Увы, только в последнее время мы стали по-настоящему понимать роль нашего светила, — продолжает свой рассказ Н. Р. Деряпа. — Она, конечно же, куда значительнее, чем думали раньше. И своим пониманием мы прежде всего обязаны профессору А. Л. Чижевскому, идеи которого ученые подтверждают и реализуют. В одном из тбилисских институтов сконструирована специальная палата с техническими устройствами, которая защищает человека от нежелательного воздействия магнитного поля, способна уберечь больного от гипертонического криза. А это — идея Чижевского.

КОМУ НЕ ПО ПРАВУ ПОГОДА

Голова болит, ну просто разламывается — погода; апатия, сонливость — погода; поясницу, суставы, ноги ломит — опять погода виновата...

Да, зачастую свое настроение и самочувствие мы связываем именно с погодой. Как утверждают специалисты, на магнитные бури, ветер, перепады атмосферного давления, температуру, влажность и прочие погодноклиматические явления реагирует 70—80 процентов населения земного шара. Таких людей называют метеопатами, среди них и стар, и млад.

Коль речь зашла о научном наследии, нельзя умолчать и о Г. М. Данишевском — участнике гражданской войны, выдающемся деятеле советской медицины, основоположнике климатопатологии, основателе и первом директоре ЦНИИ курортологии и физиотерапии.

Увы, репрессии тридцатых годов не обошли и его. По доносу своих же коллег в 1937 году Г. М. Данишевский был арестован и осужден на 20 лет. Но и в Сибири Г. М. Данишевский продолжал научную работу: писал, наблюдал, лечил людей. После реабилитации работал по проблеме «Климат и сердечно-сосудистые заболевания» в Институте терапии АМН СССР (был раньше такой в Москве), возглавлял который академик Л. А. Мясников. С приходом нового руководства института и внезапной кончиной Данишевского его лаборатория биоклиматологии была расформирована, а научные работы прекращены...

— Создав новое научное направление — метеопрофилактику сердечно-сосудистых катастроф на основе медицинского прогноза погоды, Данишевский изучал не только классические явления погоды, но и явления малой интенсивности, — вспоминает профессор Московского медицинского стоматологического института И. И. Тихомиров, в прошлом один из ближайших помощников Г. М. Данишевского. — Он уже тогда разрабатывал конкретные профилактические меры для людей группы риска, то есть тех больных, которые реагируют на смену погоды. Не стало профессора Данишевского и климатопатология как наука пришла в упадок...

Добавлю: даже имя его исчезло в третьем издании Большой медицинской энциклопедии...

— К сожалению, и другие научные направления не развиваются так, как того требуют интересы человека, — говорит кандидат медицинских наук В. Ф. Овчарова. — Возьмите медицинскую климатологию. Наивысшее развитие она получила в 40-е годы благодаря фундаментальным исследованиям П. Г. Мезерницкого и других ученых. Назову еще климатофизиологию, которая изучает, а точнее, должна изучать основные механизмы адаптации к сложному природному гелиофизическому и синоптико-метеорологическому воздействию.

Словом, когда-то наши ученые задавали тон в изучении проблемы адаптации человека к природным климатическим условиям, чего не скажешь о дне сегодняшнем. Понимаю, наука испытала немало потрясений, но тем не менее уже признаны генетика, кибернетика, а биоклиматология, гелиобиология и по сей день — в сетях опалы, чуть ли не с ярлыками лженаук. Еще в 50-х годах было создано Международное биометеорологическое общество, в котором представлены почти все страны. Увы, СССР в этом обществе нет... И все же совсем недавно в нашей стране впервые прошел международный симпозиум «Климат и здоровье человека». Слабое утешение.

Наследие — вещь хрупкая, деликатная. К счастью, были и есть ученые из породы энтузиастов, которые не дают захиреть и биоклиматологии, и гелиобиологии, в меру своих сил развивают идеи В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, П. Г. Мезерницкого, Г. М. Данишевского...

«ЗЕМНОЕ ЭХО СОЛНЕЧНЫХ БУРЬ»

Новосибирские специалисты, используя оригинальную научную методику, дают специальные медико-метеорологические прогнозы ожидаемых гелиофизических явлений. И если судить по отзывам, то прогнозы ученых очень часто совпадают с самочувствием больных, которые шлют благодарственные письма...

Не исключено, что прогнозы и нуждаются в совершенствовании, но они

есть! А это уже немало. Более того, Минздравами СССР и РСФСР утверждено несколько методических рекомендаций по профилактике метеорологических реакций, которые используются лишь в отдельных местах, отдельными специалистами, энтузиастами и главным образом в курортных зонах, в НИИ, а вот широкомащтабной повсеместной профилактики нет! А что могут сегодня сказать ученые об удельном весе метеорологических влияний в преждевременной смертности? Кто из них занимается этой жгучей проблемой? Таких ученых, увы, я не обнаружил...

— Кто спорит, ученые пока не все знают о тонких механизмах погоды и климата, — говорит академик АН СССР О. Г. Газенко. — Принято считать, что с падением атмосферного давления ухудшается самочувствие сердечников... Однако из-за давления ли оно ухудшается? Ведь с его изменением меняются и другие параметры среды. Думаю, что именно в своей сумме они и дают нежелательные для человека эффекты. Погодно-климатические факторы зачастую образуют весьма причудливые сочетания. Интересно и другое. Магнитные бури — это, в сущности, сердечная атака, которая может привести к смерти. И наши исследования показали, что на эту атаку острее реагируют сельские жители, чем люди, проживающие в крупных городах. Проблема очень серьезная, ею надо всерьез заниматься, и прежде всего Всесоюзному научному центру медицинской реабилитации и физической терапии. Наследие Чижевского и Данишевского и сегодня имеет научную ценность, их идеи надо развивать...

«Что сегодня является главной задачей для нашей медицины? Безусловно, продление жизни советских людей, — размышляет член-корреспондент АМН СССР С. Федоров в статье, недавно опубликованной в «Правде». — Средний возраст наших мужчин в последнее десятилетие снизился до 65 лет, женщин — до 67. В то же время в США этот важнейший показатель здоровья нации составляет для мужчин 73 года и женщин 77 лет, в Японии — 75 и 79 лет соответственно.

В чем же тут дело? Главной причиной ранней смертности мужчин в нашей стране служат заболевания сердечно-сосудистой системы. Это ранние инфаркты сердца и кровоизлияния в мозг... Смертность от инфарктов у нас почти вдвое выше, чем в развитых капиталистических странах (Выделено мной — С. К.).»

На вышеупомянутом симпозиуме представитель Службы погоды ФРГ отметил: «Многочисленные статистические исследования медицинских данных, таких, как частота заболеваний, смертных случаев, а также несчастных случаев на производстве и транспорте, рассмотренных с точки зрения возможного атмосферного воздействия, во многих случаях показывают ярко выраженную взаимосвязь...»

На предпринятых Венгрии даже цеховые врачи ведут наблюдение за погодой и по мере надобности выдают работникам конкретные профилактические рекомендации, чтобы и производительность труда сохранить, и уберечь людей от несчастных случаев, травматизма.

— Мы провели серию экспериментов — моделировали гелиомагнитные ситуации, искусственно создавали магнитные бури, перепады атмосферного давления, — рассказывает доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией Института педиатрии АМН СССР Р. П. Нарциссов. — проводили биохимические анализы, исследования крови. И все это показало, что магнитные бури — весьма мощный удар для больных, а особенно для больных детей. Магнитные бури могут выбить из обычного состояния и здоровых, крепких людей. Человек может потерять внимательность, способность своевременно отвечать на различные производственные и житейские ситуации, контролировать свои действия... По нашим расчетам, риск нежелательных по-

следствий до, во время и после магнитных бурь увеличивается более чем в два раза. Это очень серьезная цифра...

А теперь вспомним, читатель, все совершившиеся аварии и катастрофы в воздухе, на земле, на воде, на железных и автомобильных дорогах. Кто-то растерялся, кто-то не сообразил, кто-то вовремя не среагировал, кто-то заснул... Причин немало. И среди них — непогода, ее капризы, колебания...

Сибирским отделением АМН СССР разработана программа «Солнце — климат — человек». Ею предусмотрены многолетние исследования медико-биологических эффектов и остроклимато-географических факторов, наблюдения за активностью нашего светила. В программе принимают участие специалисты различных областей науки. Ученые Сибири и Дальнего Востока предпринята попытка скоординировать разрозненные исследования по изучению адаптации человека к погодным условиям. Этой программой интересуются все, кто угодно, но только не Всесоюзный научный центр медицинской реабилитации и физической терапии.

— Мы еще в 1979 году предложили профессору В. М. Боголюбову принять участие в программе «Солнце — климат — человек», — рассказывает член-корреспондент АМН СССР Н. Р. Деряпа. — Он уклонился... Судя по всему, в этом Центре увлечены частными проблемами: водо- и грязелечение, минеральные воды, физиотерапия, массажи, всевозможные ванны, сауна...

Замечу, подобные отзывы о бывшем ЦНИИ или нынешнем Центре медицинской реабилитации мне не раз приходилось слышать от ученых, но при этом почти всегда добавлялось, что в его стенах есть специалист высокого класса, который работает грамотно, квалифицированно и последовательно. Это кандидат медицинских наук В. Ф. Овчарова. С 1969 года она возглавила отделение, развивающее идеи профессора Г. М. Данишевского, изучала целебность горного воздуха, разрабатывала прогнозы погоды, занималась прикладной медицинской климатологией... В 1984 году от руководства отделением Овчарова была отстранена...

— На мой взгляд, директор института В. М. Боголюбов не уделял и не уделял должного внимания медицинской климатологии и метеопатологии, — рассказывает Валентина Федорова, — хотя в свое время был приказ министра здравоохранения об усилении, укреплении отделения медицинской климатологии, которое имеет важное социальное значение...

И еще об Овчаровой. Ею сделана заявка на открытие. Удалось обнаружить ранее неизвестное природное явление. Оказалось, когда изменяются физические свойства атмосферы (давление, температура, влажность), изменяется и абсолютное количество кислорода в атмосфере... Его даже в Москве порой очень и очень не хватает. Бывают дни, что в столице кислорода столько, сколько его в горах на высоте 1500 метров над уровнем моря. Поэтому у неподготовленного горожанина появляются нежелательные отклонения в сердечно-сосудистой системе, обостряются заболевания органов дыхания...

С 1974 года В. Ф. Овчарова оформляет заявку на открытие! Удовлетворить оформительские требования Комитета по делам открытий и изобретений не так-то просто, ибо каждый раз они новые. Кто с этим сталкивался, знает, что это такое, сколько требуется сил, времени, энергии.

Как понимает читатель, биоклиматология далека от своего расцвета. Повсюду она встречает сопротивление.

— Нам удалось организовать два научно-методических центра медицинского прогнозирования и метеогелио-профилактики. Один — на заводе «Красное Сормово», другой — на базе областной клинической больницы, — рассказывает проректор по научной работе Горьковского медицинского инсти-

тута, профессор В. Д. Трошин. — Благодаря своевременной метеопрофилактике существенно снизилось число обострений гипертонической, ишемической болезни сердца. А на заводе даже подсчитали экономический эффект для небольшой группы диспансерных больных. Он составил тысячи рублей. К сожалению, Министерство здравоохранения нас все эти годы не поддерживало и, похоже, не думает поддерживать. Нет никакой помощи — ни методической, ни финансовой. Работали на общественных началах. А два года назад по указанию горздраводела, который выполнял министерское решение, центры были закрыты и расформированы. Но научную работу мы не свернули. Печально, что идеям Вернадского, Чижевского больше внимания уделяют на Западе, чем в нашей стране...

Слово — министру здравоохранения Белорусской ССР В. С. Улащику.

— В последнее время даже в санаториях все реже используются медицинские прогнозы погоды. С этим никак нельзя мириться. Прогнозы надо развивать, они — фундамент метеопрофилактики, которая должна быть повсеместной. В Минске, на базе Института кардиологии, работает научная группа, которая готовит медико-метеорологические прогнозы, выдает нужные больным рекомендации. Будем углублять и расширять работу в области биоклиматологии, развивать идеи таких корифеев науки, как Чижевский, Данишевский... В этом году создадим в Минске Бюро медико-метеорологических прогнозов. Причем мы не думаем ограничиваться только лишь кардиологическими и неврологическими больными, регулярные прогнозы будем давать по всем заболеваниям. Имеем договоры со многими редакциями белорусских газет.

Москва, Новосибирск, Горький, Ялта, Минск, Киев, Ташкент, Уфа... Можно назвать еще пять — семь городов, где ученые вместе с врачами-энтузиастами ведут медицинские прогнозы погоды, «тянут» биоклиматологию. Повторяю: эти прогнозы и вся связанная с ними работа распространяются пока на ограниченное количество людей. Нет научной координации, единого руководства, помощи Минздравов СССР, РСФСР...

Нелегкий труд ученых, медиков осложняется еще и тем, что они практически не имеют оперативной и полной информации о состоянии погоды и климата. Ведь та информация, которая публикуется в научных сборниках, выходит... три — шесть месяцев спустя после получения результатов! Врачи не имеют стандартных медико-метеорологических приборов, которые можно было бы использовать в каждом климатогеографическом районе страны. Ни одно учебное заведение страны не готовит специалистов по медицинской климатологии!

Ясное ясно: нам необходима единая Государственная специализированная медико-метеорологическая служба информации и прогноза, которая не только давала бы оценку метеоситуации, но и занималась дифференцированной профилактикой, обслуживала на хозрасчетных принципах поликлиники и больницы страны.

— Положение о такой службе было разработано еще в 1977 году, — говорит В. Ф. Овчарова. — И что же? Минздрав СССР не проявил должной заинтересованности. А лет семь назад Госкомитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды провел в Риге совещание, на котором обсуждались принципиальные вопросы организации медико-метеорологической службы страны. И опять важнейшие его решения по сей день не реализованы.

Проблема «погода — климат — человек» требует серьезного к ней отношения. А если учесть все наши экологические трудности, загрязнение атмосферного бассейна вредными веществами, то эта проблема остра как никогда. И, судя по всему, тут свое слово должны сказать не только Минздрав СССР, АМН СССР, АН СССР, но и Государственный комитет СССР по науке и технике.

“ПИСАТЬ ВСЕ-ТАКИ НАДО!”

А. Мильчаков, 1952 год.

Произошел крупный разговор. Киров подал заявление, поставив вопрос о созыве Пленума Центрального Комитета для обсуждения доклада Ленинградского губкома.

— Если Пленум Центрального Комитета не одобрит линию и деятельность губкома, я не смогу оставаться секретарем Ленинградской организации, — сказал Сергей Миронович.

Вернувшись в Ленинград, Киров информировал о случившемся и о своем заявлении членов и кандидатов ЦК, работавших в Ленинграде.

Ко всем этим членам и кандидатам ЦК по указке Сталина посылаются ответственные работники НКВД с ловко подобранными «фактами» подрывной деятельности оппозиционеров-заговорщиков.

В кабинете Петра Смородина, секретаря Петроградского райкома, члена бюро губкома и кандидата в члены ЦК, произошла характерная сценка.

— Что ты мне подсовываешь пинкертоновщину какую-то! Разве у вас нет

другой работы, что вы стали заниматься всякой ерундой?

— Полегче в выражениях, — надулся представитель НКВД. — Нам известно, какое значение сам товарищ Сталин придает нашей работе и нашей информации.

— Ну, значит, и Сталин занялся пинкертоновщиной! — прервал разговор Смородин.

В роковой день 4 декабря 1934 года Киров заехал в Смольный перед тем, как идти на собрание актива во дворец Урицкого. Смородин, шедший к Кирову, как и другие члены бюро губкома, до начала заседания, услышал выстрел, за ним — другой, помчался к кабинету Мироныча. Он застал группу в несколько человек и схваченного Николаева, исполнителя злодеяния, симулировавшего вторым выстрелом попытку самоубийства.

Кирова положили на письменный стол. Он был мертв...

Со стесненным сердцем смотрел я в квартире-музее Мироныча на фургонку, пробитую, опаленную пулей, со следами крови незабвенного любимца партии и народа...

Организаторам убийства понадоби-

лось убрать свидетелей: сначала убили начальника охраны Кирова, потом уничтожили тех, кто убил начальника охраны. Что касается «главного свидетеля» — самого Николаева, то, когда ему объявили приговор о расстреле, он истощенным голосом завопил: «Обманули, обманули!» Понятно, не расстрелом прельщали этого мерзавца злодеи, пославшие его на убийство.

Арестованный и обвиненный в связи с Николаевым зинovieвец Катальников, бывший член бюро ЦК ВЛКСМ, на следствии и при объявлении приговора неизменно твердил, что Зиновьев и зинovieвцы никакого отношения к убийству не имели и он отвергает всякую вину зинovieвцев.

— Не виновны, не убивали, не замыслили! — кричал Катальников.

Сталин открыл страшную полосу массовых расправ над ни в чем не повинными людьми, терроризируя партию и страну. Приходилось слышать: убийство Кирова толкнуло Сталина на репрессии. Определенные ответные меры были бы, естественно, приняты по отношению к действительным виновникам, причем если бы это были зинovieвцы. И при этом — в рамках возмездия и кары к действительным виновникам.

Но Сталин инсценировал убийство Кирова зинovieвцами и затем использовал им же инспирированное злодеяние как предлог для массовых арестов. Гнев и возмущение масс, ошеломленных преступлением, Сталин очень хитро и коварно использовал, направив негодование масс на «врагов народа», которых «для удобства» в дальнейшем объединили общей вывеской — «правотроцкистские заговорщики».

Шагая по трупам жертв собственного произвола, Сталин, этот искусный актер, разыгрывал роль скорбящего об утрате друга, точно так же как он шел пешком по улицам Москвы до кладбища за гробом своей жены Аллилуевой, которую сам довел до самоубийства...

В Ленинграде началась «чистка от зинovieвцев». Тюрьмы были переполнены. Начались расстрелы... Не отдельными вагонами, а целыми эшелонами отправлялись невинные жертвы в наспех создаваемые лагеря и на поселение в отдаленные районы страны. Осиротевших детей, безжалостно лишенных родителей, посылали в детские дома.

Как и кто определял эти контингенты гонимых и несчастных, зачисляя их без всяких оснований в разряд «врагов народа»? Только и монополю — аппарат НКВД, поставленный Сталиным над партией и над народом и превращенный в гонителей и палачей народа.

Масштабы репрессий становились огромными и повсеместными, работники НКВД, поощряемые Ежовым, а за ним — Берией, «соревновались», кто больше посадит людей в тюрьмы и лагеря, наконец, аресты приняли такие размеры, что и сейчас недостает решимости назвать вслух астрономические цифры...

Последовавшие затем годы отмечены политическими процессами против бывших лидеров различных оппозиций. Режиссером всех процессов был Ста-

лин, практически исполнителями его замыслов — Ежов и Вышинский.

Ежова я наблюдал ряд лет, когда работал секретарем Центрального Комитета комсомола и в аппарате Центрального Комитета партии заведующим сектором партийного строительства. Это были годы 1925—1931.

Ежов не раз хвастался в узком кругу, что обратил на себя внимание Сталина тем, что во время дискуссии с троцкистами ударил по лицу члена ЦК Сокольникова. Подобный «радикализм» местного семипалатинского работника из далекого Казахстана пришелся по душе Сталину. Ежов был взят в аппарат ЦК партии и скоро стал всеильным в подборе и расстановке руководящих кадров как заведующий отделом ЦК и самый близкий к Сталину деятель аппарата. Морально это был опустошенный человек, пьяница и наркоман, читавший только служебные бумаги, и то лишь самые важные и адресованные Сталину.

Вышинский был карьеристом и политическим приспособленцем, сделавшим карьеру на смертных приговорах и политических процессах. Мне пришлось ездить с ним в Среднюю Азию в составе бригады Центрального Комитета партии по заготовкам хлопка в 1931 году. И в пути, и на месте его облик стал нам быстро очевидным: барин и демагог.

Р. С. Землячка, легендарная большевичка, член Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б), на заседании Оргбюро ЦК партии, кивая в сторону Вышинского, сказала мне: «Не могу равнодушно видеть этого мерзкого меньшевика! Почитайте, Мильчаков, в историческом журнале (она назвала точно, в каком) документы об Октябрьской революции в Ташкенте. Этот член ЦК меньшевиков, будучи их представителем в Ташкентском городском Совете, с пеней у рта выступал против большевиков. Вряд ли он доволен поручением поехать сейчас в Ташкент...»

Вышинский был тогда ректором Московского университета.

«На ловца и зверь бежит». Надо же было именно Вышинского поставить на высокий пост Генерального прокурора СССР!

Сталину был нужен именно такой прокурор для задуманных им черных дел и для серии сфабрикованных политических процессов.

Не просто политический хамелеон, а первоклассный демагог, выдающийся казуист, личность, лишенная всяких моральных принципов.

Все процессы были состряпаны по одному шаблону. Получить (и выбить) «признания» подсудимых, заставить их «полностью разоружиться», расписаться в преступлениях, им приписанных, обещать «за эту цену» не лишать их жизни, а затем все-таки расстрелять.

В архивах обнаружены документы, написанные лично Сталиным. Сталин сам «формировал» оппозиционные центры, по своему усмотрению вписывал в число членов этих центров одни фамилии, вычеркивал другие, отдавал приказание, кого из подсудимых «бить

и бить», у каких лиц «получить показания во что бы то ни стало»... А сколько аналогичных указаний отдавалось им устно! Он определял, какие вымышленные обвинения приписать подсудимым. Ежов и Вышинский, его способные ученики и подручные, лихо перевыполняли задания.

Так называемое «дело Косарева» является также клеветническим процессом, устроенным над руководителем комсомола.

«Технология» процесса шла по одной и той же схеме. Сначала были арестованы два секретаря ЦК ВЛКСМ — Салтанов и Горшенин, а в ряде областей — секретари областных комитетов комсомола, например, в Ростове-на-Дону — член ЦК ВЛКСМ Ерофицкий.

Часть из них, в том числе Горшенин, не выдержала избиений и подписала удобные «следствию» показания. Эти заведомо неправильные, вымученные показания и легли формально в основу обвинения Косареву и секретарям ЦК комсомола. Следователи НКВД настолько уже не стеснялись, что заставляли избитых арестованных подписывать всякую нелепицу, лишь бы было «похлестче»: «сеть террористических троек» в ЦК и обкомах комсомола, возглавляемая первыми секретарями комсомольских комитетов, «подготовка взрыва на трибуне Мавзолея, когда там будет Сталин» вместе с секретарями ЦК комсомола во время юношеского праздника и т. д. Бредовый характер, нелепость подобных обвинений очевидна всякому умственно не поврежденному человеку. Тем не менее эта дикая галиматья с серьезным видом огла-

шалась на пленуме ЦК комсомола. Пленум Цекаммола был созван в конце ноября 1938 года.

На пленум явились Сталин, Молотов, Жданов, Шкирятов, Мехлис, Поскребышев. Открыл пленум секретарь ЦК партии Жданов, чем было уже заранее подчеркнуто политическое недоверие секретарям ЦК комсомола. С докладом «о вражеской деятельности в комсомоле» выступил руководитель Комиссии партийного контроля недоброй памяти Шкирятов, усердный штамповщик всех беззаконий.

Затем слово взял Жданов, оглашавший материалы НКВД и «показания» арестованных.

Определенную гнусную роль сыграли отвратительные клеветы карьеристки Мишаковой, инструктора ЦК комсомола, ставшей после пленума секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ. Мишакова потом афишировала свою близость к Берии и долгое время держала в страхе работников Цекаммола, пока они не избавились от нее под предлогом несрабатанности. Сталин предложил назначить ее ответственным инспектором ЦК партии и изрек при этом, в назидание цекамольцам: «Мишакова оказала большие услуги Центральному Комитету партии, она — лучшая комсомолка СССР» (!).

После XX съезда эту «лучшую комсомолку» исключили из партии за клевету.

Но вернемся к пленуму ЦК ВЛКСМ. Жданов, Шкирятов и ряд выступавших комсомольских работников требовали от Косарева и других секретарей Цекаммола:

— Расскажите, как вы потеряли бдительность, якшались с врагами, секретарями областных комитетов, рекомендовали врагов, вскоре разоблаченных и арестованных органами НКВД, зажимали критику, политически разложились. Кайтесь, мы вам не верим, признайтесь, что у вас камень за пазухой против партии и ее руководства...

Косарев выступал дважды, клялся в верности партии, отвергал обвинения во вражеских замыслах и вражеских действиях. Но на пленуме царил всеобщая подозрительность и самая безответственная черная клевета. Объяснения подозреваемых во внимание не принимались, их просто не хотели слушать. К тому же Сталин всем своим видом и репликами дал ясно понять присутствующим, что он пришел на «похороны» Центрального Комитета комсомола данного состава. Судьба руководителей комсомола была предрешена.

Во время выступления одного секретаря местного комитета, сказавшего, что «Косарев до сих пор не может понять всей глубины своих ошибок», Сталин небрежным тоном бросил реплику: — Не не может, а не хочет!

Следует сказать и о неслыханной, бесстыдной обстановке на пленуме центрального органа молодежной организации.

Вторая половина присутствовавших на пленуме состояла из агентов Берии. К каждому комсомольскому работнику был приставлен соглядатай, следовавший по пятам и не спускавший глаз с подопечного. Ребята это поняли, говорили друг другу...

Охваченный нетерпением и лихорадочной массовой расправы над комсомольскими работниками, проголосовавшими на глазах «судей» за снятие с постов Косарева и других секретарей и членов бюро ЦК ВЛКСМ, палач Берия начал «хватать» несчастных, не дожидаясь закрытия пленума. Так было с заведующим оргинструкторским отделом ЦК Герцевичем и другими.

После окончания пленума были арестованы секретари ЦК Косарев, Андреев, Файнберг, Лукьянов, Пикина, Чемо-данов и почти все, за единичными исключениями, члены и кандидаты ЦК ВЛКСМ и многие секретари областных, краевых и республиканских комитетов комсомола.

Все произошло «в манере Сталина» — уничтожить вместе с секретарями Цекаммола и тех, кто голосовал за их снятие, убрать побольше свидетелей, а в оставшихся вселить страх и трепет.

Знал об этом Сталин? Конечно, знал. Больше того, он утвердил эту массовую акцию. Да Берия в таком масштабе ее и не проводил бы, не получив одобрения Сталина.

В канун 1 мая 1939 года я в качестве арестанта оказался в Бутырской тюрьме. Надзиратель втолкнул меня в большую камеру, в которой копошилось более ста человек на нарах, на полу, в проходах. Я остановился в нерешительности, куда податься, где присесть.

Ко мне подошел молодой человек, небритый, беспоясый, в каких-то шлепанцах.

— Саша, проходи в наш комсомольский угол, — сказал он. — Разрешить представиться: староста камеры, бывший заместитель заведующего оргинструкторским отделом ЦК ВЛКСМ.

Я повеселел. И тут своя среда, свои люди. Навстречу с нар глядели на меня двадцать юношей — «однодельцы Косарева».

Среди товарищей были члены ЦК и ревизионной комиссии, работники ЦК комсомола и «Комсомольской правды»: Диментман, Егорушкин, Ежов, Борзов, Вольберг, Тетерин, Андреев, Гольдфарб, Огненный, Буденный, Коваленко, Козлов, Захаров, Москаленко, Румер, Перельштейн...

Устроили меня ребята поудобнее, чтобы не было видно головы «в глазок», к которому постоянно прижимался надзиратель, — и начались нескончаемые разговоры.

За период следствия (декабрь — апрель), попадая в разные камеры, ребята смогли установить, кто из участников пленума арестован. Вышло: почти все...

Через полгода, в промозглый день, типичный для поздней осени в Норильской тундре, встретился я на угольной шахте «Шмидтиха» с женой Косарева — Марией Нанейшвили. Ее в группе заключенных-женщин пригнали на углессортировку. Я надрывался тогда откатчиком в штольне. Мария Викторовна рассказала, как арестовывали Косарева и ее. С вечера в квартире шел обыск. К ночи приехал Берия, стал топтать сотрудников, предложил Косареву «собираться», сказал Марии Викторовне, что можно взять с собой арестованному.

Обезумевшая от горя бедная женщина обняла своего мужа, стала кричать:

— Не пущу, не дам! Лаврентий Павлович, он же ни в чем не виноват!

Мерзкий палач, поблескивая стеклами пенсне, тут же нашелся:

— Что ж, поедем с нами, я при тебе выясню, в чем его обвиняют.

Обрадованная женщина быстро оделась. Берия уехал первым. Потом увезли Косарева. В третьей машине поехала Мария Викторовна с агентом.

...Ее втолкнули в комнату, сразу сфотографировали, сняли отпечатки пальцев. Очнувшись она в тюремной камере. На седьмой день «догадались» взять ее подпись в ордере на арест, «оформили» еще одну заключенную.

— Представьте, Саша, голова идет кругом, — говорила мне на шахтном

А. В. Косарев,
С. М. Буденный,
А. И. Мильчаков,
1928 год.

дворе черная от угольной пыли Мария Викторова, вытирая слезы, оставлявшие светлые бороздки на лице.— Следователь меня донимал: расскажи, как Косарев боролся против правильной линии Мильчакова в Центральном Комитете ВЛКСМ, напоминая речь Сталина на VIII съезде комсомола, когда тот сказал, что «косаревцев» и «соболевцев» в комсомоле сколько угодно, а марксистов приходится днем со свечкой искать... А в это время и вы были уже арестованы. В НКВД уже не успевают следить за арестами, вот мой следователь и зарпортовался»...

— Скажите, Саша,— спешила она спросить,— как, по-вашему, жив мой Саша или нет?

У меня не повернулся язык высказать предположение о конце...

Косарев был расстрелян сразу после смертного приговора. Он использовал право осужденного обратиться в ЦИК СССР с просьбой о помиловании. Его заявление Берия даже не считал нужным пересылать в правительство и отдал приказание привести приговор в исполнение.

Заявление Косарева найдено в архиве Берии. Об этом сообщили Марии Викторовне в Прокуратуре Союза в 1954 году, когда она вернулась в Москву и ее известили о посмертной реабилитации мужа.

Несколько позднее пленум Центрального Комитета ВЛКСМ отменил решение ноябрьского пленума Цекатома (1938), возводившее на Косарева и других товарищей поклеп, продиктованный Сталиным по сфабрикованному в НКВД «материалу».

Я стою столбом в комнате помощника начальника следственной части НКВД Мешика. Глубокая ночь. Мешик часто выходит, тогда в дверях появляется молодой чекист — практикант, слушатель курсов НКВД. Нестерпимо хочется спать. Вот Мешик снова вернулся. Курсант исчез.

Лейтенант Мешик развалился в кресле, задрал ноги на стол. Рядом с письменным прибором удобно пристроена резиновая дубинка, заимствованная у берлинской полиции. Недавно туда ездила делегация сотрудников НКВД, видимо, «для обмена опытом». Мешик время от времени берет в руки дубинку и играет ею. Она такая гладкая, отполированная, с удобной рукояткой.

Мешик сделал понюшку из маленького флакончика. Глаза его заблестели. Он даже громко чему-то рассмеялся.

Сегодня Мешик «философствует»:

— Такие, как ты, отжили свой век, хоть ты и не старый. Вы цепляетесь за жалкие побрякушки советской и партийной демократии, самокритики. Кому, к черту, они нужны? Вы не поняли изменившейся обстановки. Нужен обновленный, новый режим и прежде всего твердая власть, возглавляемая сильным «хозяином». Пришла эпоха Сталина, а с нею — и новые люди, занимающие все позиции в аппарате. В авангарде новых кадров идет гвардия Сталина, чекисты. И мы сметем всех, кто нам мешает или может стать помехой.

Я вглядывался в самодовольное, возбужденное лицо лейтенанта, вслушивался в его речь. Становилось жутко. Такой не дрогнет «убрать помеху», убить кого угодно...

— Если хочешь знать, мы, чекисты,— партия в партии. Мы вычистим из рядов партии половину всякого хлама, вроде так называемой «старой гвардии» и лиц, связанных со стариками, со взглядами вчерашнего дня. Около миллиона людей, состоявших в партии, мы уже, наверно, вытряхнули. Об этом на днях будет сказано в отчете Центрального Комитета XVIII съезду партии. А остальные будут перевоспитаны. Они пойдут за нами, за Сталиным, как миленькие. Они займут ваши места во всех аппаратах и будут дорожить оказанным им доверием.

Мешик вызвал сотрудницу. Она принесла ему чаю с лимоном. Позвякивая ложечкой, он продолжил свои «поучения».

— Вот ты сидишь в тюрьме, будешь расстрелян или сгниешь в лагере. По директиве Инстанции вашему брату Военная коллегия лепит кругленькие приговоры: пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет. Трижды можно подождать, не на курорт поедете... Ты твердишь: «Я ни в чем не виноват». И я знаю, ты не совершал никаких преступлений. Но тебя надо убрать, ты нам не нужен. И я никогда не скажу, что ты не виновен, так как не хочу сесть на твоё место. К тому же Каганович, да что Каганович,— сам Сталин благословил твой арест. Тут уж железная логика: либо ты, либо я. Понял? Песня твоя спета. Аминь. Можешь поблагодарить меня за ночь...

— То, что я слышу, кощунство! Так не будет! — протестую я.

Мешик нажал кнопку. Меня грубо взял за руку появившийся надзиратель внутренней тюрьмы НКВД.

— Уведи этого дурака,— захохотал Мешик.

Этот лейтенант сделал при Сталине блестящую карьеру, стал правой рукой Берии, министром госбезопасности Украины, получил несчетное количество орденов, дослужился до чина генерал-лейтенанта.

В заявлениях же из лагеря, посылавшихся в течение долгих шестнадцати лет заключения в Центральный Комитет партии, в Верховный Совет, в Прокуратуру и Верховный суд, я ссылался на эти слова Мешика: «Мы, чекисты — партия в партии». «Знаю, ты ни в чем не виноват, но тебя надо убрать». «Не хочу сесть на твоё место...» Результат всегда был неизменным, вплоть до 1954 года: «Оснований к пересмотру дела нет». «Жалоба оставлена без удовлетворения...»

Чего добился Сталин, поставив НКВД над партией и народом?

Он задушил свободное волеизъявление в партии и до конца своих дней на земле утвердил свою личную диктатуру в стране.

Только «после смерти Сталина...» сложившееся внутри Центрального Комитета партии ленинское ядро руководящих деятелей, которые правильно понимали насущные вопросы как внешней, так и внутренней политики... повеле решительную борьбу с культом личности, с тем, чтобы ликвидировать его тяжёлые последствия и расчистить путь для быстрейшего продвижения нашей страны к коммунизму». («Правда», статья к 80-летию со дня рождения Сталина.)

Он утверждал свою необъятную власть, опираясь на Берия и Мешиков всех рангов, а также на своих оруженосцев и трубадуров в лице Кагановича, Маленкова, Молотова и других.

До какой грани политического падения надо дойти, чтобы угодливо предложить заменить ленинизм «сталинизмом» как теоретическим учением. Это предложение хамелеона Кагановича даже Сталин отверг. Сталин понимал, что ему приходится прикрывать свои действия знаменем Ленина.

Именно Каганович старался первым крикливо возглашать: «Сталин — корифей наук», «Сталин — великий машинист локомотива революции» и т. п.

Всякие события, в том числе даты возраста Сталина, являлись поводом для безудержного его восхваления. Тут уж прямо «соревновались» в расточении ластивых эпитетов!

Сверху вниз, по команде, шли шпартгалки: как выступать, как начинать речи и доклады, как их заканчивать.

В этой обстановке раздолье было подхалимам и карьеристам, чиновным душам и перестраховщикам. «Ах, его арестовали? Значит, так и надо. НКВД борется с врагами, НКВД знает, что делает. Если арестованный сам не враг, значит, запутался в связях с врагами или сболтнул что-нибудь лишнее...»

Сочинители доносов прикрывали свою мерзость словами о том, что «всякий коммунист должен быть чекистом», сказанными в первые годы революции, когда чекисты Дзержинского боролись с действительными врагами.

Партийная дисциплина стала средством голого принуждения, независимо от того, правильно или нет действие бюрократа, сидящего на руководящем посту. Политическая бдительность обрабатывалась не по отношению к врагам, а по отношению к товарищам по партии, к советским людям.

Партийной непримиримостью прикрывались репрессии к допустившим случайную ошибку или даже обмолвку. Появилось ходкое выражение: «Его проработали». И опять подобные действия получали этикетку «борьбы за большевистскую запятую...»

Работники разных аппаратов стали говорить о Сталине — «хозяин». Им нравилось, щекотало мешчанское самолюбие, когда их самих в их вотчине тоже величали: «хозяин», «так велел хозяин».

По примеру Сталина грубый окрик и командование ввели в оборот многие деятели в центре и на местах. Грубость даже стали восхвалять, грубостью и унижением достоинства людей принялись прямо «кокетничать». Грубая брань, хамство стали стилем поведения многих бюрократов.

Работе людей стал сопутствовать страх. «Не смей критиковать начальство, держи язык за зубами и прожидь благополучно».

Сталин, конечно, сознательно подкупал и развращал руководящие кадры. Он одаривал их крупными денежными окладами, премиями, бесстыдными подачками — так называемыми «конвертами» со вторыми окладами, персональными машинами, роскошными квартирами и дачами, привилегированным снабжением в «закрытых» магазинах и столовых, бесплатными путевками в санатории-дворцы и т. п.

Это углубляло разрыв между руководителями, большими и маленькими, и народом. Это ставило работников в зависимость не от народа, не от коллектива, избирающего своих вожakov, а от «хозяина» сверху, от его произвола. Поэтому угодной начальству. Ты же не хочешь лишиться всех, связанных с руководящим положением, привилегий.

Так создавалась «номенклатурная знать».

Знай Ленин о таких фактах, он с негодованием обрушился бы на «совбуров», усвоивших замашки бар и оторвавшихся от простых людей.

Разве терпимо в рядах партии, ведущей страну к коммунизму, иметь рядом людей с немилыми, более чем тысячными ставками заработной платы и работниц-матерей, зарабатывающих сорок рублей в месяц!

Многие отвратительные явления — наследие нравов сталинского времени — бытуют еще и теперь в нашей жизни. Партия не может ослаблять борьбу с последствиями культа личности, развратившего умы многих...

В 1930 году я ездил по поручению ЦК партии в Каракалпакию, провел там несколько месяцев. Любопытно, что впервые приехал в эту забытую область представитель ЦК из Москвы. Вернулся, внес в ЦК на имя Сталина записку «О хозяйственном и культурном отставании Каракалпакии». Докладывал Сталину. Он распорядился посвятить заседание Оргбюро ЦК моему докладу о Каракалпакии. Тогда же было решено построить в этой далекой окраине ряд предприятий, открыть медицинское и педагогическое училища для подготовки местных кадров, улучшить судостроение на Амударье, преобразовать область в автономную республику, перенести ее столицу из разрушаемого Амударьей Турткуля в новое место — Нукус.

В 1932 году в составе комиссии ЦК вместе с заместителем наркома тяжелой промышленности Серебровским и членом ЦК ВКП(б) Араловым я объехал золотые прииски Урала, Сибири и Дальнего Востока, включая Лену и Алдан, изучая состояние добычи золота на местах и разрабатывая меры по подъему золотой промышленности для внесения их в ЦК и правительство.

Здесь мы сблизились с замечательным большевиком-ленинцем Г. К. Орджоникидзе, командармом индустрии, как его часто называли. Конечно, мы встречались и раньше, когда я работал в ЦК комсомола и в ЦКК.

Я опять докладывал о делах Сталину, на этот раз в присутствии Серго. Орджоникидзе выступил инициатором привлечения молодых партийных работников к хозяйственной деятельности. Так и я на ряд лет стал хозяйственным.

После годичной работы в Иркутске, где было создано всесоюзное объединение «Востокзолото», наступил трехлетний период моей работы директором золотопромышленного комбината в Забайкалье — «Балейзолото».

На заседании Политбюро Сталин предложил мне на выбор — стать директором «Лензолото» или «Балейзолото». Там — золотые прииски, разрабатываемые сто лет, тут — рудники, недавно открытые советскими геологами. Я выбрал Балейские рудники, к этому же склонял меня старый товарищ, секретарь крайкома партии в Иркутске Ф. Леонов. (Погибший, как и все секретари крайкомов и обкомов, в тюрьмах НКВД.)

Серго был очень доволен, что я иду директором предприятия.

— Начинать, голубчик, управлять хозяйством снизу,— говорил он,— поработай засучив рукава. Дело пойдет.

Серго, как, впрочем, и Сталин, знал, что в кремлевской больнице третий месяц лежит моя Маруся, только-только начавшая выкарабкиваться из смертельно опасного положения «приговоренной» туберкулезницы. Детей вместе с няней Серго распорядился поместить на дачу Наркомтяжпрома в Томлино.

...Я поехал в Забайкалье. Через два года, к началу 1935 года, добыча золота на Балее была учетверена, две действовавшие золотоизвлекательные фабрики расширены, вошла в действие новая большая фабрика. Добыча руды была целиком механизирована. Рабочий поселок Балей решением ЦК СССР был преобразован в город, в нем было уже около сорока тысяч жителей.

Серго представил меня к ордену Ленина и затем поздравил с наградой.

Я регулярно приезжал в Москву на пленумы ЦК и ЦКК, на партконференции и съезды, на совещания в Главлзолото и Наркомтяжпром. И неизменно встречался с Серго. Он всегда ласково принимал, терпеливо выслушивал и оказывал предпринятию самую различную помощь. Так, например, он «своятал» труппу театра Вахтангова поехать летом на Балей, и у нас выступала эта прекрасная труппа во главе с замечательными артистами Щукиным и Захаровым.

Осенью 1935 года Серго помог получить согласие Сталина на мое поступление в Промышленную академию, так как, продолжая работать в хозяйстве, нужно было получить инженерно-техническую подготовку. Сталин при этом сказал: «Долго не проучитесь. Заберем на работу».

Так и вышло. В мае 1937 года я был назначен начальником Главлзолото вместо арестованного Серебровского. Но об этом — после. Сейчас разговор о незабвенном Серго.

Итак, я усердно учусь, веду партию в академии, избран парторгом факультета, членом парткома и Бауманского райкома партии. А время было напряженным, начались аресты деятелей оппозиции, видных хозяйственников, поползли разговоры о вредительстве.

Раз позвонил мой друг, организатор Якутского комсомола, бывший член ЦК ВКП(б), работник РКИ Степан Васильев. Он был в числе первых молодых революционеров — якутов, привлеченных в партию товарищами Ярославским и Орджоникидзе, отбывавших ссылку в Якутске.

Васильев предложил мне поскорее приехать к нему. Приглашение прозвучало необычно. Степан отличался спокойствием и выдержкой.

В тот же вечер я был у него дома. Степан позаботился, чтобы нам никто не мешал, и приступил к рассказу.

Некоторое время тому назад вызвал его Сталин, предупредил, что дело сугубо важное.

— Вас любит Серго еще со времен его ссылки, я знаю,— сказал он.— Так вот, пойдите к Серго, почитайте ему материалы НКВД о вредителях, о Пятакове, Ратайчаке и других и убедите подписать санкцию на их суд и расстрел. — Мне известно, Серго болен,— ответил Васильев.— Есть указание не тревожить его.

— Вам можно. У вас может возникнуть вопрос: почему сами члены Политбюро его не убедят? Мы с ним говорили. Скажу по секрету: он упрямится. Но он же нарком тяжелой промышленности, Пятаков — его заместитель. Без подписи Серго наше решение не может состояться.

— А если Серго меня прогонит, не захочет слушать?

— Не прогонит, зачем пустяки говорить? Наоборот, он задумается. То члены Политбюро его убеждали, а тут пришел партийный работник, в прошлом его ученик, по долгу службы своей в Комиссии советского контроля изучивший материалы о вредителях, и от себя говорит ему: мало расстрелять таких мерзавцев! Поняли? От себя, без ссылок на нас.

— Серго догадается, спросит: «Сталин тебя послал?» Как ответить?

— Подумайте, как ответить. Важен сам разговор. Нажимайте на Серго от себя, как партия, как государственный контролер, наконец...

После дополнительного инструктажа, получив у Сталина папку с материалами НКВД, Васильев отправился к себе, изучил материалы и пошел к Орджоникидзе. Большой Серго приветливо принял Степана. Когда Васильев начал говорить о вредителях и читать материалы НКВД, Серго помрачнел, потом перебил его:

— Не верю! Чувствую, тут что-то не так. Не верю. Выходит, мы забыли все, чему учил Ленин, не умеем распознать врагов, пригнали на своей груди змею? Как же я работал рядом с Пятаковым, ежедневно встречался и не разглядел, как он подкапывается под Советскую власть! Не могу понять, не может быть. Я не увидел, не почувствовал чутьем большевика, а Ежов и его агенты узнали и разоблачили? Да как же я в глаза людям посмотреть стану, старый я тюфяк, черт возьми! Не могу подписать, не верю. Не так это просто!

Васильев видел слезы на глазах Серго, понял, как он страдает, переживая случившееся. Васильев ушел, не добившись успеха в выполнении сталинского поручения.

Сталин молча выслушал сообщение Васильева, сухо его поблагодарил. Через несколько дней заставил Васильева вторично пойти к Орджоникидзе с той же миссией и с дополнительными материалами НКВД в виде показаний арестованных...

Вскоре все мы были потрясены сообщением о смерти Г. К. Орджоникидзе. В группе товарищей стоял я у гроба Серго. Мы не знали тогда, провозжая умершего, что он сам ушел из жизни. Мы верили официальному сообщению.

Да, Серго сам оборвал свою жизнь: не вынес самовластия Сталина. Он видел и осуждал культ его личности и творившиеся беззакония, понимал, что Сталин грубо надругался над ленинскими заветами, что никакого действительно коллективного руководства в ЦК нет и в помине.

Перед Орджоникидзе были два пути. Первый — открыто выступить против Сталина на пленуме ЦК. Такой пленум предстоял. Сталин навязал Серго доклад на пленуме о ликвидации последствий вредительства в тяжелой промышленности. Серго готовился к пленуму, будучи больным, делал наброски своих соображений.

Зинаида Гавриловна, его жена, помнила, что на столе в комнате Серго лежали исписанные им листы бумаги.

Словом, первый путь заключался

в открытом выступлении против Сталина. Серго отдавал себе отчет в том, что при необъятной власти Сталина и НКВД он был бы схвачен немедленно, тут же, на пленуме, «предан анафеме» и уничтожен.

Серго стоял перед выбором: пусть был бы уничтожен только он, успевший сказать свое слово. Но ведь Сталин, Ежов, Берия устроят новую «Варфоломеевскую ночь» и растерзают многие тысячи невинных по признакам близости и солидарности с Орджоникидзе. Они изобразят еще один вражеский заговор против Сталина и еще больше терроризируют народ...

Оставался второй путь: уйти из жизни, не желая нести ответственность за злодеяния Сталина, выразить самоубийством протест против политики Сталина и зловещего культа его личности.

В последние дни перед смертью Серго поведать свои мысли верному другу. Друг удерживал его от «крайностей»...

Серго выбрал второй путь. Он застрелился.

По звонку Зинаиды Гавриловны, сообщившей о смерти, в комнату Серго пришел Сталин вместе с членами Политбюро ЦК. В квартире снова Ежов. Была продиктована версия о причинах смерти вследствие обострившейся болезни. Вызвали врачей.

Когда все ушли, листки с записями Серго исчезли — стол был пуст.

В траурные дни гроб с телом Серго находился в Колонном зале Дома союзов. Зинаида Гавриловна была там же. В ее отсутствие в квартире был проведен тщательный обыск, ищущий Ежова изымали любой листок с пометками рукой Орджоникидзе.

Потом и сама Зинаида Гавриловна, как и другие родственники Орджоникидзе, отправилась в ссылку. Что касается судьбы Степана Васильева, скромнейшего и честнейшего коммуниста, то о ней я узнал много позднее, в 1954 году, когда вернулся в Москву из Магадана. Жена друга Васильева — Ивана Ивановича Короткова, бывшего члена ЦК и Президиума ЦКК, рассказывала Марусе, как плакал Иван Иванович, бессильный протянуть руку Степану, сумевшему переслать Короткову записку — мольбу из лагеря:

«Меня били, издевались надо мной, растоптали мои очки, я почти ослеп и совсем ослабел... Помогите, помогите»...

Я встретился с женой Степана. Она стала психически больным человеком. Массовые аресты в стране продолжались. Я сообщал райкому и парткому об арестах друзей и товарищей, с кем работал: членов ЦК ВКП(б) Леонова и Разумова, секретарей областных комитетов партии Курганова, Голуба, Холохленко, секретаря Московского комитета Корытного и других. На Балее арестовали группу работников. Секретарь райкома оттуда прислал в Москву письмо о том, что я работал с арестованными «вредителями», значит, их «покрывал». Директор комбината, сменивший меня на Балее, счел нужным прислать в НКВД и в Московский комитет про странное послание, обвиняющее меня во «вредительском хищничестве» при разработке месторождения.

Секретарь Бауманского райкома Зодионченко (приставивший к своей фамилии «украинское» окончание, за что потом получил выговор) делал тогда, как и многие, карьеру на травле честных коммунистов. Он быстро внес на пленум райкома требование вывести меня из состава членов райкома, как «потерявшего доверие»... Вывели, конечно, хотя многие недоумевали, переглядывались, многие опускали глаза.

Потом второй секретарь райкома Гутин (начинавший работать в комсомоле, когда я был секретарем Цекамола) явился на заседание парткома Академии, чтобы вывести меня из состава парткома. Вывели, конечно, хотя товарищи вслух высказывали свое недоумение. Сомневавшихся вызывали в райком поодиночке и говорили по секрету: «Его надо исключить из партии, а то он будет арестован с партбилетом». При

этом многозначительно покачивали головами.

На партийном собрании Академии секретарь райкома, увидев, что мое выступление произвело впечатление на товарищей и за исключение меня из партии поднимается не так уж много рук, попросил переголосовать и сам принял подсчитывать голоса, подгоняя: «Смелее, смелее голосуйте!» Исключили.

Поздним вечером пешком возвращался домой. Подхожу к дому, издали вижу в освещенном окне фигуру Маруси. Ждет. Она уже пришла с собрания своей институтской парторганизации. Ее исключили «за связь с мужем, разоблаченным и исключенным из партии»... Оперативно!

Маруса боялась не дожидаться. Дума-ла: арестуют по дороге.

Бессонная ночь. Пишу заявление в ЦК, в Московский комитет, пишу и о себе, и о Марусе.

Заболела дочка. Отправился утром за лекарством в кремлевскую аптеку, к которой был прикреплен. Лекарство не дали: «Вас открепили»... Дичь какая! Ну, нрав! Горько было сознавать, что всего этого не должно быть, что ты беспомощен.

Райком же торопится утвердить исключение из партии на заседании бюро. Вызван. Процаюсь с Марией.

В приемной райкома сидят уже десятка три скорбных фигур, с тоской в глазах. Они будут с мольбой говорить о своей честности и невинности. Их холодно выслушают и все равно исключат. Автоматически. Не вникая в существо дела, не задумываясь над судьбой коммуниста. «Проявляя бдительность». Вот что ужасно! Вот к чему привели культ личности и политика массовых репрессий!

Я сел с краю. Вдруг какая-то беготня, суматоха прервала заседание. Меня зовут к телефону в кабинете секретаря, откуда удалились заседавшие. У телефона Каганович:

— Вас уже вызвали в райком? Поспешили. Прошу приехать ко мне сейчас же.

Еду в машине с секретарем парткома Академии Козловым и директором Коробовым. Ставший первым секретарем райкома Гутин поехал отдельно. Зодионченко уже в Кремле — заместитель председателя Совнаркома РСФСР.

У Кагановича произошел интересный диалог, часть которого стоит воспроизвести.

— Когда нам, секретарям ЦК, стало известно, что в Академии исключен из партии Мильчаков, товарищ Сталин предложил немедленно выяснить в чем дело. — Каганович повернулся к Гутину и Козлову. — Мильчакова отлично знает ЦК. Вам известно, что он был членом ЦК ВКП(б), секретарем ЦК ВЛКСМ? Как же вы могли его исключить, не посоветовавшись с ЦК?

— Он сам признал, — пробормотал Гутин, — что его другом был арестованный и разоблаченный враг народа Корытный...

— Мильчаков встречался с Корытным, а Корытный был секретарем Московского комитета партии, — ехидно заметил Каганович. — Вот если я приглашу вас, Гутин, к себе в гости, вы пойдете или вместо принятия приглашения напишете заявление в НКВД?

Гутин смущенно молчал. Каганович продолжал разлагать ситуацию:

— Ведь нет же на Мильчакова никаких показаний Корытного и других. Если бы мы лишили Мильчакова своего доверия, то отдали бы его следователям НКВД, а там его быстро бы «прихлопнули»...

Поиздевавшись над Гутиним, Каганович отпустил его и представителей Академии. В кабинет вошли работники ЦК ВКП(б) Целищев и Ильин, только что назначенные вместе с Кагановичем в Наркомтяжпром. Каганович сообщил мне, что Сталин и он выдвигают меня на пост начальника Главзолота, и вздумал порисоваться знанием людей и памятью. Он дал Целищеву мою анкету, а сам по памяти отвечал на вопросы, рассказывая мою биографию.

Взбурдаженный происшедшим «зигзагом» в моей судьбе, шел я снова пешком, вдоль бережной к Дому правительства у Каменного моста. А там, едва вошел во двор, снова увидел фигуру Маруси в окне квартиры. Ждет.

Когда я вошел, Маруса, обессилев, повисла у меня на руках. Вгляделся, понял: заболела. Уложил ее на диван. Принялся рассказывать, Маруса плакала.

А потом я повторял, припоминая детали, все снова. И мы наперебой говорили друг другу:

— Значит, в ЦК поняли: хватит репрессий!.. Наконец-то!

— Если продолжать исключать вот так, за здорово живешь, за простое знакомство с арестованным человеком, где же предел?

— Как это жутко звучит: на него нет показаний... А если бы были, выходит, пропал человек, сажай его?

— А знаешь, им, наверно, известно, что в НКВД бьют арестованных. Как же иначе понять слова: «Следователи быстро прихлопнут»... Значит, из НКВД нет возврата, там ничего не докажешь, «советская разведка не ошибается»?

...Звонок у двери. Открываю. Фельдьежер с красным пакетом. Расписываюсь. Иду к Марусе, читаю решение Политбюро ЦК, подписанное Сталиным, о назначении меня начальником Главзолота Наркомтяжпрома СССР.

Мне предложили принять дела Главзолота безотлагательно.

— После ареста Серебровского там временно сидит Перишкин, он тоже будет арестован, — сказал Каганович.

Иду в Главк. У Перишкина совещание. Извещенный о моем приходе, он отпустил собравшихся. Пытаюсь справиться с охватившим его волнением, Перишкин спросил:

— Обо мне не было разговора? Я мог отговориться только незнанием:

— Не было, Григорий Иванович. И тут старик заплакал:

— Значит, арестуют, не нужен, конечно... Я же не виноват ни в чем! Кому об этом скажешь, кто выслушает старика, бывшего паровозного машиниста? Хоть в беседе с вами напоследок душу отвести...

Мы долго говорили о скромной жизни машиниста, ставшего крупным хозяйственником, об установлении Советской власти в Сибири в двадцатом году, когда там работал Перишкин и там же я был секретарем Сибирского бюро комсомола, вспоминали общих знакомых — «золотарей», получивших ордена по представлению Серго Орджоникидзе, — бодайбинцев Ганина и Селиховкина, алданцев Щербинина и Куприянова и других.

Беседа прерывалась, когда Перишкин глухо бормотал:

— Арестовали его, арестовали...

Самого Перишкина взяла ночью на квартире, как только был подписан акт сдачи-приемки дел Главзолота.

Каганович вручил мне для прочтения разосланный Ежовым членом Политбюро ЦК толстый том «показаний» Серебровского, увезенного во внутреннюю тюрьму на Лубянку прямо из Кремлевской больницы.

В показаниях — «признания» Серебровского и в том, что он якобы состоял агентом царской охранки, и был на службе английской контрразведки, и занимался много лет вредительством в золотой промышленности. Названы многие десятки лиц, будто бы выполнявших его вражеские задания.

Становилось жутко. Я успел поработать в золотой промышленности около пяти лет, знал многих товарищей, разбирался в некоторых вопросах ведения хозяйства и видел, что «показания» шиты белыми нитками. А Каганович требует: «Давайте мероприятия по ликвидации последствий вредительства».

Произошел такой курьез. В показаниях Серебровского сказано, что в тресте

видно, как «мерседес» вышел на свободную встречную полосу, как нагонял и вот почти поравнялся, но дальше словно что-то застопорилось — не может обойти, и все тут. Иностранцы надеялись, что упрямый водитель сбросит газ на сложном повороте, а он по-прежнему держал скорость. Прежде Бунин, возможно, и сбавил бы, но после того, как для большей устойчивости и штатное седло, и рессоры, и покрывки поменял на усиленные, он был уверен, что его не сорвет с полотна на повороте.

А когда Бунин остановился у родника набрать в канистру свежей воды, из подъехавшего «мерседеса» вышли двое и напрямик к бунинской машине. Немцы разглядывали кабину с обтекаемой крышей — знали, что с помощью такого обтекателя можно экономить до двенадцати процентов топлива, — оглядели баки и систему подогрева топлива, попросили разрешения осмотреть кабину. Трогали рычаги, удивлялись, что у русского и тахограф имеется, и обогреватель с реле времени. Покачивали головами, узнав, что верхняя полка легко опускается на шарнирах, образуя с нижней диванчик для отдыха, ощупывали мягкую обивку дверей, потолка — и все прищипывали языками. А когда вылезли из кабины и еще раз обошли вокруг, то один из них весело произнес:

— Руссиш — зер гут!

А через месяц в Москве, на заводе имени Лихачева, была конференция. На нее съехались водители дизельных грузовиков, производство которых еще только налаживалось на автозаводе. Появились только первые образцы, и сошли они не с конвейера, потому что для них конвейер только монтировался. Водители, приглашенные со всех концов страны, должны были высказать замечания по новому грузовику. Выступавшие задавали конструкторам вопросы, те записывали в блокноты. И только Бунин, главный инженер Шяулис да начальник автоколонны Колк вопросов не задавали. Казалось, они чувствовали себя именниками. Большегрузный тягач, модернизированный на их авто-транспортном предприятии, выставили для всеобщего обозрения на смотровой площадке завода. Каждый из участников конференции осмотрел машину снаружи и изнутри и по достоинству оценил ультрасовременную по дизайну и удобствам кабину. И все были единодушны в оценке: «Да, такой совершенный и комфортабельный автомобиль удобен в работе. И нам хотелось бы иметь такую машину».

Наконец председательствующий на конференции заместитель главного конструктора В. Г. Мазепа предоставил слово Бунину. Слава вышел к трибуне, стал бочком и негромко заговорил о том, что побудило его переделать грузовик...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Да, молодой человек без специального образования, не считаясь со временем и средствами, не имея чертежей, необходимых условий, казалось бы, сделал невозможное — стандартную и плохо приспособленную для шоферских нужд кабину превратил в современный и комфортабельный салон, удобный для работы и отдыха. Слава Бунин, несомненно, самородок, парень со смекалкой, технической сметкой: он и дизайнер, и конструктор, и мастеровой человек.

Но посмотрите еще раз на снимки, вчитайтесь в материал. Неужели то, что сконструировано и придумано Буниним за столь короткий срок, не по силам ЗИЛу — автомобильному гиганту, его внушительному отряду проектировщиков и конструкторов?

Заинтересованные читатели «Смены» вправе знать: что намерен предпринять ЗИЛ в самое ближайшее время? Что думают его ведущие разработчики о модернизации и совершенствовании грузовых автомобилей? Будут ли промышленностью воплощены идеи Бунина?..

СМЕНА

В

се не по-русски, все не по-русски, слова на родном не прочтешь, хотя баночка наша, в отечестве сделанная, — празднично-переливчатая, алым, голубым, кипенным сверкает, а доннышки ровно рубли юбилейные.

— Крабы. Едите? — с легкой заминкой произнесла Софья Евгеньевна.

— Ой! Да кто ж их... — Наташа, не застегнув один сапог, сделала книксен, чему ее учили в балетном кружке Дворца пионеров Октябрьского района семь лет назад.

Танцовщицей она не стала, потому что некто Гришаня, поколачивающий всех кого ни попадя, включая своего папашу, повадился шастать во дворец и лицезреть маленьких лебедей. Приглянулась ему не примащепка, но аппетитная кнопочка. Побив четверых ее партнеров, Гришаня пригрозил и пятого осинеглазить, если тот будет ее лалать. Впрочем, танцы для Наташи и так должны были кончиться позором, так как тело ее не хотело сохнуть, перевиваться жилами, грудь не исчезала вовнутрь, как требовали привередливый жанр искусства и бешено одержимая Ираида Поликарповна, выступавшая однажды в Большом, в концерте. «В семье единой» назывался. Обиды у Наташи ни на кого не было, да и ребят жалко: они ведь трудяги, чистюли, а драться не умели. В общем, тискать ее стал один Гришаня. Не сразу, конечно, но долго не тянул. Все бы терпимо, но не убереглась и на втором курсе медучилища родила Витяку (эт-та прелесть!). С Гришаней не расписывалась, на алименты не подавала, стараясь забыть жадные злые руки, скудные липкие слова. Отец, не выдавив ни слова, забрал из роддома. Но распаковали внука — радостно засветился, отогнал бабу, взял мальчонку в полную собственность.

Наташа после «академки» вновь вышла в пятерочницы, в комитете комсомола взяла на себя культмассовый сектор. А когда выучилась на массажистку, партбюро с легкой душой рекомендовало ее в поликлинику с оранжерейными коридорами, красными вислохвостыми рыбами в стальных аквариумах, толстыми паласами, финской мебелью. Платили полторы ставки, да плюс надбавка — по-человечески выходило. Она бы и меньшему рада: буфет (на масле готовили), заказы (без крабов, конечно, но приличные, с мясом по праздникам), лекарство подругам на обмен (здесь вообще проблем не было). Работы, что и говорить, хватало: массажем всех долечивали, кому и просто так, в удовольствие прописывали (смотря по должности). А вчера вызвал главврач Семен Семенович, не здороваясь, минуту жгуче смотрел из-под мохнатых

бровей, как бы спрашивая: «Вам ничего не надо объяснить?»

«Нет!» — молча, но твердо ответила Наташа, похолодев от сознания, что ей такое доверие, а комсомольская нагрузка у нее курам на смех — отвечает за встречи с интересными людьми в физиотерапевтическом отделении.

— Берите. Диетическая вещь. Мальчику дадите. — Софья Евгеньевна поощрительно кивнула.

— Что вы, ему полтора годика. Я грудью его на ночь кормлю, — ответила Наташа, не зная, что делать с банкой.

— Грудью? Так долго?

— С меня не убыло! — простодушно улыбнулась Наташа.

— Да, я вижу.

— Мне неловко... Такое внимание... Я ведь делала, что должна.

— Мы этой банке уделяем чересчур большое внимание. Возьмите. Значит, завтра в десять? Вы молодец, я себя отлично чувствую. Даже... — Софья Евгеньевна игриво повела глазами.

Наташа засмеялась, не выпуская банку из рук, развернулась вполоборота:

— Тут вот, над крестцом, зоны такие.

— Так вы специально? — спросила Софья Евгеньевна и погрозила Наташе пальцем. — Ай-я-яй, на что вы меня толкаете!

— Положено. Это в комплексе. Если не хотите, то в следующий раз я не буду, — смущенно сказала Наташа, вдруг представив сведенные к переносью брови Семена Семеновича. Наверно, от этого у нее порозовели щеки. — Извините, я не думала, что вам будет неприятно.

Софья Евгеньевна почти вплотную подошла к Наташе, взяла ее за подбородок, ласково посмотрела в глаза.

— Напротив. Я довольна. Ты очень милая, Ната... Ничего, что я так тебя называю?

Наташа согласно моргнула, вытянув шею, и попыталась ответить улыбкой.

Совсем немного божественной помады Софья Евгеньевна оставила на губах Наташи, но этот нежный, неведомый ранее вкус почти до самого вечера занимал ее, беспрестанно являя перед глазами белую египетскую спальню, где она массирует Софью Евгеньевну, сверкающее благоухание на трельяже, пронзительно вспыхивающую сережку на покрасневшей мочке, кофейный загар на всех-всех местах красивого тела Софьи Евгеньевны, настенный календарь с обнаженной смешливой японкой.

Николай МАШОВЕЦ

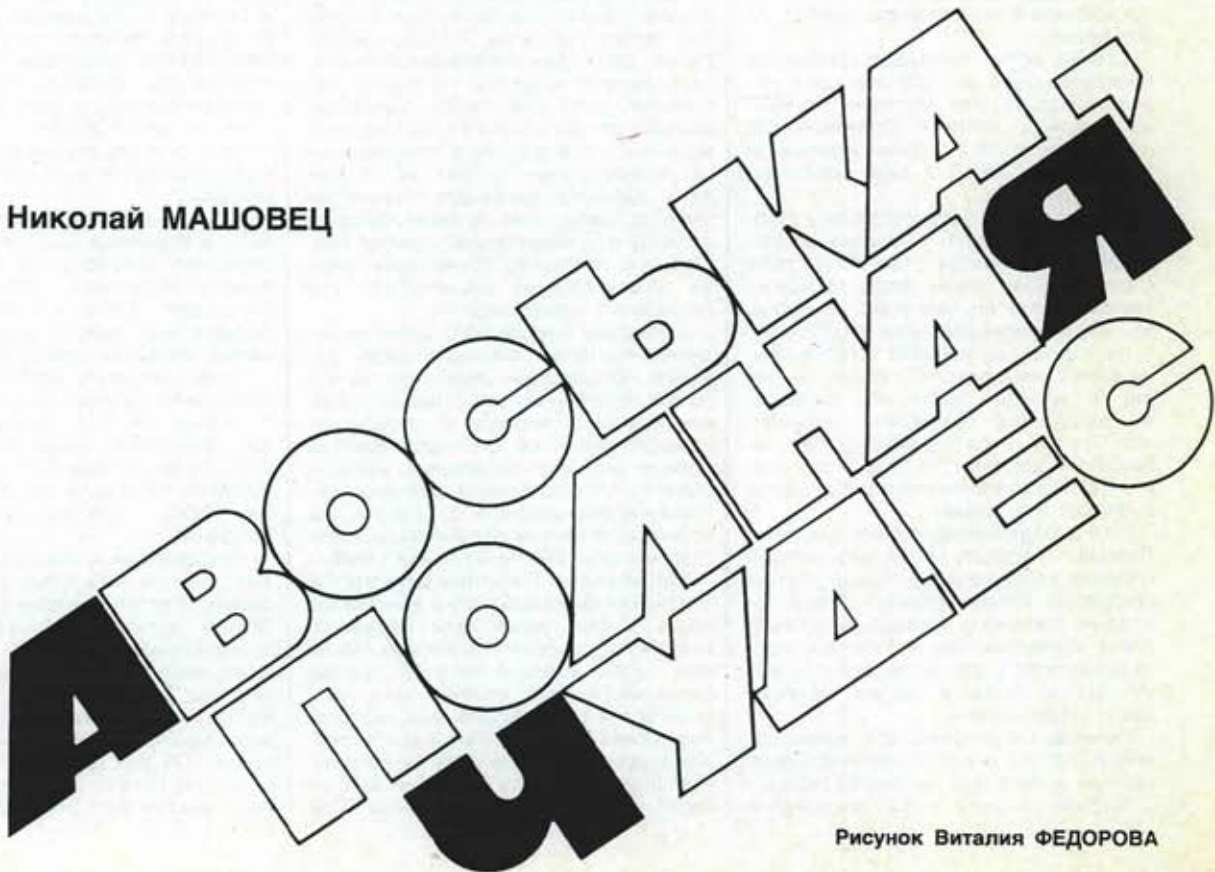
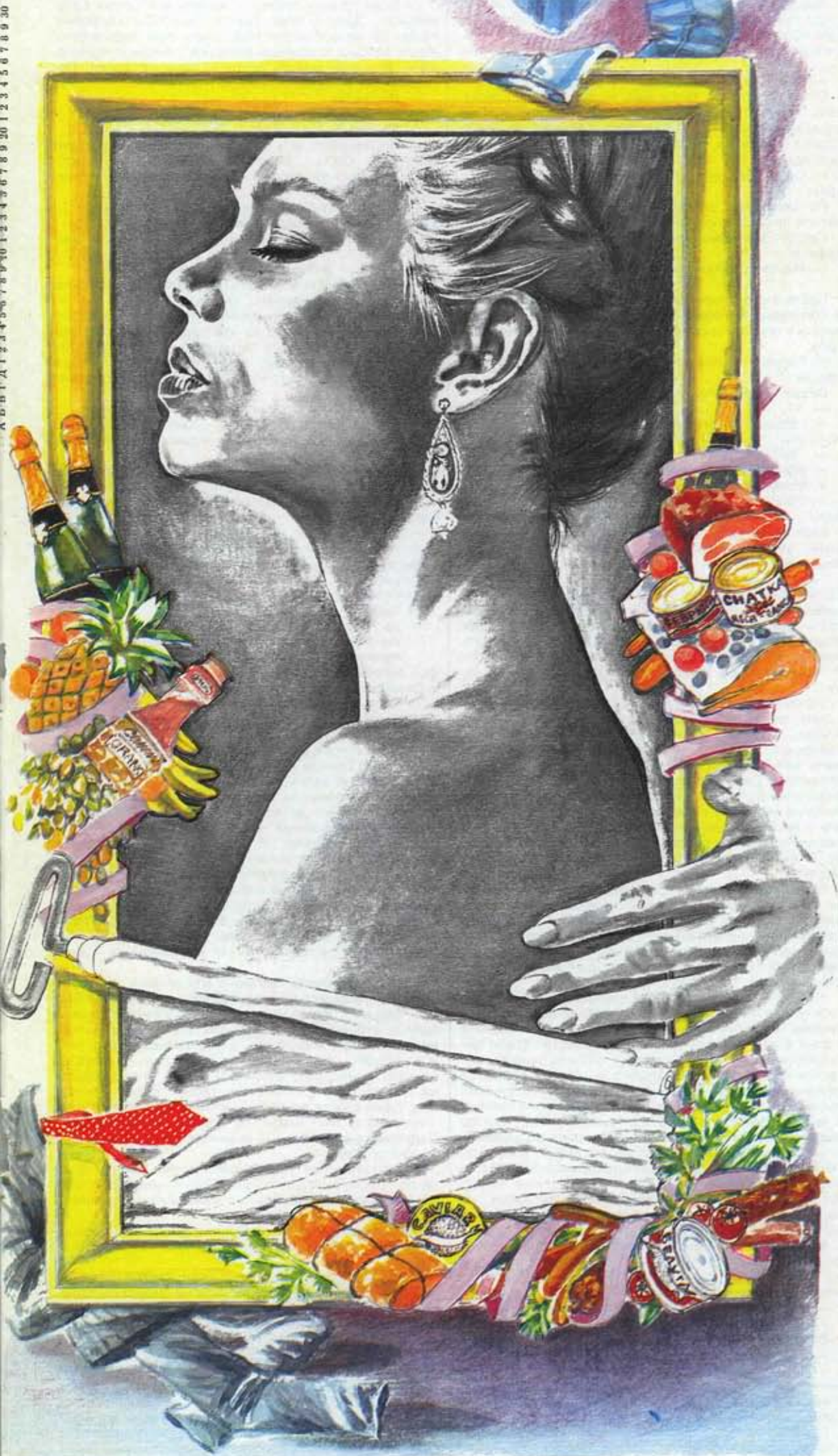

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

— «Милая девочка... Грудью кормит... Счастливым малыш...» Софья Евгеньевна легла на покрытую простыней кровать.

Наверно, она уснула, потому что Валерий недовольно спросил, почему долго не открывала. В руках у него была огромная, битком набитая сетка. Тяжелая. Валерий, пока нес ее на кухню, переменял руку. Взгромоздив расплывшуюся авоську на стол, он крякнул, потянул носом. Запахи были ошпарены морозцем, успешным куснуться, пока Валерий шел от машины к подъезду. Перемешавшись, поднимались ароматы кинзы, укропа, петрушки, мраморного базилика, поломанных стрелок лука. Салат, какие-то лопушки ничего особого не источали, но их зеленый дух был столь свеж, густ, что принес ощущение праздника.

— Господи, — вздохнула Софья Евгеньевна, — опять Полину вызывать!

— Не развалится.

— Грубишь. Сергею Петровичу ты тоже так отвечаешь?

— А что я сказал?

— Полине много лет, ей тяжело.

Валерий хмыкнул, справедливо полагая, что бабке на старости подфартило: взяли кухарить по-родственному — за продукты. Да сам продукт такой, что по прежней жизни ей полностью неизвестный — в жутко красивых банках и коробках, куда бусы да кольца складывать, а не желе набивать. Если шмат вырезки или консервы в рубли перевести, то Полина по зарплате инженера перекроет. Оно так и есть: старуха банки, коробки и куски толкала соседям, пугаясь даровых денег, от которых народ словно не чаял, как избавиться.

Валерий не завидовал — свое имел. Но терпеть не мог, когда Полина, шамкая, причитала, жалилась на судьбинку. В расчетный день отвозил ее домой, нес за ней коробку, из которой ведьма еще в машине выкладывала ему что-то. Изображала, что не понимает в иностранном, но всегда оказывалась вшивота какая-нибудь — приправы или соки. Впрочем, черничный, без сахара, Валерий обожал. Неопишуемая вещь! От северного соседа.

— Как это понять? Странная упаковка.

— На рынке были. Сергей Петрович шмон навел.

— Боже, что за выражения! — Софья Евгеньевна слегка шлепнула Валерия по лбу. Ладوشка, окатив знакомым запахом, закрыла ему глаза, остановилась у рта. Он поцеловал ее и потерял щекой, держа в руках влажный, расплывающийся газетный кулек с клюквой, из которого с каменным стуком сыпались на стол мороженые ягоды.

— Брось это. Потом, — сказала Софья Евгеньевна, норовя выскользнуть из блестящего халата.

Первым Валерий никогда и намека не делал, хотя за год, казалось, можно было установить равноправные отношения. Но тут случай особый, надо ли объяснять...

— Сейчас... бес рыжий... Легостаев... внизу дежурит... — Захлебываясь от поцелуев, Валерий для убедительности изобразил Илью Муромца с картины Васнецова.

— Плевать, — прошептала Софья Евгеньевна, смежив ресницы. Валерий еле успел ее подхватить.

— Заложит, — напрягая дыхание, выдохнул он.

— А мы ему — три-та-ташки! — засмеялась Софья Евгеньевна. — Легостаев его фамилия? Рыжий?

В постели Софья Евгеньевна теперь уже не пугала Валерия своей откровенностью. Он принял игру и сам старался вызвать ее изумленное «О!».

— Фу, бесстыдник! Я с тобой больше не дружу! — выпитив припухлые губы, произнесла Софья Евгеньевна и сладко потянулась. — Ну, не уходи, Лерик!

— Шеф башку открутит, — ответил Валерий, одеваясь и стараясь не смотреть на истомленное жаркое тело.

— Не клевети на папочку, он добрый и занятой. По аграрному вопросу сегодня совещание, так? Он мне говорил. Это же на целый день. Что, съел? — Она по-детски высунула язык.

— Просил отвезти и быть на стреме.

— Сочиняешь.

— Ей-богу!

— Скажешь, что я просила розетку починить.

— Какую розетку? — Валерий надеялся выкрутиться.

— Тебя розетка интересует? Да? Значит, розетка? Он понял: надо отцеловаться.

— А тут? — пропела она капризно. — Тебе здесь не нравится?.. То-то же!.. То-то же!.. То-то... О!..

Когда просекли, кому надо просекать, Валерия вызвал Федулов, начальник транспортной части, обозвал для начала по матушке, потом заставил рассказать в картинках. Поржали вместе, но уйти с точки при-

шлось. Послали в разгонную колонну, по вызовам. Недели не прошло, Софья Евгеньевна позвонила сама, все выпытала, и на третий день его вернули. «Мощная баба! — уважительно сказал Федулов, похлопывая Валерию по плечу. — Отработай, брат!»

Сергея Петровича в этой истории как бы и не было. Хотя он был и знал, конечно, и давал добро, чтобы убрала Валерия. Окончательно уяснив причину отстранения Валерия, Софья Евгеньевна, ни слова не говоря, огнедышаще уставилась на мужа, едва переступившего порог спальни. Он упал на колени, заурчал, изображая страсть, но ничего не вышло. Тогда она молча встала, обнаженной прошлепала на кухню, начала греметь там.

— Ложать! — сквозь зубы приказала она Сергею Петровичу, пытавшемуся увернуться от сыпавшихся на него, как из рога изобилия, красивых упаковок.

— Ложать! — зло повторила она. — Что пить будешь?

Сергей Петрович пробормотал, чтобы она успокоилась, за столом, мол, все это можно съесть по-людски.

— Что пить будешь? — не слыша лепета мужа, спросила она. — Моему вкусу доверяешь?

В следующую ходку она набила пакет субтропиками — апельсинами, бананами, мандаринами, хурмой, за «волосы» держала ананас.

Сергея Петровича ожгли холодные фрукты, и он незаметно откатил рыжие шары на свободную часть кровати. Софья Евгеньевна бросила открывалку.

— Не жмотничай, все распарывай! — командовала она, усаживаясь по-турецки напротив Сергея Петровича, который, изогнувшись, тяжело пыхтел над банками, вдавливая их седой веснушчатой ладонью в белую прикроватную тумбочку. — Орешки открой! Чьи они? — И засмеялась: — У нас тоже, как в Греции, все есть!

Как живое, месиво из колбасных батонов, банок, рыбных сочащихся тел, хрустящих целлофановых оберток, ярких фруктов нервно ерзало на кровати в такт раскачивающейся от смеха Софье Евгеньевне. Удушью пахло гастрономическим подвалом, куда сами не любили ходить, а посылали водителя. Когда она впервые увидела принесенные шофером ящики, то по-рыночному всплеснула руками, не в силах скрыть изумления обилием продуктовых чудес. Радуюсь, как ребенок, непонятным этикеткам, она не стеснялась спрашивать шофера, которому кое-что перепало, правда, не так много, чтобы выучить столько иностранных слов.

Софья Евгеньевна выстрелила розовым шампанским и, дурчаща, стала ловить ртом пену.

— Ну, корми меня, растлитель! — сказала она, отпив из бутылки. — Фи, икра! Ты банален. В еде, как и в сексе, нужно избегать ординарности!

Собственно, этим она и ошеломила Сергея Петровича. Ему тогда было пятьдесят три. Восемь лет Шура, первая его жена, горе мыкала в спецкорпусе областной психиатрички. Поначалу, года полтора-два, он пытался в слабые просветления забирать ее домой. Резко выхаживая по квартире, она брезгливо шептала: «Ужасная грязь! Кругом ужасная грязь!» — и несчетное число раз вытирала мокрой тряпкой столы, стены, вазы, пол, мягкие стулья, книги, посуду, бумаги на письменном столе. Вода хлестала изо всех кранов, заливая соседей. Санитарка неотступно следовала за больной. В общем, мучение.

Кошмар этот кончился сам собой: Шура вдруг раскричалась что не хочет больше жить в свинарнике, среди дерьма и паутины, хотя домработница была чистюля из чистюль, грех жаловаться...

Потом Шура и вовсе перестала узнавать мужа, принимая его то за шофера, то за санитарку, то за физрука, который пришел к ним в школу уже перед выпуском, в десятом, и все девочки строили ему глазки. Через два месяца тихо умерла.

Беда заставила с остервенением уйти в работу, только что ночевал дома.

На конференции книголюбов он думал отсидеть доклад, потом уехать к себе. Однако такую муть нес председатель, что Сергей Петрович решил дожидаться, воспротивится ли кто из выступающих, а нет — так не поленишься и врезать самому. Но почти сразу выбежала Софья Евгеньевна (она тогда в ПТУ завучем работала) и так прошлась по балаболу! Даже «муть» употребила, будто прочитала мысли высокого гостя! Сергей Петрович первым захопал и долго бил в ладоши, пока Софья Евгеньевна возвращалась по проходу на свое место, а шлица на черной юбке ненасытно кидалась от одной ноги к другой. Тут и закричал Сергей Петрович, и понял он, что жизнь от него кое-что припрятала.

Уже на следующий день он пригласил Софью Евгеньевну, заинтересовавшись опытом работы первичной организации общества любителей книги в ПТУ № 7 (там готовили каменщиков, маляров, плиточников). Он смотрел, как играют перламутровые губы сами с собой, ныряет в ямочку на левой щеке бледная родинка и глаза влажно высверкивают в обрамлении тяжелых, облепленных тушью ресниц. Голоса же, слов он не слышал. Возможно, они и не звучали, потому что Софья Евгеньевна, зная про беду Сергея Петровича, дрожала от рвущейся к нему жалости, боролась с нестерпимым желанием прижать к своей груди его седую, мудрую и явно уставшую голову.

Днем позже она пришла к нему домой, но он забыл

предупредить дежурного. И когда тот перезвонил, Сергей Петрович примчался на пост и на глазах ошарашенного милиционера поцеловал гостью руку.

Захлебнувшись любовью, которой он не знал, Сергей Петрович только и смог предупредить помощника, что завтра он будет дома. Через месяц расписались, благо Софья Евгеньевна в свои тридцать пять замужем не была. По крайней мере по документам.

Теперь же Сергей Петрович затравленно смотрел на грудь съестного, на голую жену, зазывно покачивающую грудью. «Садистка! Тварь!» — клокотало в нем. Он суетливо оглянулся, ища, куда бы налить шампанского.

— Пей так! Это возбуждает... аппетит!

Он отпил глоток, затем еще, потом стал прихлебывать, аккуратно обтирая губы свободной рукой. Она засмеялась, когда розовая пена хлынула на грудь Сергея Петровича, лоскутами повисла на жестких седых волосах:

— Ой, безобразник! Тебя надо на партбюро рассматреть.

Не закусывая, он скорее охотно опьянел, полез целоваться, шаря свободной рукой по телу жены.

Софья Евгеньевна вмиг окаменела, ненавидяще выдавила:

— Мы уже пробовали! Ешь!

После этого пиришества все вернулось на круги своя, и полотенце Валерия, теперь уже не пряча, стало висеть в ванной, высыхая после его молодого терпкого тела.

— Готово? — спросил Валерий, окончательно собравшись.

Софья Евгеньевна с трудом приоткрыла глаз:

— А?..

— Готово, что забрать?

— У-у...

— Где?

— Мучитель! — вырвался стон.

— Можно в следующий раз.

— Привет! — встрепенулась. — Уже некуда складывать! — и повела Валерию на кухню.

Картонный ящик был готов, многожильно, расхлябанно увязан женской рукой. Валерий скептически хмыкнул, но решил, что сойдет.

— Списочек. Чтобы в голове не держать. — Софья Евгеньевна протянула листок, отпечатанный на машинке. Второй экземпляр. — Что ты на меня морщишься? — быстро ухватила она, все-таки в глубине души комплексуя, хотя Валерий сам предложил продавать лишнее. По госцене. Как если бы это в магазине было. Во всяком случае, именно так он ей возвращал выручку.

У Сергея Петровича в Калужской области, откуда он родом, жила племянница с двумя дочерьми-дошкольницами. Муж ее, по пьяному делу, кувырнулся на «Беларуси» в силосную яму, да неудачно — остался жить матерящимся укором. Марина, племянница, не плакалась Сергею Петровичу — просто в очередной безответной открытке к красному числу бабские свои мучения вместила в информацию о мужниных костылях и пяти пальцах на двух руках. Софья Евгеньевна расчувствовалась, докладывая почту Сергею Петровичу. И он взгрустнул, хотя так и не смог припомнить Марину.

Отправили посылку с продуктами, кое-какими вещами. И тут Марину прорвало: посыпалась письма — многостраничные, без запятых, с жутким почерком. Ей не отвечали, несмотря на то, что она спрашивала, что они такое съели в густо-синей банке с надписью коричневыми буквами и белыми звездочками рассыпью. Очень вкусно, но вдруг с чаем нельзя?

В общем, Софья Евгеньевна послушала проникшего ее заботами Валерия и прекратила посылки, требующие инструкции на правильное потребление. «Не в коня корм!» — брякнул Валерий. Участие стало выражаться в денежных переводах. Марина, правда, пыталась неделикатно разжалобить, как дочка радуется городским макаронам (длинным, белым, с маленькими дырочками), но Софья Евгеньевна нававила пятерку и хранила выразительное молчание, вскоре пятое Мариной. И она написала об этом, прося об одном — в переводах указывать только ее имя и помечать: «Вручить лично», — а то мужик повадился перехватывать и моментально надираться до полной потери чувств. А на костылях-то ему каково! Не сразу, но через какое-то количество писем Софья Евгеньевна вычитала эту мольбу, и все уладилось.

Валерий не все сбывал в гараже — все-таки ребята свои, цену чувствуют. Впрочем, уж в этом-то проблем не было: соседи проходу не давали — под метелку мели, без распробований.

— Копирка слабая. — объяснил Валерий.

— Не разобрать? Это?..

Валерий ткнул пальцем в строчку:

— «Тел». «Я». «В»... Или «К»? «Ж»... Или «Ш»?..

— Телычьи язычки в желе, — пояснила она. — Отецственные. Четыре банки... Это?.. Угорь копченый, в масле. Тоже наш. Две банки... Это?.. Ой, привереда! Суфле куриное! Я же всегда так сокращаю!

Валерий улыбнулся, поцеловал по-мужниному, в щеку, взял коробку.

— Тяжело? — Софья Евгеньевна прижалась к его плечу.

— Тыфу ты! — Валерий опустил ящик. — Авоську забыл. Не моя — сменщика.

Он выложил из сетки оставшееся: баночку из-под майонеза с розовым хреном, кусок медовых сот, обклеенных прозрачным целлофаном, творог в шоковой бумаге, сало толщиной в ладонь, копченую ножку гуся, пучок соленой черемши в размокшей газете, свиную голяшку...

— Боже, это-то зачем? — веселилась Софья Евгеньевна. — Дают — бери, бьют — беги? Ой, Петрович! Никак не перестроится! Надо гнать этих подхалимов! Из-за авоськи с дрянью базарной вниманием привлечь! В конце концов могли и сами привезти. Полюдски бы упаковали. Новый, что ль, кто?

— Купленное.

Софья Евгеньевна замерла:

— Шутить?

— Восемьдесят четыре рубля, — виноватся, сказал Валерий. — Сергей Петрович у меня полтинник одолжил, так что я удержу отсюда. — Он постучал носком ботинка по ящику.

— Он что, рехнулся?! Восемьдесят четыре рубля! — Софья Евгеньевна расшвыривала покупки по столу. — За что?! Это же грабеж населения! Куда власти смотрят?

— Рынок, — робко вставил Валерий.

— А башка на плечах есть? — злилась она всерьез.

— Это он к совещанию, фактов набраться...

— Фактов? За такие деньги? У него отдел целый сидит, помощник! Им-то за что платят? Не могут доклад жизнью насытить! Газеты пусть читают, там этих фактов — во! Нет, надо же — восемьдесят четыре рубля на доклад! Ты-то куда смотрел? Не мог отсоветовать?

— Говорил, — сочувственно ответил Валерий.

— И куда это добро девать? — Она ткнула пальцем в кулек с клюквой, и мерзлые ягоды бусинами застучали о пол.

— Съесть можно, — сказал Валерий, подбирая клюкву. — Свежий продукт. Вместе выбирали.

Софья Евгеньевна недовольно сопела, осматривая завалянный стол.

— Это что? Как называется? Сколько стоит? — выпалила она, взяв двумя пальцами зеленый плод размером с мелкое куриное яйцо, только не такой пузатый.

Валерий подмигнул:

— Фейхоа. Десять рз.

— Десять? За кило?

— Агитнули. По мужскому делу полезная вещь.

— Купились! Поверили! Ой, умора! — прыснула Софья Евгеньевна.

Валерий не принимал юмора:

— Проверено.

— Каким же образом? — веселилась Софья Евгеньевна.

— Две штуки съел. Прямо на базаре.

— А я-то думала — это любовь! — Софья Евгеньевна театрально заломила руки.

Сергей Петрович не задержался, пришел к программе «Время». Был доволен совещанием, рассказывал, как осадил нескольких чинуш, оторвавшихся от народа. Хлопали здорово. И ведь всего-то — на рынок заехал. Впрочем, не в этом ли суть, масштаб, в конце концов талант руководителя — от малого примера выйти на государственные обобщения! Ну, хорошо, восемьдесят четыре рубля. Разве дело в деньгах, хотя, конечно, это не должно стать правилом. Авторитет и сотней не купишь. Или верят, или не верят. Сейчас люди распрямились, их на мякине не проведешь.

Софья Евгеньевна, женщина отходчивая, живущая, как и все, надеждой, не дожидаясь Полины, содержимое авоськи превратила в милый ужин. Зажарила свиную отбивную. С ребрышком. Изобразила натюрморт из южных маринадов — баклажанов, перца, чеснока, своих нечерноземных солений — капуста, огурцов, помидоров, антоновки. Ворох трав уложила на блюде. Сало, копчености, творог, орехи, брынза, мед. Даже киселя из клюквы наварила (сама любила).

Намыла и этой самой, по десять рублей которая. Отдельно в вазончик, не в центре, но обозначила на всякий случай.

Сергею Петровичу это роскошество так на душу легло, что он выпил лимонной. Водка, конечно, помогла пищеварению, но свинина тяжелила, и пришлось употребить аллохол.

Фейхоа, четыре штуки, пошли на десерт. Вкус специфический — вроде земляничкой отдает. Ничего, есть можно.

С надеждой прислушиваясь к себе, Сергей Петрович лег. На спине, на боку, ничком — безрезультатно. Принятая пища не могла устроиться в теле. Сходил на кухню, еще проглотил таблетку. В кабинете вытнул из-под бумаг «Плейбой». Полистал. Опять лег, ожидая перемен. Голая японка, полуприкрытая глянцевыми бликами, зазывно подмигивала. Софья Евгеньевна надоело дурное ерзанье, и она ширнула мужа локтем. Он затих и стал слушать напряженное дыхание жены.

Да, чудес в авоське было ровно на одно меньше.

...Наконец-то Наташа тихо выплыла из сонной мглы. Она улыбалась ласково, ответно, и ее быстрые бестелесные руки вспорхнули над нетерпеливо замершей Софьей Евгеньевной.

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

НЕ КАК ВСЕ

В лугах речонки робки,
Наплывны, неторопки.
Но вот одна — шумлива,
Текла не так, как надо,
Вдруг бросилась с обрыва
Веселым водопадом!
Он радужно грохочет,
А в водоверти жуткой
Полощется до ночи
Соседской Марьи утка.

Обман-трава толпится
Над буйною водицей,
Глядится в воду косо —
Мол, речка зря сверкает!
Мол, падает с откоса,
А думает — летает!
А утка бы, конечно,
Взлетела над лесами,
Но так толста беспечно,
Что не взмахнуть крылами!

К чему укоры эти?
Нет утицы на свете.
Ее срубила Марья,
Лишь ива облетела,
Чтоб утка с дикой стаей
На юг не улетела.
Река о ней так выла —
Что берег обвалила!
Не стало водопада,
Течет теперь как надо.

ХОЗЯИН

Митя Смолин весь издерган —
Все вокруг не по нему:
То он в рожь бежит, то к телкам,
То в контору «к самому»...

«Кто окучивал картошку?
Допустил кого к рулю?
Как так — выпивши немножко?
Не впервой его ловлю!

И зачем на том-то поле,
Где густой родится лен,
По чиновьей, глупой воле
Вдруг городится загон?

И наказ пришел откуда
Хапать наш песок ковшом?
Докопаются! Покуда
В яр не рухнем всем селом».

Углядит — что видеть надо,
И одержит в деле верх.
Углядит — чего не надо,
Всем — к стыду, себе — на грех...

От него и председатель
Запирал порою дверь,
Но хвалил за показатель,
Мол, работает, как зверь.

В дождь и в стужу поле месит —
Или тычет бес под бок?
Раз в году мужик лишь весел —
Хлеб когда свезут на ток.

Вот тогда его гармошка —
В смех, и в плач, и в зов щемящий!
И поет он у окошка:
«Клен ты мой опавший...»

Я за Вятку гребла —
Лодка днищем текла.
Я следила за водой.
Вот ведь, где потеха —
Белый месяц со мной

В лодке переехал!
Все скользил за днище,
Взрезал голенище...

Я поддела веслом —
Звонко шлепнул хвостом.
В небо швырь его! Во мрак...
Он повис там, как черпак.

Здесь ведьма молодая плясала,
А старая злилась, стара,
И пальцы в досаде кусала,
Рвала на себе кружева.

Младая была так красива!
А старая ликом темна.
Над старою — плакала ива,
Над юной — смеялась сосна.

Чего ж царь лесной,
не пойму я,
В еловую спрятался тень,
Плясунью забыв молодую,
На старую смотрит весь день?

НА БОЙНЕ

Скрутили веревкой,
Рванули до боли,
И в ноздри ударил
Чужой запах крови.

Взревел бык и сразу
Учуял, что это —
Разрыв с росным лугом,
Конец его света.

Он вспомнил о телке,
Хрипя и тоскуя,
Когда из-под горла
Ударили струи.

Потом стал покорен,
Ушла в землю сила,
В тот миг человечья
Печаль в нем сквозила.

Вдруг кто-то нагнулся:
«Живой еще, вроде...»
И ломом ударил
По вскинутой морде.

Позову соседку девочку —
Пойдем со мной на спевочку
Песни петь народные,
Что чисты и древни!
Да бранить негодные,
Что пишут для деревни.

Я не знаю, в общем, где-то
Сидит дядя в кабинете,
Что-то курит,

что-то пьет,
Что-то пишет про народ.
Этой книгой бьет он сам
Тот народ по головам.

Ветрище! И полушалком я
Кутаюсь до бровей.
И елки распелись шаткие,
В полюшке — все темней.

Да что ж я? Куда я вечером?
Встретишь ли ты любя?
А может, мне делать нечего,
Миленький, у тебя?

Сквозистый клубок поземочный
Ниткой домой зовет.
Вернись! И до самой полночи
Буду дрова колотить.

Изда до окон завалена,
Метель утихла в эту рань.
Стогов толстеют веретёна
Среди заиндевелых бань.

Нельзя пройти по белосклону,
Чтоб не увязнуть с головой.
Отяжелела ель до стона
Под буйной кладью снеговой.

И от заснеженного дома
Лишь к роднику мои пути.
Здесь елок сладостная дрема...
И не уехать, не уйти!

Лоток с водой свисает льдисто,
И ведра сонные звенят.
В родник родной с берез

пречистых
Летит снег белый умирать.

СИНИЙ ОМУТ

Когда ходила к омуту рыбачить
И ночевала там в лесной избушке,
Мне все казалось:
Кто-то рядом плачет,
Хоть ни души,
Ни зверя на опушке!

И вот явило дерево ветвями
Девичий профиль в полутьме,
Он выкаймлен густыми волосами,
Он четко выгрезился мне...

Осенняя береза, что ты?
Ты голыми ветвями не играй!
Скорей бы ветер дунул непогодой
И изломал лица точеный край.

Да я-то для чего вгляделась?
Пила бы со смородиной чай,
Так нет, смотреть на ветки
захотелось,
Выдумывать осеннюю печаль!

И вот теперь до сумрачных потемок
Мне удивляться, вглядываясь
вновь,
И на утре смотреть в окно спросонок,
И видеть полувыгнутую бровь...

И вдруг дошло, о чем мне ветки
выли:
Сквозь толщу лет пытались
объяснить —
Береза выросла на девичьей могиле,
И девке той хотелось очень жить!

Закружила меня
Карусель-метель.
Ветер дует в сенях,
Всю-то ночь канитель.
Все
постукивает,
Все
побрякивает,
До трубы
избу
Заволакивает...

Конь у подворья
Роется в сене.
Зори-снеговья
Ухнулись в сени.
Светлое поле...
Снег изможденный.
Тихо на воле.
Сбруйные звоны...

Конь мой буланный,
Дай мне ответ-то:
Кто из нас ранее
Сгинет со света?
Это ли бредни
В ясном морозе?
Конь распоследний
В нашем совхозе...

Что ты печалишь
Глаз черноводья?
Что ты качаешь
Грустно поводья?
Брызнем-ко в ветер
Розовым снегом,
Поле изметим
Бешеным бегом!

Выюга взломает
Наст бел и маков,
Сердце зыграет
Огненным мраком!
Пусть не стихает
Бег твой ретивый,
Снег на нас тает —
Значит, мы живы!

Всполохи гривы...
Выюги отрепья...
С посвистом мимо —
Снег и столетья!

Андрей КУЧЕРОВ,
фото Игоря ЯКОВЛЕВА.
 Специальные
 корреспонденты
 «Смены»

**АНКЕТИРОВАНИЕ —
 ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Среди вопросов анкеты (см. примечания) был и такой: **КОГДА ПРОХОДИЛ XX СЪЕЗД КОМСОМОЛА? КТО ДЕЛАЛ ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД?**

Ответы ошеломили. Анкетирование, напомним, проводилось в Киевском институте инженеров гражданской авиации (две группы), на факультете журналистики Киевского государственного университета (одна из групп старшекурсников), в школе № 100 (старшеклассники) и в СПТУ № 42 (тоже одна из групп — сплошь девушки).

Авиаторы «убили наповал»: только трое (из нескольких десятков опрошенных) смогли ответить на вопрос, остальные ограничились лаконичным «не знаю». Кто-то был категоричен: «Меня это не волновало».

Окончание. Начало в № 12.

Мягко говоря, удивили и будущие работники средств массовой информации — почти половина из сорока опрошенных не дрогнувшей рукой написали: «Доклад на XX съезде ВЛКСМ делал Мишин». На первую часть вопроса (то есть «когда?») многие ответили: «В 1986 году» и даже — «в 1988 году».

Не порадовали и учащиеся СПТУ № 42: коротенькие прочерки вместо ответов или, например, — «Доклад на XX съезде ВЛКСМ делал Михаил Сергеевич Горбачев».

Отличилась лишь школа № 100. Там — повальное знание и даты съезда, и фамилии докладчика. Только вот... когда юные комсомольцы склонились, засопев, над партами и начали покусывать кончики ручек, между рядами как бы невзначай начала прогуливаться классная руководительница и — я это хорошо видел — всего лишь пару раз что-то кому-то подсказала...

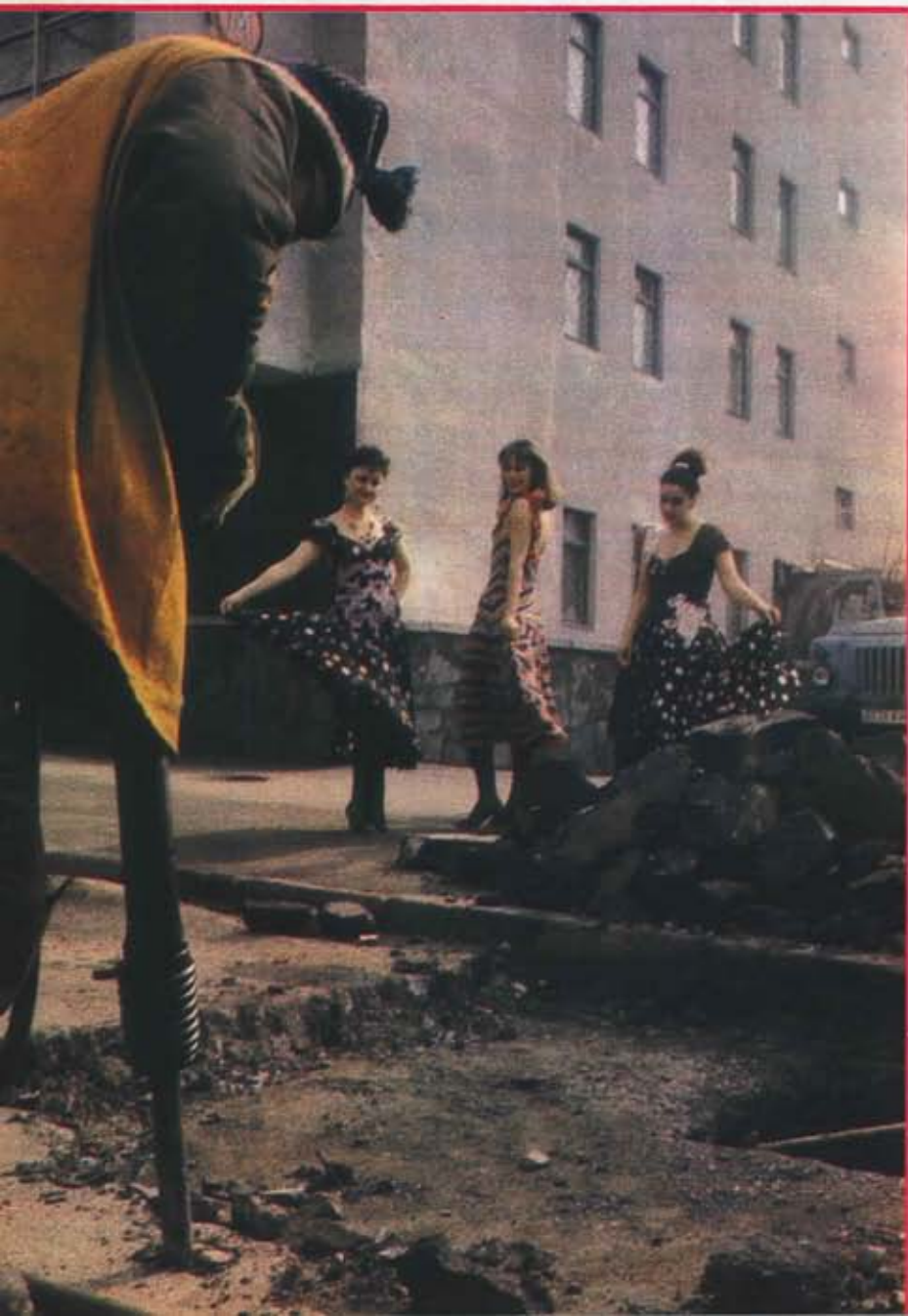
Всерьез заставили задуматься и ответы на другой вопрос: **ОЩУЩАЕТСЯ ЛИ ВЛИЯНИЕ КОМСОМОЛА В ЖИЗНИ ВАШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ?**

На журфаке, как правило, категоричное «нет», реже — «наполовину» (см. примечания), еще реже «да», иногда встречались более подробные ответы — «Раньше ощущалось сильно — формализм заедал», «Ощущается... На-

Молодежная мода выходит на улицы.

«Понимаешь, старик, познакомились мы с ней давно...»

Эх, хороши!

НОВЫЕ НЕД

ИЛИ СЮЖЕТНЫЕ ПРОГУЛКИ ПО КИЕВУ ПОД РУКУ С КОМСОМОЛЬСКИМИ РАБОТНИКАМИ

пример, встреча молодежной делегации из ГДР: встречали люди «нужные», а желающие попасть не могли. «Не в комсомоле дело!», «Именно ощущается влияние, но ни на что не влияет», «В прошлом году — запрет демонстрации на Андреевском спуске в защиту «Дома Ричарда». Впрочем, есть и такое мнение: «31 марта организовали и провели конференцию по самоуправлению».

В КИИГА, за редчайшим исключением, отвечали «нет». Зато учащиеся СПТУ и школы влияние ощущали сильно. Кто-то из школьников даже начертил: «Конечно, да! Комсомольская организация школы — в авангарде всех дел!»

Да не беда, если комсомольцы не знают точную дату съезда и фамилию докладчика (см. примечания). Не в датах дело. (Еще слишком сильны воспоминания об иных фамилиях и датах, которые заставляли зубрить наизусть). Вот только боюсь, что и проблемы, которые обсуждал съезд, остались «за кадром» интересов.

Можно, конечно, упрекнуть молодых людей в пассивности, равнодушии, отсутствии интереса к делам союза, в котором они числятся. Но можно упрекнуть и лидеров комсомольского движения, тех, кто по долгу и совести должен «доносить» идеи «революционного» (а ведь его так называли) комсомольского съезда. Ведь проблемы на нем были обозначены серьезные. Были серьезно поставлены и задачи, которые необходимо решать.

Есть (вернее — была) такая детская игра — штандр. Кто-то подбрасывает вверх мяч, а остальные в это время разбегаются... Вот что-то подобное этой игре получилось, на мой взгляд, и с идеями комсомольского форума. «Мяч» опустился в руки тех, кто его и подбрасывал. А большинство разбежалось в разные стороны и снова занялось своими делами, «не вышгнув» из стереотипов работы и поведения. Между идеей и ее практическим воплощением появился прочерк, подобный тем, что встречались в ответах на вопрос о XX съезде ВЛКСМ и его докладчике...

ДОВОЛЬНЫЕ

Не радостно. Но взмахивать руками и горестно шлепать себя по упругим местам уже нет времени. Надо активно действовать. Дело делать. Стыковать идею с ее реальным воплощением, жестко спрашивая с тех, кто продолжает оставаться пышно цветущей «нейтральной полосой» между умным предложением и тем самым результатом, которого нам всем так недостает. Иначе апатия молодежи, ее неверие в силу своего союза начнут асфальтироваться, сам же комсомол будет, как каток, мирно и безмятежно ползти по этому асфальту в направлении светлого будущего, но... в полном одиночестве.

Волны послесъездовских комсомольских собраний, где ораторы «на местах» добросовестно отчитались перед своими «первичками» о съезде, так и остались волнами; в глубинах тишь и прохлада. «Помогла», между прочим, и пресса — бурная, радостная, полемичная (любая!) в период самого съезда и чуть после него, и... тихо-тихо ушедшая в сторону, когда положительное было отговорено. Мне эти наши «пресс-кампании» напоминают «датские» (см. примечания) спектакли. Когда «ура!», цветы, ТВ, пресса, звания и пр. А через месяц-другой в зале — человек тридцать, билеты — в нагрузку... Утверждаю, комсомольская печать не обсу-

дила по-настоящему конструктивно и увлекательно все, что волновало делегатов двадцатого. Утверждаю: каждый абзац «революционных» решений должен обсуждаться и «иллюстрироваться» постоянно, вплоть до следующего съезда ВЛКСМ. Нынче же печать лишь иногда взнервляет обстановку, оторопело сигналила «SOS» по комсомольским проблемам и — более того — по тем из них, которые не имеют отношения к самому главному — политической активизации молодых членов союза и самого союза. «По комсомолу» нужна полемика. Такая же яростная, как та, что идет «по Сталину» и «куда нам пятиться дальше в отношении нашего исторического прошлого». Нужны споры. И не только на секретариатах ЦК ВЛКСМ. Сегодня назрел разговор, направленный на активизацию политического сознания молодежи. Лично я вижу в этом одну из самых (если не самую-самую!) главных задач союза.

До сих пор в головах молодых людей живет образ комсомольского деятеля — бюрократа. До сих пор активно бытует мнение, что комсомольские лидеры — «привилегированное сословие».

Проиллюстрирую ответами на вопросы из той же анкеты: КАК, ПО-ВАШЕМУ, ИМЕЮТ ЛИ КОМСОМОЛЬСКИЕ РАБОТНИКИ ПРИВИЛЕГИИ?

Хорошо танцует тот, кто болеет за «Динамо» (Киев). Вечер в клубе «Болельщик».

Все свое ношу с собой — одна из особенностей нынешних молодых.

Конечно, трудно ответить на вопрос: может ли комсомольский работник влюбиться по уши...

Наиболее распространенные ответы (состав опрошенных тот же): «Чем он выше, тем и привилегии выше», «Смотря какого ранга», «Привилегию на право кабинетной психологии», «Безусловно», «Вообще, не знаю, но в нашей школе — да», «Пайки, машины...», «На съездах им дают дорогие подарки», «Да, если иметь в виду их будущее», «Конечно, имеют, даже те, которые имеют не должны», «Конечно, имеют, но не очень много», «В нашем институте — точно».

Подавляющее большинство мнений выражалось энергичным «да» с восклицательным знаком, и редко-редко встречались ответы типа «Наши, кроме неприятностей, не имеют никаких привилегий», «Привилегию пахать, как проклятые», «Секретарь вуза — нет!».

Интересны и ответы на другой вопрос: СКОЛЬКО, ПО-ВАШЕМУ, ПОЛУЧАЕТ ОТВЕТСТВЕННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ РАБОТНИК? (см. примечания).

Ответы: «Не знаю» (самый распространенный), «Сто—сто двадцать» (мнение многих). Назывались суммы «90», «200», «300», «400» (весьма редко). Были и такие мнения: «Да сколько бы ни получал...», «По сравнению с заработной платой рабочего очень много, если учесть, что комсомольские работники занимаются совершенно бессмысленной работой», «Рублей двести, но ведь у них не только зарплата...», «Мне кажется, дело не в деньгах. Надо давать зарплату не за болтовню, а за дела», «Ну уж, побольше журналистов!», «Получает чего? Неприятностей? Нагоняев? Инфарктов?», «Много. Может, райкомам тоже перейти на хозрасчет?», «Может, и мало, но доступ

к дефицитным зрелищам и товарам».

Короче, хочется лишний раз подчеркнуть всю сложность взаимоотношений «масс» и «аппарата». Конфликт опасен еще и тем, что он — из серии «утопленных», живет себе и живет, не прорываясь в громкое: «Я вас ненавижу! Вы подлец!» и так далее. И потому конфликт не очень-то волнует и «верхних» и, в общем-то, «нижних». У последних слишком крепко сидит в сознании бюрокративший комсомольский союз, с которым они отождествляют себя лишь в день уплаты членских взносов. Пока эти «территории» не наведут мостов, дела не будет. Но хочется ли комсомольским лидерам спуститься вниз по лестнице, ведущей вверх? И если хочется, то как это сделать?

Прежде всего вряд ли можно поскользнуться во время этого спуска, он должен быть весьма осторожным, чтоб не спугнуть и не разочаровать тех, кто стоит, задрав довольно равнодушно головы, внизу. Торопливый шаг (в наше время!) и... сразу протяжное «Ну-у-у, вот! Так мы и знали!»

Человека вообще опасно разочаровывать дважды. Когда разочарования становятся хроническими — совсем плохо. Потому сегодня любой просчет в работе с молодежью — «шаг вперед и... два назад», и каждый новый шаг будет даваться все труднее. Это я к тому, что в киевском горкоме, например, работает так называемая «Общественная приемная». Там по выходным регулярно, честно отсиживают в ожидании телефонных жалоб, предложений, вопросов ответственные комсомольские работники. Телефон, как правило, молчит. Если и раздаются звонки (а визиты — еще реже), то в основном по вопросам, не имеющим никакого отношения к тем, которые волнуют молодежь. Это видно даже при беглом ознакомлении с книгой учета, где все аккуратно записывается. Ничего страшного? Конечно, ничего, если не учитывать, что **каждый день** работы этой приемной — своеобразная дискредитация комсомола в сознании юных жителей Киева. Они постепенно привыкают к тому, что «Общественная приемная» — это несерьезно, очередная фикция. Вроде бы мы уже знаем, к чему привело наше общество привыкание к отдельным «нормам». Неужели нужно еще и еще раз доказывать: формализм имеет страшные последствия? А ведь для того, чтобы эта приемная стала настоящей «диспетчерской» (называйте как угодно!) молодежных проблем и рождающихся проектов их разрешения, нужно всего лишь доказать ее жизнеспособность, **организовать** ее жизнеспособность, а не сидеть и ждать, когда же позвонят. Нет ли смысла посадить туда хотя бы не ответственных работников горкома, а тех, кого предложит молодежь, тех, кто будет по ее заданиям не давать покоя «дядям» и «тетям», не любящим, когда их тревожат не только по субботам и воскресеньям, но и в рабочие дни тоже. Нет ли смысла вывесить номер «контактного телефона» этой приемной, написанный крупно, в вузах, на предприятиях, в общежитиях и даже на стенах некоторых городских зданий? Быть может, потеснятся вывешенные где попало лозунги и призывы? Нет ли смысла в молодежных газетах завести рубрику «Общественная приемная», где публиковать не только предложения и просьбы, но и «брать их на контроль»? Эта приемная, конечно, частный случай в работе комсомола города. Но все же настроения людей зависит порой и от частных случаев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Анкета — читай главу «Анкетирование — начало» («Смена» № 12);

«Наполовину» — об этом понятии очень хорошо сказал в своей песне Владимир Высоцкий:

Я не люблю,

когда стреляют в спину,
Я так же против выстрелов в упор.

Я не люблю манежи и арены,
Когда миллион меняют по рублю,
Пусть впереди — большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

XX съезд ВЛКСМ проходил в апреле 1987 года. С докладом выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко;

«Датские» спектакли — спектакли, поставленные к юбилейным датам;

Сколько получает ответственный комсомольский работник? — например, первый секретарь обкома комсомола — от 260 до 310 рублей, первый секретарь горкома, райкома комсомола — 220 рублей, зав. отделом обкома комсомола — 200—230 рублей, инструктор отдела горкома, райкома комсомола — от 150 до 165 рублей.

«ПАРТИЯ» ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

День был «торговым». Я побывал и в молодежном Доме быта, где директор — энергичный, предприимчивый парень — член бюро горкома комсомола. Побывал на открытии фирменного кооперативного магазина «Лидер», где увидел шитую кооператорами одежду, достойную, если и не мировых, то «приличных» стандартов точно. (Цены на нее, правда, достойны стандартов мировых). Побывал и в молодежном магазине одежды, и в парикмахерском молодежном салоне, где каждую неделю показывает программу «Театр современной прически» — этаким «парадом волос по-киевски» (см. примечания): обалденные юные девушки близко от вас демонстрируют чудеса изобретательности мастеров салона. Я, правда, меньше всего обращал внимания на прически, зато юные зрительницы не могли отвести от них глаз. Программа ценна тем, что, кроме рекламы новых причесок у нее есть и чисто утилитарная, а на мой взгляд (см. примечания), важнейшая цель. Отметив наиболее приглянувшуюся вам «голову», вы можете на следующий день прийти в салон и заказать точь-в-точь такую же. И — в этом весь фокус — вам сделают «один в один» (лицо, естественно, останется ваше собственное). А если серьезно, то здесь, в салоне (и в Доме быта, и в «Лидере», и в магазине одежды), пресловутое «Клиент всегда прав» наполняется достойным времени смыслом. Ваше настроение, равно как и желание, стремятся учитывать, как в иных, тоже цивилизованных, странах: улучшить первое и максимально подстроиться под второе.

Почему так много слов о салоне? Наверное, нет нужды объяснять, что значит для женщины прическа. (А прическа женщины — для мужчины!) Еще классик заметил, что красота спасет мир. А классик знал в этом толк. Но все это к слову... Речь о другом.

Комсомол шагнул в коридор, название которому — «кооперативы». Если судить по Киеву, то шаги эти весьма успешные. Хотя и робкие.

Итак, комсомол начинает «торговать». Не надо пугаться соседства этих слов. (Привыкли же мы к тому, что «коммерция» вовсе даже не ругательство.) Предприимчивость — дело хорошее, если руки, конечно, чистые... Даже решусь утверждать, что райкомам, горкомам комсомола (страшно подумать, но и ЦК ВЛКСМ тоже!) стоит при своем долевом участии активно открывать кооперативы. А почему нет? Райком или горком (страшно подумать, но и ЦК ВЛКСМ тоже!) как владельцы определенного количества акций будут получать прибыль (см. примечания), а это тот самый, отнюдь не копеечный

вклад — при умелом ведении дела — в желанную финансовую самостоятельность, за которую так бьется ныне наш союз. К тому же деньги, как известно, позволяют многое: появятся большая свобода идей и маневров; хочешь, открывай молодежное кафе, хочешь — новый кооператив.

Теперь об акциях. Не о тех, которые приносят в карман живую монету. Об акциях общественно-политических (хотя они тесно связаны с другими, как все в жизни). Уже не стыдливо, как я писал выше, а по-деловому, серьезно сами комсомольские лидеры говорят, что союзу необходимо возвращать доверие молодежи. Дискредитировано многое. Нет, не только комсомольскими бюрократами, а самой системой, в том ее исполнении, какой являлась она нам в течение десятилетий.

Договоримся раз и навсегда, что комсомол — прежде всего политическое объединение молодежи. Так почему бы не побуждать молодежь на общественно-политические акции? (Честно говоря, уже надоели многословные пылкие диспуты про рок-музыку, панков, наркоманов вперемешку с проститутками). Не лучше ли будет, если главную задачу нынешнего времени комсомол определит, как задачу активизации политического сознания молодежи, привлечения молодых людей к решению проблем политических? Перестанем уж вздрагивать от пугающей когда-то фразы: «Не шейте мне политику!»

Как известно, тридцать лет — это «пик» жизни. Плюс. Минус. Что бы там ни говорили, но именно на этот возраст падает наивысший накал душевных и духовных сил человека. Когда он способен не спать ночами. Когда он способен работать по 24 часа в сутки. Способен прокручивать сумасшедшие идеи. Способен жить, что называется, «на сгорание» (см. примечания).

А все к тому, что именно этот, самый производительный возраст в нашей стране почти не используется. Не используется, пожалуй, самая ценная энергия, самые перспективные «реакторы» созидания. Так почему бы комсомолу не «двигать» людей этого возраста к ключевым постам в экономике и на производстве? Нет, не закатывать от счастья глаза по поводу нескольких молодых директоров или одного тридцатилетнего министра, а объявить борьбу за талантливых, перспективных молодых руководителей (при наличии, естественно, ума и порядочности) борьбой программной, целенаправленной, повсеместной. Не вижу ничего плохого, если молодежь и здесь будет давать «сто очков вперед» по всем направлениям работы. Словом, политик в пятьдесят лет — это нормально, но пятидесятилетний начинающий директор завода должен стать исключением. (Возможно, я категоричен. Но и максимализм, и категоричность идут порой от отчаяния, от монотонной повторяемости общезвестного.)

Нынче директоров выбирают. Выборы, кажется, становятся не фигой в кармане, но объективной реальностью (хоть и хочется трижды сплюнуть через левое плечо). Почему бы комсомолу (скажем, комсомолу города) не организовать предвыборные кампании для своих молодых кандидатов на ответственные посты? Тогда, возможно, комсомол превратился бы в истинно молодежную «партию» (см. примечания), активную и сильную. И уважаемую! Возможно, тогда и молодежь будет верить этой «партии»? (Молодежь, замечу, всегда неравнодушна к активным действиям и поступкам.) Предвыборная борьба — действия активные. Предвыборная борьба за членов своего союза — поступок.

ПРИМЕЧАНИЯ:

«Парад волос по-киевски» — рассматривай 4 обл. «Смены» № 12;

«На мой взгляд» — не путать с ТВ программой «Взгляд», которая подчас отличается взглядом на пробле-

мы от взгляда на те же проблемы автора данного материала;

Прибыль — это когда хорошо;

Жить «на сгорание» — так, как жил В. С. Высоцкий;

«Партия» — в данном контексте — образное выражение;

ШТРИХИ К «ПОРТРЕТУ РЕАЛЬНОМУ»

С Александром Пилипенко, вторым секретарем Киевского горкома комсомола (см. примечания) так и не удалось поговорить плотно. Все «на лету»: по дороге к стадиону, где проходил тот самый матч «Спартак» — «Динамо» (Киев), по дороге к клубу «Болельщик», руководил которым приглашенный на работу в Подольский РК комсомола Заглада (он же известен среди киевских фанатов под кличкой Утюг), по дороге к Дому учителя, где проходила конференция по созданию КМО города Киева, по дороге... но рано или поздно все они вели «в Рим», то есть, в горком комсомола, где Пилипенко входил в свой кабинет и... договаривался о следующей встрече.

Потом уже, глубокой ночью, я, вспоминая, записывал его размышления о комсомоле, о работе горкома, просто о жизни. Единного сюжета не получалось. А может, это и хорошо? Итак...

Александр Пилипенко:
—...раньше мы вызывали «на ковер» секретаря «первички» и — «Ну, давай... Отчитывайся». Глупость. Необходимо внимание старших, внимание партийных организаций к молодежным проблемам. Пока они не начнут помогать, ничего не будет...

—...да, «первичка» должна быть самостоятельна, инициативна, независима. Это хороший тезис. Но пока что мы видим другое. Нет, они могут и выборы организовать, и Центр НТТМ создать... Но все равно ждут команды сверху. Очень мало сегодня людей, которые могут работать по-настоящему самостоятельно, не исполнять постановления, а... готовить их своими делами...

—...собрал сегодня секретарей райкомов. Вопрос касался создания городского КМО, точнее, провала конференции по созданию. Организаторы пошли по старой бюрократической схеме. Предложили голосовать, а список правления уже был готов заранее. Многие из тех, кто был в этом списке, даже не удосужились прийти. Да если бы только это!.. Сегодня такие ошибки прощать нельзя. Я сказал человеку, который вел конференцию, что он на сегодняшний день как идеологический работник несостоятелен, посоветовал искать другое место работы...

—...создан городской Центр научно-технического творчества молодежи. Не знаю еще, какая будет отдача и сколько поступит в казну Центра, но мы сразу хотим пустить эти деньги во второй оборот — детское техническое творчество, компьютерные клубы. Думаем о создании центров НТТМ в районах. В двух — они уже реальность. Кстати, мы долго думали и спорили, как создание Центра отразится на деятельности наших студенческих отрядов. Но когда побывали в штабе СО и они там сказали: «Нам это не нужно», — я для себя сразу решил: «Значит, нужно». Они испугались конкуренции (см. примечания). А я считаю, что конкуренция — очень хорошее дело...

—...да, тема МЖК звучит уже давно. Но по мне — пусть звучит еще и еще: слишком много проблем. Могу сказать, что каждый город — своя специфика. Мы хотим расширить не только МЖК по реконструкции старых домов, но и другое движение — МЖСК — молодежные жилищные строительные кооперативы. Есть молодые люди (и их немало), которые готовы не только заплатить свои деньги, но работать на строительстве

и получить квартиру не через десять лет, а года через два...

—...структура горкомов, обкомов одинокана, а жизнь выдвигает какие-то приоритетные направления в работе: неформалы, трудные подростки, развитие молодежной моды, движение молодежных жилищных комплексов, компьютеризация... Работник горкома должен быть не просто инструктором при каком-то отделе, он должен вести свое направление. Заведующие отделами должны остаться, но — в меньшем количестве. Сейчас мы часто путаемся — спрашиваешь с пропаганды по культуре, они говорят: «Не наше». Отдел рабочей молодежи порой «сечется» с отделом науки. Значит, какие-то отделы нужно соединять. Во главе нужен человек, который бы мыслил стратегически, а вокруг него не инструкторы, а специалисты. Профессионализация необходима. Когда работник аппарата занимается, скажем, проблемами компьютеризации, он знает и специалистов в городе, и их нужды, и перспективы просчитать может. Но тогда и его уважают «внизу», как человека дела. Тогда, возможно, не будут говорить: «Им там легко рассуждать обо всем, ничего не понимая конкретно». Такая система позволит и кадры подбирать не просто по анкете, а искать личности, людей самобытных, способных оставить «свой след». Кажется, я многих убедил в разумности такой «перетасовки», но... на бюро горкома это может вылиться в споры и несогласие большинства...

—...хоть и устали уже говорить, что правильный подбор кадров — основа основ, но тут еще непаханое поле. Многие до сих пор не знают, как работать по-новому, с чего начать. От этого и результатов так мало. Пока что систему демократизации часто понимают упрощенно, выезжая на «пене». Есть три-четыре кандидатуры на выборах — вот и все... А сможет ли человек дело улучшить — это интересует меньше...

—...далеко не все коллективы готовы использовать демократию. Выбирают удобных, чтобы человек меньше требовал, был поначалу не очень компетентным. Чтоб остальным можно было устраивать себе передышки. Коллектив не всегда поддерживает людей, которые говорят, что многое надо резко ломать, откровенно признают, что прежняя работа — мышьяная возня, требуют более радикальных методов. И многие из кандидатов на большие должности во время предвыборных кампаний уже начинают заигрывать с народом. Они «берегут» свои мысли, понимая, что если их выскажут вслух, то вряд ли получат «большинство». До сих пор диктует групповщина... (см. примечания).

—...со мной не согласны многие вышестоящие комсомольские работники. Мы много спорили, когда обсуждали новый экономический механизм в комсомоле. Были мнения — давайте разберемся в своих делах, а потом уже будем думать о союзе с кооперативами. Я считаю, нам нужны комсомольские кооперативы. Мы вправе требовать с них часть доходов, если стали пайщиками в деле. Конечно, есть и «но». Мы должны быть уверены, что моральная, политическая атмосфера в кооперативе нормальная. Комсомол может «торговать», но очень четко контролируя руководящие кадры своих кооперативов...

—...при горкоме организована «Школа молодого руководителя». Туда мы подбираем и комсомольских работников, которым когда-то придется соприкасаться с хозяйственной деятельностью, и молодых рабочих, и мастеров. Они слушают лекции о перспективах развития нового экономического механизма, о подряде, о хозрасчете. К ним приходят руководители предприятий, организаций, управлений города, руководители цехов, главные инженеры. Им рассказывают, как решаются вопросы компьютеризации, технического творчества молодежи. Один из генеральных

директоров объединения даже предложил некоторым слушателям в летнее время стать у него в объединении руководителями некоторых подразделений. «Попробуйте воплотить свои идеи...» Если мы хотим получить новый тип хозяйственника, сам по себе он не возникнет. Его надо готовить. И мы будем выделять на это деньги...

—...я люблю людей, которые не просто работают за идею, только потому, что верят в эту идею. Я люблю тех, кто способен аргументированно, дельно доказать жизнеспособность и перспективность этой идеи, а главное — четко объяснить, в чем польза этой идеи для людей. Люблю тех, кто умеет отстаивать собственный стиль работы. Очень не люблю конформистов...

Вот такие «штрихи вслух» можно добавить к портрету главного героя этого материала.

ПРИМЕЧАНИЯ:
Александр Пилипенко — читай о нем в главе «Портрет — реальный» («Смена» № 12);

Конкуренция — это когда не мучает совесть за то, что ты работаешь лучше многих;

Групповщина — группа людей, достигнутых перестройкой врасплох и молча против нее объединившихся.

АНКЕТИРОВАНИЕ — ЕЩЕ (БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ)

Единственное, что я себе позволяю, — разбить вопросы и ответы по группам, исходя из их значимости и того, что можно назвать «лирическим» и «нелирическим». Вначале — вопросы и ответы из серии «лирических»: ДОЛЖЕН ЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ РАБОТНИК БЫТЬ БОЛЕЕ МОРАЛЬНО УСТОЙЧИВЫМ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ, НЕЖЕЛИ СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКИЙ ГРАЖДАНИН?

Состав отвечающих неизменен. Напомню: журфак КГУ, КИИГА, СПТУ № 42, школа № 100. Ответы... — За редким исключением «да!» и «конечно!». Хотя, как и в любом сплоченном строе, есть и «иноходцы» (см. примечания). Например: «Должен, но это редкость, я таких не знаю», «Должен, но не менять мужей (жен) ради карьеры», «Должен, но этого не бывает», «Очень мало комсомольских работников морально устойчивых, но это не главное для них качество!», «Не должен. Это не обязанность, а состояние души. Как в христианской вере — от первосвященников до лоснящихся в испарине разврата попов», «Должен, хотя жизнь такая штука... поди определи, что такое моральная устойчивость», «Должен быть таким, какой в действительности, не надевая маску «комсомольской работы», «Комсомол и личная жизнь?!»

Вопрос: ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЕ ОТВЕТСТВЕННОГО КОМСОМОЛЬСКОГО РАБОТНИКА, ВЛЮБЛЕННОГО ПО УШИ И ПОСЕМУ НЕ СПЯЩЕГО НОЧАМИ, ПИШУЩЕГО СТИХИ, А ТО И НАПИВШЕГОСА?

Ответ «да» в подавляющих случаях, частенько с припиской «Только без пьянства». Но и здесь встречались расширенные ответы: «Ничто человеческое им не чуждо», «В жизни всякое бывает. Он ведь тоже человек», «Представить могу, если бы хоть один такой был», «Нет, он должен стремиться к уравновешенности», «Если бы он это умел, то...», «Для этого нужно иметь высокую эмоциональную культуру, а люди, ее имеющие, на комсомольскую работу не идут», «Но только влюбленного!», «Если прикажут, можно и не спать и даже напиться», «Напившегося с горя представляю, но представляю и просто напившегося», «Представляю, но такие встречаются крайне редко».

Вопрос: МОЖЕТ ЛИ СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА ВЛКСМ ЖЕНИТЬСЯ НА АРТИСТКЕ ВАРЬЕТЕ?

Надо сказать, что этот вопрос очень многих как-то даже взволновал, побудив на бурное эмоциональное творчество, — порой строки не вмещались в листочек анкеты. В большинстве народ одобрил такой вариант женитьбы, но при этом артистка варьете в сознании молодых людей почему-то ассоциировалась с другим, более энергичным и коротким словом. Почему?! Мне даже показало, что многие обиделись не за комсомольского работника, а за артистку... Привожу некоторые ответы: «А что, артистка не такой же человек и не может быть членом ВЛКСМ?», «Да, но он будет это скрывать», «Может. Это раньше артисток варьете («Сильва») считали за проституток», «Может, но делать этого не будет из-за карьеры», «Даже проститутку можно превратить в хорошую жену и домохозяйку...», «А что такое варьете?», «Вряд ли. В этом случае его «задавит» комитет партии», «Да, если она не только артистка варьете», «Может. Причем по разным причинам: любовь, престиж, единственный выход из пикантных обстоятельств (см. примечания)», «Да, чтобы смотреть ее дома», «Ха! Если она морально устойчива и связей, порочащих ее, не имеет», «У нас все профессии в почете».

А теперь — вторая группа вопросов и ответов (нелирические).

Вопрос: ПОТЕРЯЛ ЛИ КОМСОМОЛ ДОВЕРИЕ? ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В ВОЗВРАТ ЭТОГО ДОВЕРИЯ?

Скажу сразу, на первую часть вопроса почти все ответили — «потерял», но гораздо интереснее ответы на вторую часть вопроса. Ответы, которые, на мой взгляд, сильно разрушают версию о равнодушии, пассивности и — что там еще? — безразличии комсомольцев к своему союзу. Скажу больше — в ответах совершенно явственно звучит рефрен: «Верим!». «Очень хочется верить!», «Пора уже!» и так далее. Здесь я прокину одну неглупую мысль, высказанную не так давно на одном из бурных заседаний творческих работников. А мысль такая: если провалится перестройка, то виноваты будут не те, кто ее провалил, а те, кто не смог ее отстоять. А прокидываю эту мысль потому, что и к молодежному союзу она имеет самое прямое отношение. И, может, пора уже начинать отстаивать свой союз своими силами? Не противостоять, а помогать ему обрести сбивое дыхание? Не ожидая, когда наконец раскачаются еще не раскачавшиеся комсомольские «вожаки»? Давайте честно: еще не скоро (а может, уже никогда) некоторые из этих «вожаков» откажутся от удобного принципа: никогда не делать того, что можно не делать, продолжая тихо топить идеи, новации, эксперименты, заботясь только о своем душевном покое и никак не желая спускаться вниз по лестнице, ведущей вверх. Но ведь по этой лестнице можно подняться.

Может, пора?.. Тем более, что среди ответов есть и такой: «Организация доверия не потеряла. Но многие комсомольские деятели — да, и безвозвратно». Так ведь многие — не значит все.

Может, все-таки пора? Спуститься одним. И подняться другим?..

Обещал не комментировать, но не сдержался. Приведу наиболее интересные ответы на вышеприведенный вопрос о доверии: «Безусловно, доверие вернуть можно. Как? Всегда быть впереди!», «Возврат доверия допускаю, если перестройка действительно коснется комсомола, если здравые мысли, которые печатаются в газетах, будут рассматриваться и исполняться», «По крайней мере в наших силах вернуть это доверие», «Комсомол нуждается в серьезной реорганизации. Я не верю в доверие к организации, доверие может быть только к отдельному человеку с конкретными делами», «Зависит от нас» (см. примечания), «Потеряли дове-

рие те, кто его и не имел. Обрели те, кто давно уже пользовался авторитетом». Тут уж действительно не нужны комментарии...

ПРИМЕЧАНИЯ:
Иноходец — читай у В. Высоцкого:

*Я скачу, но я скачу иначе,
По камням, по лужам, по росе.
Говорят: он иноходью скачет,
Это значит — иначе, чем все.*

Пикантные обстоятельства — от 50 р. и больше.

«Зависит от нас» — так назывался один из давних материалов журнала «Смена», в котором речь шла о комсомоле.

ПОЧТИ ЧТО ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце разговора принято подводить черту.

Черты не будет. Поскольку разговор, начатый на страницах «Смены», — всего лишь предисловие того большого разговора, который (в это хочется верить!) продолжат читатели, все, кто заинтересован в перестройке, в жизнедеятельности своего молодежного союза. Ведь глупо жить у соседа, имея собственный дом. Да и соседу это может надоесть. Это не образное сравнение. Это я еще и к тому, что не только комсомольцам надо укреплять свой союз, но и союзу пора выходить на самые «реактивные» позиции, становиться назависимым, бороться за эту независимость. А закончить свои киевские (и вообще) размышления хочу предложением, которое кому-то покажется сумасшедшим, и... тем не менее. Быть может, надо подумать о создании многоголосого Молодежного Парламента, в который войдут представители многочисленных молодежных объединений, возникающих десятками (а я уверен, их будет еще больше) и активно политизирующихся в последнее время. Возникновение этих объединений — закономерный итог демократизации. Молодежный Парламент не панацея от всех молодежных проблем, но тем не менее он может стать тем самым «мостом» между «территориями» хотя бы на какое-то время. Прав председатель КМО СССР, член ЦК ВЛКСМ Сергей Челноков, который в одном из своих недавних интервью сказал: «Одна из ближайших задач — привыкнуть к нарождающемуся многообразию молодежных структур, научиться эффективно работать в новых условиях. Это очень важно, иначе ВЛКСМ будет выглядеть организацией, не исползовавшей свой исторический шанс».

Шанс есть. Примечаний не будет.

Валерий КОБЗАРЬ,
аспирант Института
экономики АН СССР

КАФЕ В

фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Как-то я пришел в кафе «Север», что на улице Горького в Москве, вместе с братом — моряком, прошедшим полсвета. Он был приятно удивлен: такого вкусного мороженого не едал, говорит, ни в Испании, ни в Италии...

В другой раз увидел здесь же группу иностранных туристов. Иностранцы, как мне сказали, теперь в кафе частые гости. Люди деловые, они интересовались рецептами мороженого.

А ведь самое обычное было кафе — центр Москвы, поток посетителей... Мороженое стало тут вкусным не так давно — с тех пор, как кафе перешло на арендный подряд.

Коллективу кафе переданы в аренду помещения, оборудование, торговый инвентарь. Предоставлено право закупать сырье, устанавливать ассортимент, определять режим работы, численность персонала, сняты ограничения на совместительство. Разрешено закупать сырье в магазинах за наличные деньги. Словом, коллектив стал хозяином кафе.

Кафе само устанавливает цены. Правда, есть одно приятное для посетителей «но» (что отличает арендные кафе от кооперативных): наценка не должна быть выше принятой для обычных предприятий общепита — конечно, соответствующей категории. Так что порция мороженого стоит здесь от пятидесяти копеек до рубля. А почему бы ценам не быть еще ниже? Первые месяцы работы показали, что товарный рынок настолько не насыщен, что объективной (вынужденной) необходимости в их снижении нет. Да и ревизоры из вышестоящих инстанций, заботясь лишь о плане товарооборота, категорически против снижения цен. (Тем самым, замечу в скобках, они вмешиваются во внутренние дела кафе и нарушают условия договора.) По-видимому, в ближайшие годы, до тех пор, пока не будет сбалансирован товарно-денежный рынок, цены вряд ли понизятся.

Главное же, что дал арендный подряд, — прямая зависимость между конечным результатом труда (валовым доходом) и зарплатой. Поэтому в коллективе нет жесткого разделения труда. Кончил дело — помоги товарищу. Заработная плата не ограничена никакими искусственными

«потолками», работники не боятся быть наказанными снижением расценок за высокие результаты труда. В первый же месяц после перехода на новые условия вдвое повысился валовый доход, а с ним и зарплата — со ста до двухсот рублей.

Что изменилось еще? Раньше лишь треть товарооборота давала продукция собственного производства, а остальное — конфеты, вафли, шоколад, даже кофе в зернах — приобреталось на складах с положенной кафе пятипроцентной скидкой и перепродавалось по государственной цене. Подрядный же коллектив счел такое посредничество маловыгодным и всего за два месяца увеличил выпуск собственной продукции вдвое. А вот издержки производства и обращения снизились на треть — ведь экономия влияет на зарплату.

В кафе рассчитывают увеличить выпуск продукции еще вдвое — соответственно должна вырасти и зарплата работающих. И это, по мнению директора кафе В. В. Коробова, не предел. Если бы Фрунзенский райисполком столицы выделил дополнительные площади, можно было бы открыть собственный кондитерский цех, значительно увеличить ассортимент безалкогольных напитков.

Развитие подряда сдерживает еще одно препятствие, общее и для других арендных кафе, — планирование «сверху». Казалось бы, в новых условиях хозяйствования предприятия должны самостоятельно планировать свою деятельность, исходя из контрольных цифр пятилетки. Но нет, в кафе «Север» ожидают рост плана «от достигнутого».

Мы теперь, наконец, хорошо осознали: коллективы, связанные по рукам и ногам бюрократическими инструкциями, давно перестали быть подлинными хозяевами. А вместе с утратой чувства хозяина исчезла заинтересованность в труде, инициатива и предприимчивость не получили должного развития. Задача перестройки — возродить в человеке чувство хозяина. И с этой задачей, как видим, неплохо справляются подрядные коллективы. Зачем же, спрашивается, ставить им палки в колеса, зачем вчерашние методы управления тащить в сегодняшний день?

АРЕНДУ

- **Нужна ли в Крыму АЭС?**
- **Сколько лет министру?**
- **Кого воспитывают в колониях?**
- **Ошибка Евгения Доги?**

В опубликованной в газете «Правда» за 23 марта сего года статье «Против крикливой серости», написанной в защиту подлинной культуры от проникновения в нее бездарности, пошлости и серости, народный артист Советского Союза композитор Евгений Дога написал следующее: «А из журнала «Смена» с удивлением узнал и другое. Оказывается, слушатель Высшей комсомольской школы заявил: «Рок — это наше знамя».

Прочитав эти строчки, мы, откровенно говоря, тоже были немало удивлены. Неужели действительно мы могли такое напечатать? Открыли № 7 «Смены» за 1987 год и нашли то место в публикации, на которую ссылался Евгений Дога. Однако там дословно сказано следующее: «...«хэви метл», похоже, действительно становится знаменем времени». Как нам представляется, фраза эта, написанная далеко не в утвердительном тоне, не имеет ничего общего с приведенным уважаемым композитором лозунгом.

А вслед за нашим удивлением и недоумением пришло письмо от самого Евгения Доги, которое мы и публикуем полностью.

Уважаемая редакция «Смены»! В моей статье «Против крикливой серости», опубликованной в газете «Правда» 23 марта с. г., была допущена досадная неточность. И не суть важно, по чьей вине. Я не о том. Досадно, потому что журнал ваш очень популярен и любим, и у меня и близко не было намерений бросить камешек, потому что все мы выполняем одну и ту же задачу по очищению нравственности. Досадно и потому, что слова взяты в кавычки как цитата, что тоже не соответствует оригиналу «Смены». Единственно, что есть, — это то, что о музыке, а не о конструкции космических кораблей говорят и судят все. И знамя это или еще пострашнее — знамение, пусть скажут специалисты и их главный арбитр — ВРЕМЯ.

**С искренними пожеланиями
успехов и понимания
Евгений ДОГА,
Кишинев**

Обращаюсь к вам с предложением вынести на всенародное обсуждение вопрос об омоложении руководящих кадров. Этот вопрос волнует многих, и, если даже о нем не говорили на страницах печати, совсем не значит, что говорить об этом, всенародно обсуждать, а затем принимать решения (да, да, принимать решения законодательно) нет нужды.

Итак, обратимся к фактам. Согласно статистике, недавно вновь ставшей достоянием широких масс, продолжительность жизни мужчин у нас в стране менее 70 лет. Вместе с тем среди министров СССР имеется 7 человек старше 70 лет, а старше 65 лет еще 9. Многие первые секретари областных комитетов партии перешагнули 70-летний рубеж. То же происходит и с руководителями республиканского масштаба.

Наверное, гораздо с большей отдачей работают первый секретарь ЦК партии Грузии Патиашвили 49 лет, первый секретарь Латвии Пуго 51 года, председатель Совмина Казахстана Назарбаев 47 лет, председатель Президиума Верховного Совета Киргизии Акматов 50 лет.

В свое время принималось решение по возрастному цензу, и А. И. Микоян в 1965 году в возрасте 70 лет с почетом ушел на пенсию с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, хотя после этого еще в течение 9 лет оставался членом Президиума Верховного Совета СССР.

Пусть все руководители, как, впрочем, и все советские люди, живут как можно дольше, сохраняют здоровье и силы и по мере сил помогают всем нам, а в первую очередь своим детям и внукам — советами; пусть пишут мемуары о своем прошлом. (Все мы с огромным интересом читали записки А. И. Микояна в «Огоньке» и благодаря Д. Гранину воспоминания А. Н. Косыгина в журнале «Знамя».) Пусть по мере сил принимают посильное участие в деятельности общественных организаций и продолжают жить активной общественной жизнью, как, например, К. Т. Мазуров — председатель Совета ветеранов, в прошлом зам. Председателя Совмина СССР.

Помню, академик Гинзбург говорил о том, что принято правильное решение о возрастном цензе для ученых, занимающих руководящие посты в науке. На конкретных фактах он доказывает, что все великие научные открытия совершались самыми талантливыми учеными в достаточно молодом возрасте, а в последующем силы убывают, что вполне естественно и объяснимо: человек в 70 лет не тот, что в 60, а тем более в 50.

Все мы знаем, что, даже уйдя на заслуженный «персональный» отдых, многие бывшие руководители сохраняют достаточно большие привилегии: иногда по несколько человек обслуживающего их персонала (водители, повара, адъютанты и пр.), персональную машину, дачу и т. д. Эти привилегии люди, вероятно, действительно заслужили, хотя, как правило, у всех у них есть дети и внуки, способные ухаживать за своими родителями.

Мое мнение: необходимо провести всенародный референдум и по его результатам принять соответствующее решение. А предложение таково:

1. Для всех руководителей районного звена ввести возрастное ограничение занимать руководящий пост: для мужчин — 60 лет, для женщин — 55.
2. Для руководителей областного и республиканского звена: мужчины — 65 лет, женщины — 60 лет.
3. Для руководителей общесоюзного масштаба — до 70 лет.

Преимущество в праве на работу должны иметь люди допенсионного возраста. Кстати, назначаться на руководящие посты должны люди не старше 55 лет на должности районного, областного звена и не старше 60 на более высокие посты.

Обратимся еще раз к истории. Самым старым членом первого состава Политбюро ЦК партии был В. И. Ленин, которому в 1919 году было 49 лет, все остальные: Каменев, Крестинский, Сталин, Троцкий — были моложе. Сверд-

лов в 32 года стал Председателем ВЦИК, после него М. И. Калинин Председателем ВЦИК стал в 44 года. Рыков Председателем СНК — в 43 года. Фрунзе в 39 лет — нарком обороны, Ворошилов после него — в 44 года, Тимошенко после Ворошилова — в 45 лет. Дзержинский председателем ВЧК и наркомом — в 40 лет, Менжинский после него — в 52 года. Чичерин министром иностранных дел — в 46 лет, Литвинов — в 54 года.

Я уже не говорю о комсомольских работниках. Рывкин первым секретарем ЛКСМ — в 19 лет. Шацкий — в 17 лет. Смородин — в 24 года, Чаплин — в 22 года, Мильчаков — в 25 лет, Косарев — в 26 лет. Действительно, руководители комсомола комсомольского возраста!

Молодыми были секретари обкомов партии, министры не только 20-х, но и 30-х, 40-х, 50-х годов.

А ведь сейчас объем работы для высшего звена намного больше; принимаемые решения ответственнее и требуют гораздо больше физических и умственных сил.

Оппоненты могут привести примеры: Мао Цзэдун был у руля власти до 83 лет, Чан Кайши — до 88, Иосиф Броз Тито тоже до 88, а нынешнему президенту США 77 лет. Но в США были и Т. Рузвельт, ставший президентом в 43 года, и Д. Ф. Кеннеди, ставший президентом в 44 года, и, по-моему, из самых молодых президентов — Кеннеди был одним из самых трезвых и мудрых политиков.

Думаю, что этот вопрос необходимо обсудить спокойно, трезво, обстоятельно: выслушать все и самые противоположные мнения, а затем принять соответствующее решение.

**Владимир ДМИТРИЕВ,
Эстонская ССР**

Хочу информировать читателей весьма популярного среди молодежи журнала о некоторых, возможно, малоизвестных им сведениях, касающихся Шпицбергена. Это необходимо сделать в связи с тем, что в журнале «Смена» № 8 за 1988 год опубликовано письмо читательницы Семушкиной из Москвы, которая, видимо, лишь слышала, что арктический архипелаг Шпицберген, находящийся под суверенитетом Норвегии, представляет собой территорию, куда вместо 101-го километра от Москвы следует отправлять пьяниц, тунеядцев, наркоманов и проституток на том основании, что там тяжело работать, но хорошо платят.

Итак, могут ли выехать на Шпицберген советские граждане, и чем они там занимаются?

Вот уже более полувека на Шпицбергене существуют угольные рудники производственного объединения «Арктикуголь». На них занято более двух тысяч советских граждан. Среди них шахтеры, горные инженеры, врачи, учителя, воспитатели детских садов, работники культуры. Ежегодно наше объединение получает тысячи писем советских граждан с просьбой предоставить им возможность выехать на Шпицберген для работы на советских угледобывающих предприятиях.

Наши шахты имеют современное горно-шахтное оборудование, на них действуют автоматизированные системы управления производственными процессами.

В поселках советские трудящиеся живут в условиях, ничем не отличающихся, с точки зрения коммунального обслуживания, от условий Москвы. Есть дворцы культуры, а при них библиотеки, клубы по интересам, коллективы художественной самодеятельности, вокально-инструментальные ан-

самбли, оркестры, спортивные секции, функционируют спортивные комплексы с плавательными бассейнами, стадионы.

Таким образом, советские поселки на Шпицбергене нечто иное, чем они видятся жительнице Москвы Семушкиной.

Что касается условий в Арктике, то они действительно нелегкие. Четыре месяца полярная ночь, вечная мерзлота, постоянная отрицательная температура в шахте, отрицательная среднегодовая температура... Чтобы жить и работать в этих условиях, нужно быть человеком здоровым не только физически, но и морально. А о каком здоровье может идти речь у той категории людей, о которой пишет Семушкина?

**А. Н. ГНИЛОРЫБОВ,
генеральный директор
объединения «Арктикуголь»**

Сегодня очень важен и актуален разговор о целесообразности строительства Крымской АЭС на Керченском полуострове.

Решение о ее сооружении в Крыму было принято без учета мнения общественности, без глубокой и всесторонней научной проработки всего комплекса проблем и возможных последствий в недалеком будущем. Чего стоит хотя бы повышенная сейсмичность Южного берега Крыма? В районе строительства АЭС отсутствует пресная вода — там солончаковые почвы. Разве не может тревожить и тот факт, что от станции до Черного моря — всего 20 километров, а до Азовского — 500 метров... Эти моря, как известно, и без того предостаточно загрязнены, а тут еще и Крымская АЭС!

Письмо я это написал под впечатлением радостного для краснодарцев и весьма обнадеживающего для крымчан решения Совмина СССР о прекращении строительства АЭС на Кубани. Принятое при этом во внимание обстоятельство целиком и полностью относится и к сооружению Крымской АЭС.

На мой взгляд (и не только на мой), если Крыму нужны источники энергии, то пусть это будут только экологически чистые источники: солнце, ветер, энергия волн... Крым — всеоюзная здравница с редчайшей природой. Крым должен принести радость и здоровье нашим детям, всем последующим поколениям. Надеюсь, молодые читатели «Смены» скажут свое слово в защиту уникальной природы Крыма, окружающей среды. Ведь отменили же поворот северных рек!

**Игорь АСТАХОВ,
33 года,
кандидат технических наук,
отец троих детей, Феодосия**

Мне 14 лет, учусь в восьмом классе. Пишу потому, что мне надоело жить. Хотя, может быть, совсем наоборот — я ищущая ее, жизнь. Не такую, какой я живу, а настоящую. Родилась и живу в Норильске. Скромная девочка... Ходила только из дома в школу и из школы домой. Была пайной. Да и сейчас никто ничего обо мне плохого не скажет, даже родители. Летом прошлого года я познакомилась с одним парнем. Нет, ничего дурного не было, просто с ним я поняла, что такое жизнь, увидела мир во всей его неприглядности. Раньше я завидовала подругам, которые разговаривали про каких-то загадочных «больших парней», а теперь самой пришлось испускаться в грязь и захотелось крикнуть тем, кто еще гоняется за красивой жизнью: «Остановитесь! Это болото — уж если попадете в него,

вряд ли выберетесь!» Нет, я не прошу, чтобы меня спасали. Может быть, пока это мое письмо будет напечатано, то состояние, в котором я его пишу, пройдет, и все будет по-старому. Понимаю, мое письмо не совсем связно написано, но я не могу больше молчать! Для меня потеряно все святое. Я узнала, что в жизни все не так, как говорят в школе. Оказывается, о большинстве наркоманов, спекулянтов и т. д. неизвестно никому, кроме «своих». А я-то, боже мой, как я-то смогла стать «своей»? Еще в 7-м классе, когда я писала такие пламенные сочинения, которые кажутся сейчас просто наивными, я и не подозревала, что окажусь в числе тех, на кого многие мои сверстники хотят быть похожими. Мне сейчас все больше кажется, что я — Онегин женского рода. Хотя я и сама не пойму, какая я на самом деле: та, которая дома, или та, которая с друзьями. И кажется, что раньше я походила на Ленского-романтика. Что же делать? Думаю, стоит рассказать о той компании, в которую привел меня мой новый знакомый. С виду вполне порядочные и интеллигентные парни и девочки, начитанные, остроумные. Но чем дальше, тем глубже раскрывала я всю «красоту» этой жизни. Они меня приняли. Но меня ли? Нет! Мое чувство юмора, мои трюпки, мою начитанность — все, что нужно в такой компании. Посмотришь на них — куклы, манекены! И в школах, и в училищах все их любят — такие они хорошие, расчудесные, умницы, зрелищные. Нет, не школа меня жить научила — они. А если бы вы слышали, какие разговоры мы ведем о перестройке. О чести, долге, совести. Если надо — мы всегда в гуще всех событий. У меня просто слов нет все это рассказать, объяснить. Сколько раз уже хотела написать вам. Но знаю, приду к друзьям, и все эти чувства исчезнут. Буду мило улыбаться, шутить, крутить «видики». Потом школа. Пятёрки и четвёрки. Есть и тройки, но меньше. Посмотришь «престижный» фильм, прочитаешь «престижную» книгу — вот и все. А дальше? И мы считаем себя духовными, развитыми?! И хотя у девушек значительные привилегии — им не нужны деньги, парни им «достанут все, что надо», все равно я чувствую — это не мое. Не туда мне надо. А как вырваться из этого болота? Допустим, вырвусь — дальше что? Ничего. Ведь кругом, везде и всюду — равнодушие, непонимание, иронические усмешки. Я хочу поступить учиться (только не пугайтесь!) в педагогическое училище. Я люблю детей. Есть в них что-то светлое, неоспоренное.

Я не знаю, что мне делать, как жить. Вроде бы все у меня есть, но нет главного — настоящей жизни. Такой, чтобы всегда в делах — вот ведь в чем счастье. Знаю, я еще не испорчена вконец, не стала «любительницей острых ощущений», не стала хуже учиться, меня еще не купили. Сейчас — гласность, демократия. Послушаешь радио, посмотришь телевизор, прочитаешь газеты — что за проблемы вскрывать стали! Но опять же — в газетах. А есть еще и другая сторона жизни. Ведь от того, что я написала это письмо, все мои «друзья» и им подобные лучше не станут. И в школах, и в семьях о таких «лапачках» и не подумают ничего плохого. Да и я уже почти смирилась. Как быть?

Ольга, Норильск

Случайно прочитал в «Смене» № 14 за 1987 год статью Сергея Федорченко «Их нужно просто любить». Когда я ее прочел, все во мне закипело, меня закололо, как в лихорадке. Вот уже четыре года я нахожусь в местах лишения свободы. За все это время побывал

в трех колониях и везде видел одно и то же: жестокость, грубость, ненависть...

Автор этой статьи показывает нам в розовом свете жизнь в Очерской спецшколе. Прямо-таки идиллия, совсем как во времена Макаренки! Только вот из колонии имени Горького вышло очень много хороших людей, талантливых инженеров, врачей, ученых и т. д., а из современных воспитательных и исправительных учреждений выпускают в основном потенциальных преступников, из 100 «выпускников» 90 попадают в такие учреждения снова. В чем же корень зла? Наверное, в формализме. Ведь формально, в отчетах во всех наших спецучреждениях ведется идеологическая борьба с людскими пороками.

Показать бы вам администрацию учреждений, которая, как хамелеон, меняет хищные, издевательские лица на притворно сочувствующие перед предстоящей комиссией, после которой они снова обретают обычный, повседневный облик. Вам не покажется дикостью, когда изрядно выпивший дежурный помощник начальника колонии выкрикивает по селектору отборную жаргонную нецензурную брань, которую друг от друга-то не всегда услышишь? Не верится?! Конечно, кто же об этом напишет?

Вот у меня лично было такое знакомство с первым в моей жизни исправительным учреждением, славившимся в то время своими избиениями, драками и тиранией. Там воспитание было очень примитивным, сами осужденные издевались над такими же осужденными всевозможными способами, били кулаками и ногами, поднимая с постели среди ночи. Ломали об головы и спины табуреты и швабры, заставляя работать за себя и за «того парня». Представляю сейчас ваше недоумение: как же так, куда же смотрела администрация? А администрация на эту круговую поруку смотрела сквозь пальцы, еще бы, ведь это, безусловно, было ей на руку. План на производстве выполнялся, порядок в жилых помещениях поддерживался, а что еще надо? Никому не интересно было узнать, какой ценой все это достигалось. Начальника колонии я видел за все свое пребывание в колонии несколько раз и то мельком, издали. Это был самодовольный бюрократ, которого ничего не интересовало, кроме производственных планов и личных дел.

Начальник отряда, инвалид, которого совсем ничего не интересует. Он только умел наказывать, а чтобы разобраться, у него не хватало рук и желания. Хотя в подобных учреждениях начальник отряда несет на себе почетную миссию «воспитателя». Казалось бы, что для такой работы нужно отбирать людей по особому конкурсу, ведь им работать не со скотом, а с людьми, чьи судьбы так непохожи друг на друга. В таких учреждениях начальник отряда должен к каждому осужденному найти подход и заглянуть в душу. А ведь человек не всякому откроет свою душу, а осужденный тем более.

Ну где же здесь человек, который поймет, почувствует, подскажет? Нет таких!!!

Игорь К.,
Коми АССР

Прочла я про кооперативные школы и подумала: до чего же только не додумаются те, кто не знает, куда деть свои капиталы. Много писали о спецшколах, куда попадали дети высоких начальников по звонку. Обсуждали: кто «за», кто «против». Потом сделали вывод, что спецшколы нужны, чтобы побольше было знающих иностранный язык, что

только там его и можно выучить. Теперь придумали еще кооперативные школы. И кто-то уже возрадовался. Обычная школа плохо учит, давайте сделаем необычную. Хотя хороших школ много, а надо стремиться к тому, чтобы все они были на уровне времени.

Недавно ЦТ показывало видеофильм «После школьного звонка», где директор школы сам активно участвует в жизни учеников. И в спортивном зале он с ними, и в хоре запекает. И так уже много лет. Хором поет вся школа. Почему же не брать пример другим? А то кооператив: давайте платить по 50 рублей в месяц, чтобы детей учили хорошо. Что же, учителя зарплату не получают? И почему английский не могут выучить в обычной школе? Ну, хорошо, можно организовать кооперативы по изучению иностранного языка. Пусть научат желающих за год. Но это будет не школа, а какие-то курсы. Вот это было бы интересно. А кооператив при школе может быть в форме дополнения к трудовому воспитанию или спортивно-оздоровительным занятиям. Например, кооператив по выращиванию шампиньонов — это и интересно, и полезно.

А насчет репетиторства для поступления в вузы — это сказка для детей. Мы с мужем вырастили пятерых детей. Четверо из них получили высшее образование. Ни одному из них репетиторов не наняли. Теперь готовятся в школу мои внуки. Хочу, чтобы они учились на равных правах с другими, поэтому я против кооперативных школ.

В. СЕМЕНОВА,
г. Клин

Я наркоман, теперь уже бывший, потому что сейчас нахожусь в колонии, осужден за употребление и хранение наркотиков (опийного мака). Надо бороться с этим злом, бесспорно. Но как? Агитацией и статьями? Из этого ничего, мне кажется, не получится. Не хочу утверждать, что милиция ничего не делает. Несомненно, они выявляют, задерживают и наказывают. Но как быть с теми, кто только начинает? На них ведь ваши статьи не окажут нужного воздействия, по себе знаю. Мне 27 лет. Употреблять наркотики начал четыре года назад. Стал хроническим наркоманом. Два года назад «кайф» доставать было легче, потому что и наркоманов было меньше, чем сейчас. В те времена знакомых, кто употребляет наркотики, мог по пальцам сосчитать. А теперь каждый второй, я не преувеличиваю. Вы не задавали себе вопрос: а почему? Я не агитирую к возвращению к старому (имею в виду отмену ограничения спиртного), но на действительность надо смотреть трезво. Во многих городах и даже областях спиртного вообще нет. У кого есть возможность, едут за спиртным за сотни километров. Убрать спиртное — это проще всего, но надо же молодежи дать взамен то, что могло бы отвлечь ее от всего вредного. Я работал официантом в молодежном кафе. Видел, как отдыхает молодежь, если это назывешь отдыхом. Ассортимент соков, напитков скудный, да и форма общения совсем устарела. Пробовал подать идею организовать видеотеку с безалкогольным баром, так мне сказали: «Вы мне здесь Америку не открывайте». И куда после этих слов обращаться? А город у нас маленький, культурный отдых для молодых не организован. Вот и занимаются они не тем, чем нужно. А ваши статьи о вреде наркомании действуют на них так, как предупреждение родителей малышей: «Не кушай много клубники, живот заболит».

Я сейчас доволен, что отбываю срок, потому что дома, «на воле», я бросить

бы не смог. Сейчас уже состояние лучше, правда, организм совсем ослаб. Но я на мир стал смотреть другими глазами. И решил твердо, что завязал.

Георгий А.,
Павлодар

Прочли статью «Чужой ребенок». Почти все мы матери, и нам нетрудно понять горе родителей Дашеньки. Нас глубоко возмутила позиция автора статьи. Он гуманен за чужой счет. Будь Дашенька дочерью Леликова, мнение его было бы отнюдь не восторженным. И уж менее всего ему хотелось бы аплодировать по поводу «мягкого» наказания.

Мы не кровожадны, но описанное преступление заслуживает, на наш взгляд, хотя бы морального порицания со стороны автора. Разве можно то, что сделала Елена П., оправдывать положительной характеристикой с места работы, тем, что она член КПСС и депутат городского Совета?

...В отличие от корреспондента Н. Леликова нам очень не хотелось бы попасть к такой медсестре на больничную койку.

Работники библиотеки
Приднепровской железной дороги,
Днепропетровск

Два выговора за два дня, а на третий — увольнение «по статье»... Так началась почти двухлетняя мытарства Владимира Гулевича, молодого рабочего Вяртсильского металлургического завода. Городской суд вынес решение не в его пользу; ничего не дали и обращения в более высокие судебные инстанции.

Владимир написал в редакцию «Смены». Мы выступили в защиту молодого рабочего — статья О. Веровенко «Амбиция» (№ 6, 1987 г.) вызвала поток читательских писем и... опровержение, подписанное секретарем Карельского облсовпрофа. В нем утверждалось, что никаких нарушений законодательства при увольнении Гулевича не выявлено. Нам пришлось повторно разбираться в обстоятельствах конфликта. И вот получен официальный ответ министерства юстиции Карельской АССР О. Б. ПЕРЕПЛЕСНИНА:

«В связи с публикацией в вашем журнале статьи В. Анисимова «Акт и факт» (№ 4, 1988 г.) Министерство юстиции Карельской АССР сообщает следующее.

Новое судебное разбирательство состоялось 13. 04. 88 года; в ходе его между сторонами — Гулевичем В. П. и представителем Вяртсильского металлургического завода — было заключено мировое соглашение, согласно которому Гулевич В. П. отказался от иска о восстановлении на работе, а администрация Вяртсильского металлургического завода отменила приказ об увольнении Гулевича В. П. по п. 3 ст. 33 КЗоТ РСФСР и издала приказ об его увольнении с 21. 06. 86 г. по собственному желанию. Мировое соглашение утверждено определением суда от 13. 04. 88 г., одновременно прекращено производство по делу».

Читатели могут сказать: мировое соглашение — компромисс, неполное признание правоты рабочего. Гулевичу, надо полагать, виднее, как поступать. Во всяком случае, отменена несправедливая запись в его трудовой книжке, а те, кто сталкивался с подобными случаями, знают, как нелегко бывает этого добиться. Карельский же облсовпроф оперативно «откликнувшийся» на первую публикацию «Смены», на сей раз предпочел отмолчаться...

Популярнейшая рок-группа из ФРГ «Скорпионс» — в Советском Союзе! В принципе, любители рок- и поп-музыки морально были готовы к сюрпризам, которые временами дарит им Госконцерт. И все же, чтобы «Скорпионс»!.. В возможность ее приезда верили очень немногие, потому что:

...эта группа уже многие годы находится среди лидеров «хард-н-хэви»...

...композиции «Скорпионс» являются украшением фонотек всех «металлистов»...

...название этой группы сегодня можно прочесть не только на конвертах дисков, но и на стенах школ, техникумов и других общественных помещений...

...даже в самом слове «Скорпионс» заложена некая колючесть, жесткость и экспрессивность, которыми отличается «тяжелая» музыка...

Поклонники рок-н-ролла вообще и «хэви метл», в частности, получили возможность лично убедиться в вы-

соком качестве «металла» с клеймом «Скорпионс». В течение десяти дней эта группа выступала в совместных концертах с группой «Парк Горького» в ленинградском спортивно-концертном комплексе имени В. И. Ленина.

Историческая справка. Группа «Скорпионс» появилась на свет более двадцати лет назад. Создали ее вокалист Клаус Майне и гитарист Рудольф Шенкер. Успех к «Скорпионс» пришел не сразу: часто менялся состав; пластинки раскупались туго. Но, как известно, терпение и труд...

В общем, к концу семидесятых «скорпионы» выходят в лидеры рок-марфона на дорожке «хард-н-хэви».

Переломным моментом в судьбе группы можно назвать выход альбома «Лавдрайв». Успех удалось закрепить: следующие диски группы «Зни-мал магнетизм», «Блэкаут», «Лав от фёст стинг» завоевали всемирную аудиторию. «Скорпионс» много гастролировали, что тоже положительно сказалось на подъеме их популярности...

Сейчас в состав группы входят: Клаус Майне (вокал), Матиас Джебс (гитара), Рудольф Шенкер (гитара), Францис Буххольц (бас-гитара), Херман Раребелл (ударные).

«Парк Горького» — совсем молодой коллектив: он существует немногим более полугода. Идея создания «Парка» родилась у Стаса Намина после гастролей по США, Канаде и участия в фестивале в Японии. Было решено создать универсальную группу, музыка которой была бы понятна и близка людям на всех континентах... «Парк Горького» объединил опытных музыкантов в лице Николая Носкова (вокал), Алексея Белова (гитара), Яна Янкова (гитара), Александра Минькова (бас-гитара), Александра Львова (ударные)...

«Какие нервные лица — быть беде. Я помню, было небо, я не помню, где...» Эти строки из песни Бориса Гребенщикова «Рок-н-ролл мертв» как нельзя лучше отражают атмосферу первого дня концертов в горо-

де на Неве. То, что случилось, как говорится, невероятно, но факт. «Скорпионс»... испугались! Испугались играть на одной сцене с группой из Москвы «Парк Горького». Этот новый коллектив довольно быстро набирает очки в актив своей популярности, и «Скорпионс» решили, что это одна из лучших групп Советского Союза (утвердились они в этом мнении после прослушивания фонограммы «Парка Горького»). Сыграло свою роль еще и то обстоятельство, что пластынки «Скорпионс» у нас не выходили, рекламы практически никакой. Да и вообще «Россия — загадочная страна»...

В общем, чтобы вдруг не провалиться на фоне «Парка», музыканты из ФРГ решили отработать первый концерт, так сказать, соло. Напрасно что-то нервно доказывал перед концертом гостям продюсер группы Стас Намин, хлопотали операторы и настройщики — музыкантам из «Парка» не дали возможности даже подняться на сцену, чтобы настроиться. Что ж, гости из ФРГ в данном случае были хозяевами положения — их «свет», их аппаратура. В конце концов, их гастроль... Пришлось смывать грим ребятам из

«Парка Горького». Скажу сразу, что так случилось только один раз. В дальнейшем группы довольно мирно уживались на одной сцене. Но этот «штрих» дает повод для некоторых размышлений.

В последнее время все больше и больше советских рок-групп выступает за рубежом — на всевозможных фестивалях, конкурсах и просто с гастроллями. И если раньше в список «выездных» попадали три-четыре команды, то теперь их значительно больше. Это радует, поскольку чем больше будут знать нашу культуру за рубежом, тем теплее станет международный климат. Но так как зарубежные гастролли наших рок-групп у нас почти не освещаются, трудно получить ответ на принципиальный вопрос: достигли ли наши избранные группы хотя бы среднемирового уровня? Большая часть знатоков отечественного рока настроена довольно скептически, и разубедить ее трудно.

Так вот, реакция «Скорпионс» на «Парк Горького» еще раз подтверждает, на мой взгляд, что и наши

уже могут, уже готовы конкурировать на международной сцене. И хочется верить, что узнаем мы, наконец, об их триумфах или провалах не только из коротеньких сообщений корреспондентов ТАСС... Но вернемся из светлого будущего на концерты «Скорпионс» в Ленинграде.

Один из самых больных вопросов организации гастрольной рок-звезды в столице — «стоячий» партер. За рубежом многолетняя практика рок-концертов приучила музыкантов видеть зрителей у самой сцены. Есть люди, которые любят слушать стоя, танцевать, прыгать и другими столь же динамичными способами выражать свои эмоции. Музыкантам такой партер помогает «подзарядиться» от публики, видеть ее реакцию, сразу же входить в контакт со зрителями... Это понятно и объяснимо.

В Москве таких прецедентов еще не было: тот, кто вскакивал или начинал танцевать, нервировал милицию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Короче, хорошего мало — и для зрителей, и для музыкантов, и для милиции. Но зато кто-то, перестраховавшись, спал спокойно.

В Ленинграде «стоячий» партер был. И сразу — совершенно иная атмосфера концертов. Несколько тысяч молодых людей заполнили пространство между сценой и трибунами. Причем собрались «металлисты» и музыка была заводная. И... ничего страшного не произошло. Контакт был идеальным для рок-концерта. Ну а «металлическая» публика? Ведь сколько было статей о безоб-

разном и разнузданном поведении этой части молодежи на концертах «тяжелых» групп!

Концерты в Ленинграде показали, что вся «разнузданность» любителей «металла» объясняется тем, что концерты «хэви» обычно проводятся по правилам концертов, скажем, эстрадно-симфонических оркестров. Но ведь сама рок-музыка диктует иные формы восприятия, иную реакцию у зрителей. Отсюда — и шокирующее поведение публики и музыкантов... Чтобы этого не было, может, просто правила изменить? Как это было в Ленинграде. И результат налицо: зал, точнее партер, танцевал. Одним словом, праздник состоялся!

Теперь — о музыке «Скорпионс». Что больше всего запомнилось на концерте? Прежде всего высочайший профессионализм группы из ФРГ. Профессионализм во всем, начиная от идеальной сыгранности музыкантов и кончая доведенной до автоматизма работой световых и звукоинженеров, рабочих сцены. Звучание — словно на пластинке; сцениграфия концерта отточена — каждый знает, где, как и когда ему нужно быть и что делать. Световое шоу — выше всяких похвал. Запоминаются три огромных треугольника, оснащенные сотнями осветительных приборов. Во время концерта они меняли свое положение в зависимости от накала песни. Ну и, конечно, «дымы», «пуш-

На концерте эти песни прошибали до слез юных «металлистов». Это еще одно доказательство, что «металл» «металлу» — рознь. И для того, чтобы завоевать самую широкую аудиторию, одной бесчувственной энергетикой недостаточно. Нужна... музыка.

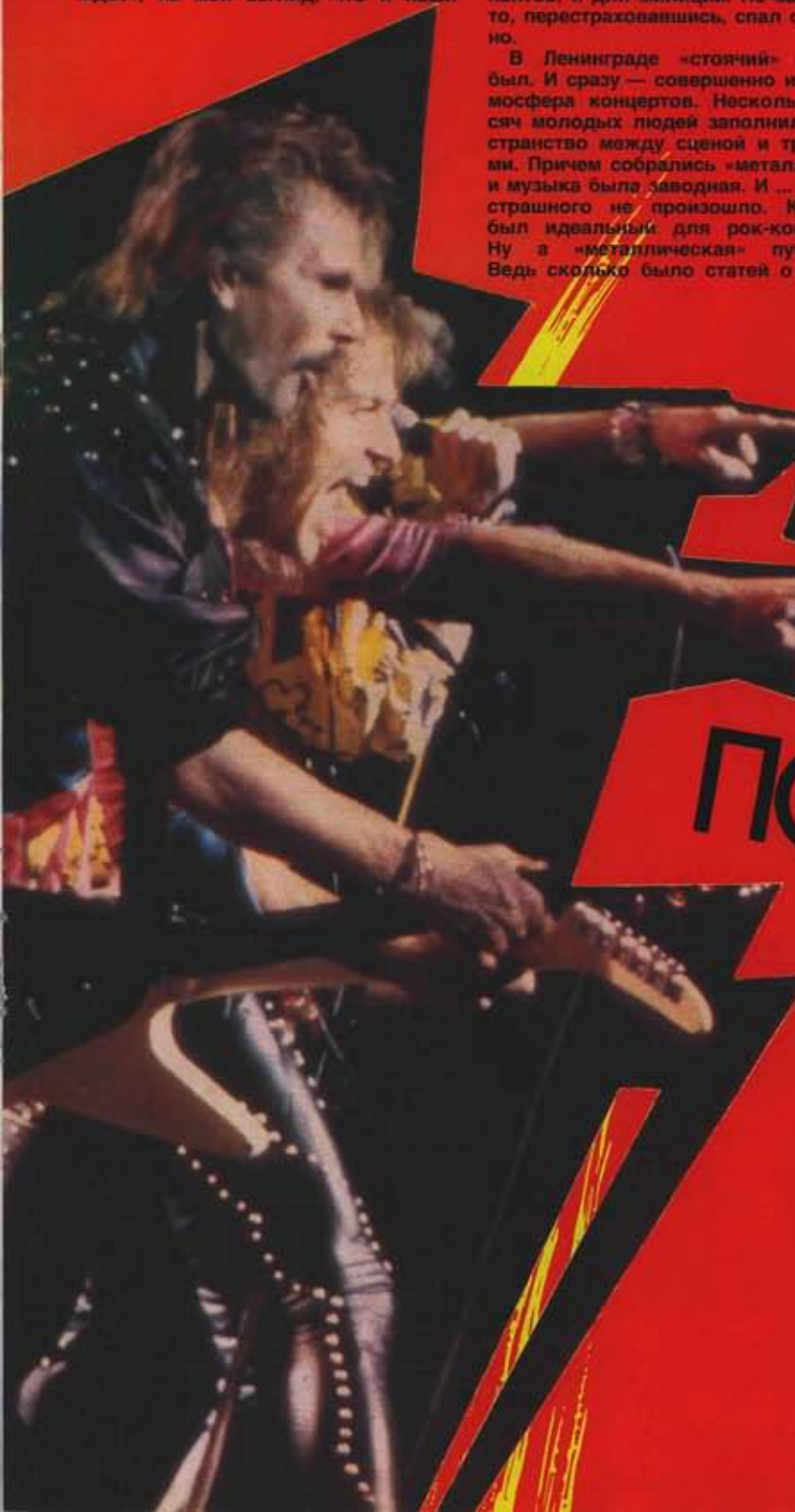
Голос солиста Клауса Майне силен и чист и, главное, оригинален. Для «хэви» — это очень важный фактор, который обеспечивает группе добрую половину успеха. И еще деталь: у «Скорпионс» нет лидера, нет и музыкантов второго плана. Есть коллектив, где «один за всех и все за одного».

Отрадно, что на этом блестящем фоне совсем не блекло выглядела группа «Парк Горького». К тому же надо учесть — играли наши музыканты практически без световой поддержки, без звуковых эффектов — «Скорпионс» не разрешили.

Прогнозировать в рок-музыке — все равно, что гадать на кофейной гуще, но, думается, «Парк Горького» еще себя проявит.

Сразу же после гастроль в СССР «Скорпионс» летит за океан, где у нее запланированы концерты на самых больших стадионах США. На пресс-конференции музыканты из ФРГ сетовали на то, что не смогли выступить в других городах Союза, но обещали приехать еще раз...

О чем еще говорили? О дружбе, о взаимопонимании, о мире. О том, что волнует, наверное, всех музыкантов. Рассказывали о долгом, тернистом пути группы к успеху; о том, что больше любят играть на концертах, нежели работать в студии; о своих детях, которые полностью разделяют любовь своих отцов к «тяжелому» року... Название группы сами му-

ПОД ЗНАКОМ СКОРПИОНА

Евгений ФЕДОРОВ

Фото Евгения КАТЕНЬКИНА

ки» — все это использовалось в меру и со вкусом.

Примечательно, что костюмы «скорпионов» не отягощены металлическими атрибутами, как у многих наших музыкантов — приверженцев «хэви метл». Двигаются они на сцене свободно, но опять-таки без стереотипных поз и построений.

Музыка «Скорпионс» отличается, как ни парадоксально, мелодизмом. Взять хотя бы композицию «Таим» («Время») или «Холлидей» («Праздник») — они полны самого настоящего лиризма!

Музыканты объясняли так: скорпион — маленькое агрессивное существо, у которого на кончике хвоста — жало. Это «жалю» музыканты и используют для инъекции положительных эмоций слушателям.

Начало турне «Скорпионс» совпало с выходом их нового альбома «Свэдж Эмьюмент» («Дикое развлечение»), на который музыканты возлагают большие надежды... Надежды подняться на новую ступень «металлической» лестницы.

Мастерская горьковского художника Дмитрия Арсенина похожа на музей. В ней собрана уникальная, одна из самых интересных в стране, коллекция хохломских изделий, национальных костюмов народов Поволжья... Но музей ассоциируется с чем-то строгим, раз и навсегда скомпонованным и расставленным, с предупреждающими табличками «Руками не трогать». А здесь — сама жизнь, праздничная ярмарка красок, весенние переливы света.

Побывав полтора года назад в гостях у Арсенина, писатель Юрий Бондарев сказал, что, не выходя из его мастерской, можно совершить путешествие в эпоху Пушкина, съездить в Арзамас и Большое Болдино, исколесить всю Нижегородскую губернию. После этой встречи Арсенин записал понравившиеся высказывания писателя. Вот одно из них: «От часа своего рождения до последней секунды мы живем в долгу и перед землей, родившей нас, и перед национальной культурой, сообщившей нам все доброе, прочное, нравственное, что называется теплотой патриотизма. Это бесценное качество можно измерить только возвращением душевного долга отчужденному».

Чувствовал себя в долгу перед отчим домом и Дмитрий Арсенин. Несколькими годами назад он впервые — с творческой целью — побывал в Большом Болдино и создал там серию акварельных пейзажей.

Виталий ГУЗАНОВ

Поэт с женой.

Из цикла «А. С. Пушкин в Арзамасе». На базаре.

В гостях у академика А. В. Ступина.

Нижний Новгород. У обелиска Минину и Пожарскому.

И с тех пор, вот уже второй десяток лет, он торит свою тропу к Александру Сергеевичу Пушкину. Первые работы — первое прикосновение к теме, которая настолько увлекла, что стала главной для художника. Богатое изобразительное и эмоциональное разнообразие болдинской осени стало для Арсенина и своеобразным нравственным мерилем, и сокровищницей творческих открытий. И чем глубже художник вникает в удивительное явление благодатной поры пышного расцвета пушкинской поэзии, тем щедрее и самобытнее его мастерство. Сегодня в работах Дмитрия Арсенина прежде всего привлекают внимание неожиданные композиции и цветовые созвучия. Окружающий мир как бы пропущен сквозь призму восприятия художника, заново переосмыслен...

Дмитрий Арсенин мало и редко рассказывает о себе. Но достаточно сухих анкетных данных, чтобы понять, какой это мужественный человек. Сорок пять лет назад, совсем юным, шестнадцатилетним, он по путевке комсомола уходит из родного города Горького на флот. В Белом море, на далеких Соловецких островах, оканчивает школу юнг ВМФ. И глубокой осенью сорок третьего начинает боевую службу артиллерийским электриком на эскадренном миноносце «Громкий» Северного флота. Эсминец «Громкий» участвовал во многих морских операциях, крушил своей артиллерией вражеские береговые укрепления в Варангер-фьорде.

Нелегки военные будни, которые, казалось, не оставляли времени для

каких-либо свободных занятий по интересу. Но даже в ту суровую пору юнга, а затем краснофлотец Арсенин жил мечтой стать художником. Несколько лет ему пришлось служить в Заполярье и после окончания войны. Только в 1950 году старший краснофлотец Арсенин наконец поступил в Горьковское художественное училище, по окончании которого стал студентом графического факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Ленинграде, занимался в мастерской народного художника СССР А. Ф. Пахомова.

Вернувшись в Горький, Арсенин скоро обнаруживает свое пристрастие к народным традициям и народному искусству. В документальном фильме «За морем — солнце», посвященном бывшему юнгам флота, Арсенин признается:

— Не связала меня судьба с морем. Не вышла дружба. Распорядилась судьба по-иному. Всякий раз, когда приезжаю в Заволжье, откуда пошла хохломская роспись, обязательно брожу с этюдником. Хохломскую роспись часто называют огненной. И это, пожалуй, верно. Море красок. Опять слово «море»... Это буйство цветов, жаркая роспись приносят радость и особое ощущение праздника...

Связь с народным творчеством, пробудив в художнике глубокий интерес к истории нижегородской земли, к ее заповедным местам, к памятникам духовной культуры и тем достопримечательностям, которыми

знаменит нижегородский край, ассоциируется с судьбами замечательных тружеников, ратоборцев и подвижников.

Много раз Арсенин бывал в Большом Болдине, бродил с этюдником по заветным пушкинским тропам, зачарованно слушал старинные песни местного хора, подолгу беседовал со стариками, передававшими ему рассказы очевидца приездов сюда Пушкина Михея Сивохина и внука крепостного писаря в вотчинной конторе Ивана Киреева. Все это навело на мысль отразить в своих работах не только болдинскую осень поэта, но и быт того времени, пушкинское окружение, духовную близость Пушкина к народу, его встречи на нижегородской земле. С присущей ему тщательностью Арсенин проследивает каждый шаг поэта на Нижегородчине, старается воссоздать тогдашнюю обстановку, ему любопытен даже самый, казалось бы, заурядный эпизод, связанный с Пушкиным, интересно любое свидетельство. Так рождается тема «Пушкин и нижегородцы». И Арсенин активно работает над воплощением своих замыслов. Изучение жизни поэта привело к изучению многого из того, чем знаменовалось тогда бытие крестьянина-землепашца и помещика-миродея, дворянства и мещан. Вот почему в работах Арсенина Пушкин не замкнут в кругу только личных переживаний и творческих влечений, в полном уединении среди рощ и холмов, а явился во всей сопричастности к своему времени, представлен сре-

ди современников, в обыденной жизни общения, что, безусловно, справедливо и правильно. В портретах Пушкина мы находим и душевную теплоту, и трепетность, и в то же время деликатную сдержанность, которые владели художником.

Правда, увлекшись темой, Арсенин порой допускает некоторую вольность. Речь идет о художественной школе А. В. Ступина в Арзамасе, которую якобы посетил Пушкин. Этому посвящена одна из работ художника. Чем руководствовался Арсенин? Думается, следующим обстоятельством. В 1815 году молодыми литераторами Петербурга было создано Арзамасское ученое общество, или попросту кружок «Арзамас», в который входили В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, а сам Александр Сергеевич в ту пору носил звание «Сверчка Арзамасского». Поэтому Пушкин мог знать об этой знаменитой школе хотя бы от своего брата Льва Пушкина. И художник Арсенин, сообразуясь с таким фактом, не без доброго умысла помещает Пушкина, бывавшего в Арзамасе, в круг учеников А. В. Ступина.

Несомненно, определенная доля условности есть и в других листах Арсенина. Но многое искупается желанием художника создать вокруг Пушкина атмосферу поэтичности, особой приподнятости и исключительности, привнести элемент торжественности, то есть увидеть и оценить Пушкина глазами нынешнего поколения, благоговеющего перед ним и воспринимающего его не только

как человека своего времени, но и как явление той далекой эпохи.

Немало внимания Арсенин уделяет тщательной отделке своих работ, добиваясь добротности, которой отличались старые мастера кисти. Тонкий лиризм, романтическая приподнятость, изящество линий и штрихов до филигранности, высокая степень выискательного применения выразительных средств, зачастую скупых, но всегда уместных и точных, — все это характеризует болдинские произведения Дмитрия Арсенина. Присмотритесь к работе «А. С. Пушкин с женой» — лицо поэта высвечено светом поэзии, светом правды поступков и помыслов. Может, в этом и заключено святое единство красоты духовной и материальной. Все это свидетельствует о том, что изображенная Пушкиниана Дмитрия Арсенина нашла горячих приверженцев и почитателей, что она оказывает свое благотворное влияние на воспитание и приобщение к пушкинскому наследию большого круга людей. И это весьма поучительно, ибо художник решает свою тему языком реалистического искусства.

Творчество заслуженного художника РСФСР Дмитрия Дмитриевича Арсенина — в движении, в развитии. Разработка пушкинской темы еще не закончена. Но уже сегодня мы можем сказать, что своим подходом к изображению Пушкинианы и болдинской природы он внес новые черты, и, естественно, это самая яркая творческая удача горьковского художника.

ПРОТОТЮ ПУШКИНА

— Ты, Молчун, шлепай посильнее,— деловито говорила Нава,— а то присосется кто-нибудь, потом ни за что не оторвешь, ты не думай, что раз тебе прививку сделали, так теперь уж и не присосется, еще как присосется. Потом он, конечно, сдохнет, но тебе-то от этого не легче...

Болото вдруг кончилось, и местность стала круто повышаться. Появилась высокая полосатая трава с острыми режущими краями. Кандид оглянулся и увидел воров. Почему-то они остановились. Почему-то они стояли по колено в болоте, опираясь на дубины, и смотрели им вслед. Выдохлись, подумал Кандид, тоже выдохлись. Один из воров поднял руку, сделал приглашающий жест и крикнул:

— Давайте спускайтесь, чего же вы?

Кандид отвернулся и пошел за Навой. После трясины идти по твердой земле казалось совсем легко, даже в гору. Вору что-то кричали в два, а потом в три голоса. Кандид оглянулся в последний раз. Воры по-прежнему стояли в болоте, в грязи, полной пиваком, даже не вышли на сухое место. Увидев, что он оглянулся, они отчаянно замахали руками и наперебой закричали снова — понять было трудно.

— Назад! — кричали они, кажется. — Назад-ад!.. Не тронем!.. Пропадете, дураки-и-и!..

Не так просто, подумал Кандид со злорадством. Сами вы дураки, так я вам и поверил. Хватит с меня — верить... Нава уже скрылась за деревьями, и он поспешил за нею.

— Назад идите-е-е!.. Отпусти-и-им!.. — ревел вожак. Не очень-то они выдохлись, если так орут, мельком подумал Кандид и сразу стал думать, что теперь надо отойти подальше, а потом сесть отдохнуть и поискать на себе пиваком и клещей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРЕЦ

Перец явился в приемную директора точно в десять утра. В приемной уже была очередь, человек двадцать. Переца поставили четвертым. Он сел в кресло между Беатрисой Вах, сотрудницей группы Помощи местному населению, и сумрачным сотрудником группы Инженерного проникновения. Сумрачного сотрудника, судя по опознавательному жетону на груди и по надписи на белой картонной маске, следовало называть Брандскугелем. Приемная была окрашена в бледно-розовый цвет, на одной стене висела табличка «Не курить, не сорить, не шуметь», на другой — большая картина, изображающая подвиг лесопроходца Селивана: Селиван с поднятыми руками на глазах у потрясенных товарищей превращался в прыгающее дерево. Розовые шторы на окнах были глухо задернуты, под потолком сияла гигантская люстра. Кроме входной двери, на которой было написано «Выход», в приемной имелась еще одна дверь, огромная, обитая желтой кожей, с надписью «Выхода нет». Эта надпись была выполнена светящимися красками и смотрелась как угрожающее предупреждение. Под надписью стоял стол секретарши с четырьмя разноцветными телефонами и электрической пишущей машинкой. Секретарша, полная пожилая женщина в пенсне, надменно изучала «Учебник атомной физики». Посетители переговаривались сдержанными голосами. Многие явно нервничали и судорожно перелистывали старые иллюстрированные журналы. Все это чрезвычайно напоминало очередь к зубному врачу, и Перец снова ощутил неприятный холодок, дрожь в челюстях и желание немедленно уйти куда-нибудь.

— Они даже не ленивы,— сказала Беатриса Вах, чуть повернув красивую голову в сторону Переца.— Однако они не выносят систематической работы. Как вы, например, объясните ту необыкновенную легкость, с которой они покидают обжитые места?

— Это вы мне? — робко спросил Перец. Он понятия не имел, как объяснить необыкновенную легкость.

— Нет. Я — моншеру Брандскугелю.

Моншер Брандскугель поправил отклеивающийся левый ус и задумчивым голосом промямлил:

— Я не знаю.

— Вот и мы тоже не знаем,— сказала Беатриса горько.— Стоит нашим отрядам появиться вблизи от деревни, как они бросают дома, все имущество и уходят. Создается впечатление, что они в нас совершенно не заинтересованы. Им ничего от нас не нужно. Как вы полагаете, это так и есть?

Некоторое время моншер Брандскугель молчал, словно раздумывая, и глядел на Беатрису странными

крестообразными бойницами своей маски, а потом произнес с прежней интонацией:

— Я не знаю.

— Очень неудачно,— продолжала Беатриса,— что наша группа комплектуется исключительно из женщин. Я понимаю, в этом есть глубокий смысл, но зачастую так не хватает мужской твердости, жестокости, я бы сказала — целенаправленности. К сожалению, женщины склонны разбрасываться, вы, наверное, замечали это.

— Я не знаю,— сказал Брандскугель, и усы у него вдруг отвалились и мягко спланировали на пол. Он подобрал их, внимательно осмотрел, приподняв край маски, и, деловито на них поплевав, посадил на место.

На столе секретарши мелодично звякнул колокольчик. Она отложила учебник, проглядела список, элегантно придерживая пенсне, и объявила:

— Профессор Какаду, вас просят.

Профессор Какаду уронил иллюстрированный журнал, вскочил, опять сел, огляделся, бледнее на глазах, потом, закусив губу, с совершенно искаженным лицом оттолкнулся от кресла и исчез за дверью с надписью «Выхода нет». Несколько секунд в приемной стояла тишина, болезненная тишина. Потом снова загудели голоса и зашелестели страницы.

— Мы никак не можем найти,— сказала Беатриса,— чем их заинтересовать, увлечь; мы строили им удобные сухие жилища на сваях. Они забивают их торфом и заселяют какими-то насекомыми. Мы пытались предложить им вкусную пищу вместо той кислой мерзости, которую они поедают. Бесполезно. Мы пытались одеть их по-человечески. Один умер, двое заболели. Но мы продолжаем свои опыты. Вчера мы разбросали по лесу грузовик зеркала и золоченых пуговиц... Кино им неинтересно, музыка тоже. Бессмертные творения вызывают у них что-то вроде хихикания... Нет, начинать нужно с детей. Я, например, предлагаю отлавливать их детей и организовывать специальные школы. К сожалению, это сопряжено с техническими трудностями, человеческими руками их не возьмешь, здесь понадобятся специальные машины... Впрочем, вы знаете это не хуже меня.

— Я не знаю,— сказал тоскливо моншер Брандскугель.

Снова звякнул колокольчик, и секретарша сказала: — Беатриса, теперь вы. Прошу вас.

Беатриса засуетилась. Она бросилась было к двери, но остановилась, растерянно оглядываясь. Вернулась, заглянула под кресло, шепча: «Где же она? Где?», огромными глазами обвела приемную, дернула себя за волосы, громко закричала: «Где же она?!», а потом вдруг схватила Переца за пиджак и вывалила из кресла на пол. Под Перцем оказалась коричневая папка, Беатриса схватила ее и несколько секунд стояла с закрытыми глазами и безмерно счастливым лицом, прижимая папку к груди, а затем медленно направилась к двери, обитой желтой кожей, и скрылась за ней. При мертвом молчании Перец поднялся и, стараясь ни на кого не глядеть, почистил брюки. Впрочем, на него никто не обращал внимания: все смотрели на желтую дверь.

«Что же я ему скажу? — подумал Перец.— Скажу,

Рисунки Олега ТУРКОВА

что я филолог и не могу быть полезен Управлению, отпустите меня, я уеду и больше никогда не вернусь, честное слово». А зачем же вы приехали сюда? Я всегда очень интересовался лесом, но ведь в лес меня не пускают. И вообще я попал сюда совершенно случайно, ведь я филолог. Филологам, литераторам, философам нечего делать в Управлении. Так что правильно меня не пускают, я это сознаю, я с этим согласен... Не могу я быть ни в Управлении, откуда испражняются на лес, ни в лесу, где отлавливают детей машинами. Мне бы отсюда уехать и заняться чем-нибудь попроще. Я знаю, меня здесь любят, но меня любят, как ребенок любит свои игрушки. Я здесь для забавы, я здесь не могу никого научить тому, что я знаю... Нет, этого, конечно, говорить нельзя. Надо пустить слезу, а где я ее, эту слезу, найду? Но я у него все разнесу, пусть только попробует меня не пустить. Все разнесу и уйду пешком. Перец представил себе, как идет по пыльной дороге под палящим солнцем километр за километром, а чемодан ведет себя все более и более самостоятельно. И с каждым шагом он все дальше и дальше удаляется от леса, от своей мечты, от своей тревоги, которая давно уже стала смыслом его жизни...

Что-то долго никого не вызывают, подумал он. Наверное, директор очень заинтересовался проектом отлова детей. И почему это из кабинета никто не выходит? Вероятно, есть другой выход.

— Извините, пожалуйста,— сказал он, обращаясь к моншеру Брандскугелю,— который час?

Моншер Брандскугель посмотрел на свои ручные часы, подумал и сказал:

— Я не знаю.

Тогда Перец нагнулся к его уху и прошептал:

— Я никому не скажу. Ни-ко-му.

Моншер Брандскугель колебался. Он нерешительно потрогал пальцами пластиковый жетон со своим именем, украдкой огляделся, нервно зевнул, снова огляделся и, надвинув плотнее маску, ответил шепотом:

— Я не знаю.

Затем он встал и поспешно удалился в другой угол приемной.

Секретарша сказала:

— Перец, ваша очередь.

— Как моя? — удивился Перец.— Я же четвертый.

— Внештатный сотрудник Перец,— повысив голос, сказала секретарша,— ваша очередь.

— Рассуждает... — проворчал кто-то.

— Вот таких нам надо гнать... — громко сказали слева.— Раскаленной метлой!

Перец поднялся. Ноги у него были как ватные. Он бессмысленно пошаркал себя ладонями по бокам. Секретарша пристально глядела на него.

— Чует кошка,— сказали в приемной.

— Сколько веревочке ни виться...

— И вот такого мы терпели!

— Извините, но это вы терпели. Я его в первый раз вижу.

— А я, между прочим, тоже не в двадцатый.

— Ти-ше! — сказала секретарша, возвысив голос.— Соблюдайте тишину! И не сорите на пол — сорите вы, там... Да, да, я вам говорю. Итак, сотрудник Перец, вы будете проходить? Или вызвать охрану?

УЛИТКА НА СКЛОНЕ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

вот если бы вам довелось ознакомиться с оригиналом, вы бы поняли идею художника.

— В чем же она заключается?
— Я попытаюсь вам объяснить, — с готовностью предложил директор. — Что вы видите на этой картине? Формально — полчеловека-полудерево. Картина статична. Не виден, не улавливается переход от одной сущности к другой. В картине отсутствует главное — направление времени. А вот если бы вы имели возможность изучить оригинал, вы поняли бы, что художнику удалось вложить в изображение глубочайший символический смысл, что он запечатлел не человеко-дерево и даже не превращение человека в дерево, а именно и только превращение дерева в человека. Художник воспользовался идеей старой легенды для того, чтобы изобразить возникновение новой личности. Новое из старого. Живое из мертвого. Разумное из косной материи. Копия абсолютно статична, и все, изображенное на ней, существует вне потока времени. Оригинал же содержит время-движение! Вектор! Стрелку времени, как сказал бы Эддингтон...

— А где же оригинал? — спросил Перец вежливо. Директор улыбнулся.

— Оригинал, разумеется, уничтожен как предмет искусства, не допускающий двойного толкования. Первая и вторая копии тоже из некоторой предосторожности уничтожены...

Мсье Ахти вернулся к окну и локтем спихнул голубей с подоконника.

— Так. О голубях мы поговорили, — произнес он новым, каким-то казенным голосом. — Ваше имя?

— Что?
— Имя. Ваше имя.
— Пе... Перец.
— Год рождения?
— Тридцатый...
— Точнее!
— Тысяча девятьсот тридцатый. Пятое марта.
— Что вы здесь делаете?
— Внештатный сотрудник. Прикомандирован к группе Научной охраны.

— Я вас спрашиваю: что вы здесь делаете? — сказал директор, обращая к Перцу слепые глаза.

— Я... Не знаю. Я хочу уехать отсюда.
— Ваше мнение о лесе. Кратко.
— Лес — это... Я всегда... Я его... боюсь. И люблю.
— Ваше мнение об Управлении?
— Тут много хороших людей, но...
— Достаточно.

Директор подошел к Перцу, обнял его за плечи и, заглядывая в глаза, сказал:

— Слушай, друг! Брось! Возьмем на троих! Секретаршу позовем, видел бабу? Это же не баба, это же тридцать четыре удовольствия! «Откроем, ребята, заветную квартиру!» — пропел он спертым голосом. — А? Откроем? Брось, не люблю. Понял? Ты как насчет этого?

От него вдруг запахло спиртом и чесночной колбасой, глаза съехались к переносице.

— Инженера позовем, Брандсгугеля, моншера моего, — продолжал он, прижимая Перца к груди. — Он такие истории излагает — никакой закуски не надо... Пошли?

— Собственно, можно, — сказал Перец. — Но я ведь...

— Ну чего там — ты?
— Я, мсье Ахти...

— Брось! Какой я тебе мсье? Камрад — понял? Генацвали!

— Я, камрад Ахти, пришел попросить вас...
— Пр-р-роси! Ничего не пожалею. Деньги надо — на деньги! Не нравится тебе кто — скажи, рассмотрим! Ну?

— Н-нет, я просто хочу уехать. Я никак не могу уехать, я попал сюда случайно, камрад Ахти, и мне здесь больше нечего делать. Разрешите мне уехать. Мне никто не хочет помочь, и я прошу вас как директора...

Ахти отпустил Перца, поправил галстук и сухо улыбнулся.

— Вы ошибаетесь, Перец, — сказал он. — Я не директор. Я референт директора по кадрам. Извините, я несколько задержал вас. Прошу в эту дверь. Директор вас примет.

Он распахнул перед Перцем низенькую дверцу в глубине своего голого кабинета и сделал приглашающий жест рукой. Перец кашлянул, сдержанно кивнул ему и, нагнувшись, пролез в следующее помещение. При этом ему показало, что его слегка ударили по задней части. Впрочем, вероятно, только показалось или, может быть, мсье Ахти несколько поторопился захлопнуть дверь.

Комната, в которую он попал, была точной копией приемной, и даже секретарша здесь была точной копией первой секретарши, но читала она книгу под названием «Сублимация гениальности». В креслах совершенно так же сидели бледные посетители с журналами и газетами. Был тут профессор Какаду, тужко страдающий от нервной почесушки, и Беатриса Вах с коричневой папкой на коленях. Правда, все прочие посетители были неизвестны, а под копией картины «Подвиг лесопроходца Селивана» равномерно вспыхивала и гасла строгая надпись: «Тихо!» Поэтому здесь

никто не разговаривал. Перец осторожно опустился на краешек кресла. Беатриса Вах улыбнулась ему несколько настороженно, но в общем приветливо.

Через минуту нервного молчания звякнул колокольчик, и секретарша, отложив книгу, сказала:

— Преподобный Лука, вас просят.
На преподобного Луку было страшно смотреть, и Перец отвернулся. Ничего, подумал он, закрывая глаза. Выдержу. Он вспомнил, как дождливым осенним вечером в квартиру принесли Эсфирь, которую зарезал в подъезде дома пьяный хулиган, и соседей, повисших на нем, и стеклянные крошки во рту — он разрыз стакан, когда ему принесли воды... Да, подумал он, самое тяжелое позади...

Его внимание привлекли быстрые скребущие звуки. Он открыл глаза и огляделся. Через кресло от него профессор Какаду яростно чесался обеими руками под мышками. Как обезьяна.

— Как вы думаете, нужно отделять мальчиков от девочек? — дрожащим шепотом спросила Беатриса.

— Я не знаю, — желчно сказал Перец.

— Комплексное воспитание имеет, конечно, свои преимущества, — продолжала бормотать Беатриса, — но это же особый случай... Господи! — сказала она вдруг плаксиво. — Неужели он меня прогонит? Куда я тогда пойду? Меня уже отовсюду прогоняли, у меня не осталось ни одной пары приличных туфель. Все чулки поехали, пудра какая-то комками...

Секретарша отложила «Сублимацию гениальности» и строго сказала:

— Не отвлекайтесь.
Беатриса Вах испуганно замерла. Тут низенькая дверь распахнулась, и в приемную просунулся наголо обритый человек.

— Перец, здесь есть такой? — зычно осведомился он.

— Есть, — сказал Перец, вскакивая.

— На выход с вещами! Машина отходит через десять минут, живо!

— Куда машина? Почему?
— Вы Перец?

— Да...
— Вы уехать хотели или нет?

— Я хотел, но...
— Ну, как хотите, — сердито рявкнул бритый человек. — Мое дело сказать.

Он скрылся, и дверца захлопнулась. Перец кинулся следом.

— Назад! — закричала секретарша, и несколько рук схватили его за одежду. Перец отчаянно рванулся, пиджак его затрещал.

— Там же машина! — простонал он.

— Вы с ума сошли! — сказала раздраженная секретарша. — Куда вы ломитесь? Вот же дверь, написано «Выход», а вы куда?

Твердые руки направили Перца к надписи «Выход». За дверью оказался обширный многоугольный зал, в который выходило множество дверей, и Перец заметался, раскрывая их одну за другой.

Яркое солнце, стерильно-белые стены, люди в белых халатах. Голая спина, замазанная йодом. Запах аптеки. Не то.

Тьма, треск кинопроектора. На экране кого-то тянут за уши в разные стороны. Белые пятна недовольно повернутых лиц. Голос: «Дверь! Дверь закройте!»

Опять не то...

Перец, скользая по паркету, пересек зал.

Запах кондитерской. Небольшая очередь с сумками. За стеклянным барьером блестят бутылки с кефиром, цветут торты и пирожные.

— Господа! — крикнул Перец. — Где здесь выход?

— А вам откуда выход? — спросил дебелый продавец в поварском колпаке.

— Отсюда...
— А вот дверь, в которой вы стоите.

— Не слушайте его, — сказал продавцу хилый старик из очереди. — Это здесь есть один такой остряк, только очередь задерживает... Работайте, не обращайтесь внимания.

— Да я не остро, — сказал Перец. — У меня машина сейчас уйдет...

— На какой улице? — спросил продавец. — Улиц много.

— Мне все равно на какую, мне лишь бы выйти наружу!

— Нет, — сказал пронизательный старик. — Это все тот же. Он просто программу переключил. Не обращайтесь на него внимания...

Перец в отчаянии огляделся, выскочил обратно в зал и ткнулся в соседнюю дверь. Дверь была заперта. Недовольный голос осведомился:

— Кто там?

— Мне нужно выйти! — крикнул Перец. — Где здесь выход?

— Подождите, сейчас.

За дверью раздавался какой-то шум, плеск воды, стук задвигаемых ящиков. Голос спросил:

— Что вам нужно?

— Выйти! Выйти мне нужно!

— Сейчас.

Скрипнул ключ, и дверь отворилась. В комнате было темно.

— Проходите, — сказал голос.

— Да, — сказал Перец. — Да, я иду.

Последним, кого он видел в приемной, был моншер Брандсгугель, загордившийся в углу креслом, оскаленный, присевший, с рукой в заднем кармане брюк. А потом он увидел директора.

Директор оказался стройным ладным человеком лет тридцати, в превосходно сидящем дорогом костюме. Он стоял у распахнутого окна и сыпал хлебные крошки голубям, толпившимся на подоконнике. Кабинет был абсолютно пуст, не было ни одного стула, не было даже стола, и только на стене против окна висела уменьшенная копия «Подвига лесопроходца Селивана».

— Внештатный сотрудник Управления Перец? — чистым звонким голосом произнес директор, поворачивая к Перцу свежее лицо спортсмена.

— Да-да... Я... — промямлил Перец.

— Очень, очень приятно. Наконец-то мы с вами познакомимся. Здравствуйте. Моя фамилия Ахти. Много о вас слышан. Будем знакомы.

Перец, наклонившись от робости, пожал протянутую руку. Рука была сухая и крепкая.

— А я вот, видите, голубей кормлю. Любопытная птица. Огромные в ней чувствуются потенции. А как вы, мсье Перец, относитесь к голубям?

Перец замаялся, потому что терпеть не мог голубей. Но лицо директора излучало такое радушие, такой живой интерес, такое нетерпеливое ожидание ответа, что Перец совладал с собою и соврал:

— Очень люблю, мсье Ахти.

— Вы их любите в жареном виде? Или в тушеном? Я, например, люблю в пироге. Пирог с голубями и стакан хорошего полусухого вина — что может быть лучше? Как вы думаете?

И вот на лице мсье Ахти появилось выражение живейшего интереса и нетерпеливого ожидания.

— Изумительно, — сказал Перец. Он решил махнуть на все рукой и со всем соглашаться.

— А «Голубка» Пикассо, — сказал мсье Ахти. — Я сразу же вспоминаю: «Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать, мгновения бегут неудержимо...» Как точно выражена эта идея нашей неспособности уловить и материализовать прекрасное!

— Превосходные стихи, — тупо сказал Перец.

— Когда я впервые увидел «Голубку», я, как и многие, вероятно, подумал, что рисунок неверен или, во всяком случае, неестествен. Но потом по роду службы мне пришлось приглядеться к голубям, и я вдруг осознал, что Пикассо, этот чудодей, схватил то мгновение, когда голубь складывает крылья перед приземлением. Его лапки уже касаются земли, но сам он еще в воздухе, в полете. Мгновение превращения движения в неподвижность, полета в покой.

— У Пикассо есть странные картины, которых я не понимаю, — сказал Перец, проявляя независимость суждений.

— О, вы просто недостаточно долго смотрели на них. Чтобы понимать настоящую живопись, недостаточно два или три раза в год пройти по музею. На картины нужно смотреть часами. Никаких копий... Вот взгляните на эту картину. По вашему лицу я вижу, что вы о ней думаете. И вы правы: это дурная копия. Но

Пахло проявителем. Перец, выставив вперед руки, сделал несколько неуверенных шагов.

— Ничего не вижу,— сказал он.
— Сейчас привыкнете,— пообещал голос.— Ну идите же, что вы встали?

Перца взяли за рукав и повели.
— Распишитесь вот здесь,— сказал голос.
В пальцах Перца оказался карандаш.

— Расписались?
— Нет. А в чем расписываться?
— Да вы не бойтесь, это не смертный приговор. Распишитесь, что вы ничего не видели.

Перец наугад расписался. Его снова цепко взяли за рукав, повели между какими-то портьерами, потом голос спросил:

— Много вас здесь накопилось?
— Четверо,— раздалось как бы из-за двери.
— Очередь построена? Имейте в виду, сейчас я открою дверь и выпущу человека. Проходите по одному, не толкайтесь, и без шуток. Ясно?

— Ясно. Не в первый раз.
— Одежду никто не забыл?
— Не забыли, не забыли. Выпускайте.

Снова раздался скрип ключа, Перец чуть не ослеп от яркого света, и тут его вытолкнули. Еще не раскрыв глаза, он скатился по каким-то ступеням и только тогда понял, что находится во внутреннем дворе Управления. Недовольные голоса закричали:

— Ну что же вы, Перец? Скорее! Сколько можно ждать?

Посредине двора стоял грузовик, набитый сотрудниками группы Научной охраны. Из кабины выглядывал Ким и сердито махал рукой. Перец подбежал к машине, вскарабкался на борт, его рванули, подхватили и свалили на дно кузова. Грузовик сейчас же взревел, дернулся, кто-то наступил Перцу на руку, кто-то с размаху сел на него, все загорланило, засмеялись, и они поехали.

— Перчик, вот твой чемодан,— сказал кто-то.
— Перец, это правда, что вы уезжаете?
— План Перец, сигарету не угодно?

Вся группа Научной охраны была здесь, в кузове. Перец закурил, уселся на чемодан и поднял воротник пиджака. Ему подали плащ, и он, благодарно улыбувшись, завернулся в него. Грузовик мчался все быстрее, и, хотя день был жаркий, встречный ветер казался весьма пронзительным. Перец курил, укрывая сигарету в кулаке, и озирался. Еду, думал он. Еду. В последний раз вижу тебя, стена. В последний раз вижу вас, коттеджи. Прощай, свалка, где-то здесь я оставил галоши. Прощай, лужа, прощайте, шахматы, прощай, кефир. Как славно, как легко! Никогда в жизни больше не буду пить кефира. Никогда в жизни больше не сяду за шахматы...

Сотрудники, сбившись в кузове, держась друг за друга и прячась друг за друга от ветра, разговаривали на отвлеченные темы.

— Это подсчитано, и я сам считал. Если так пойдет дальше, то через сто лет на каждый квадратный метр территории будет приходиться десять сотрудников, а общая масса будет такая, что утес обвалится. Транспортных средств для доставки продовольствия и воды понадобится столько, что придется создавать автоконвейер между Управлением и Материком, машины будут идти со скоростью сорок километров в час и с интервалом в один метр, а разгружаться будут на ходу... Нет, я совершенно уверен, что дирекция уже сейчас думает о регулировании притока новых сотрудников. Ну посудите сами: комендант гостиницы — так же нельзя, семеро и вот-вот восьмой. И все здоровы. Домароцинер считает, что с этим надо что-то делать. Нет, не обязательно стерилизация, как он предполагает...

— Кто бы говорил, но не Домароцинер.
— Поэтому я и говорю, что не обязательно стерилизация...

— Говорят, что годовые отпуска будут увеличены до шести месяцев.

Они миновали парк, и Перец вдруг понял, что грузовик едет не в ту сторону. Сейчас они выедут за ворота и поедут по серпантину, вниз, под утес.

— Слушайте, куда мы едем? — спросил он встревоженно.

— Как — куда? Жалованье получать.
— А разве не на Материк?

— Зачем же на Материк? Кассир приехал на биостанцию.

— Так вы едете на биостанцию? В лес?
— Ну да. Мы же Научная охрана и деньги получаем на биостанции.

— А как же я? — растерянно спросил Перец.
— И ты получишь. Тебе премия полагается... Кстати, все оформлены?

Сотрудники зашевелились, извлекая из карманов и внимательно осматривая разноформатные и разноцветные бумаги с печатями.

— Перец, а вы заполнили анкету?
— Какую анкету?
— То есть позвольте, что значит — какую? Форму номер восемьдесят четыре.

— Я ничего не заполнял,— сказал Перец.
— Милостивые государи! Да что же это? У Перца бумаг нет!

— Ну, это не важно. У него, вероятно, пропуск...
— Нет у меня пропуска,— сказал Перец.— Ничего у меня нет. Только чемодан и вот плащ... Я ведь не в лес собирался, я уехать хотел...

— А медосмотр? А прививки?
Перец помотал головой. Грузовик уже катил по серпантину, и Перец откровенно смотрел на лес, на плоские пористые пласти его у самого горизонта, на его застывшее грозное кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.

— Такие вещи даром не проходят,— сказал кто-то.
— Ну, в конце концов на дороге никаких объектов нет...

— А Домароцинер?
— Ну что ж Домароцинер, раз объектов нет?
— Этого, положим, ты не знаешь. И никто не знает.

А вот в прошлом году Кандид вылетел без документов, отчаянный парень, и где теперь Кандид?
— Во-первых, не в прошлом году, а гораздо раньше. А во-вторых, он просто погиб. На своем посту.

— Да? А ты приказ видел?
— Это верно, не было приказа.
— То есть даже спорить не о чем. Как посадили его в бункер при пропуске пункта, так он там до сих пор сидит. Анкеты заполняет...

— Как же ты это, Перчик, анкеты не заполнил? Может быть, у тебя не все чисто?
— Минуточку, господи! Это вопрос серьезный. Я предлагаю на всякий случай проверить сотрудника Перца, так сказать, в демократическом порядке. Кто у нас будет секретарем?

— Домароцинера секретарем!
— Очень хорошее предложение. Почетным секретарем мы избираем нашего многоуважаемого Домароцинера. По лицам вижу, что единогласно. А кто у нас будет товарищ секретаря?

— Вандербильда товарищем секретаря!
— Вандербильда?.. Ну что же... Есть предложение избрать товарищем секретаря Вандербильда. Еще предложения есть? Кто за? Против? Гм... Двое воздержались. Вы почему воздержались?

— Я?
— Да-да, именно вы.
— Смысла не вижу. Зачем из человека душу вынимать? Ему и так плохо.

— Понятно. А вы?
— Не твое собачье дело.
— Как угодно... Товарищ секретаря, запишите: двое воздержались. Начнем. Кто первый? Нет желающих? Тогда позвольте мне. Сотрудник Перец, ответьте на следующий вопрос. Какие расстояния вы преодолели между двадцатью пятью и тридцатью годами: а — на ногах, бэ — наземным транспортом, цэ — воздушным транспортом? Не торопитесь, подумайте. Вот вам бумага и карандаш.

Перец послушно взял бумагу и карандаш и принялся вспоминать. Грузовик трясло. Сначала все смотрели на него, а потом смотреть надоело, и кто-то забуннил:

— Перенаселения я не боюсь. А вот видели вы, сколько техники стоит? На пустыре за мастерскими — видели? А что это за техника, знаете? Правильно, она в ящиках, заколочена. И времени нет ни у кого ее раскрыть и посмотреть. А знаете, что я там позавчера вечером видел? Остановился я закурить, и вдруг раздаётся какой-то треск. Оборачиваюсь и вижу — стенка одного ящика, огромного, с хорошим дом, выдвигается и распахивается как ворота. И из ящика выползает механизм. Описать я его вам не буду, сами понимаете почему. Но зрелище... Поставил он несколько секунд, выбросил из себя вверх длинную трубу с такой вертушкой на конце, как бы огляделся и снова в ящик заполз и крышкой закрылся. Я себя плохо тогда чувствовал и просто не поверил своим глазам. А сегодня утром думаю: дай все-таки посмотрю. Пришел — и мороз у меня по коже. Ящик в полном порядке, ни одной щели, но стенка эта гвоздями изнутри приколочена! А наружу торчат острия, блестящие, в палец длиной. И вот теперь я думаю: зачем она вылезала? И одна ли она такая? Может быть, они все каждую ночь вот так... осматриваются. И пока там перенаселения, пока что, а они устроят когда-нибудь варфоломеевскую ночь, и полетят наши косточки с обрыва. А может быть, и не косточки даже, а костяная крупа... Что? Нет уж, спасибо, дорогой, инженерникам сам сообщай, если хочешь. Ведь я эту машину видел, а откуда мне теперь знать, можно ее было видеть или нельзя? На ящиках грифа нет...

— Итак, Перец, вы готовы?
— Нет,— сказал Перец.— Ничего не могу вспомнить. Это же давно было.

— Странно. Вот я, например, отлично помню. Шесть тысяч семьсот один километр по железной дороге, семнадцать тысяч сто пятьдесят три километра по воздуху (из них три тысячи двести пятнадцать километров по личным надобностям) и пятнадцать тысяч семь километров пешком. А ведь я старше вас. Странно, странно, Перец... Ну-ну, хорошо. Попробуем следующий пункт. Какие игрушки вы более предпочитали в дошкольном возрасте?

— Заводные танки,— сказал Перец и вытер со лба пот.— И броневики.

— Ага! Помните! А ведь это был дошкольный возраст, времена, так сказать, гораздо более отдален-

ные. Хотя и менее ответственные, правда, Перец? Так. Значит, танки и броневики... Следующий пункт. В каком возрасте вы почувствовали влечение к женщине, в скобках — к мужчине? Вы выражение в скобках обращено, как правило, к женщинам. Можете отвечать.

— Давно,— сказал Перец.— Это было очень давно.
— Точнее!
— А вы? — сказал Перец.— Скажите сначала вы, а потом я.

Председательствующий пожал плечами.
— Мне скрывать нечего. Впервые это случилось в возрасте девяти лет, когда меня мыли вместе с двоюродной сестрой... А теперь прошу вас.

— Не могу,— сказал Перец.— Не желаю я отвечать на такие вопросы.

— Дурак,— прошептали у него над ухом.— Соври что-нибудь с серьезным видом, и все. Что ты мучаешься? Кто там тебя будет проверять?

— Ладно,— покорно сказал Перец.— В возрасте девяти лет. Когда меня купали вместе с собакой Муркой.

— Прекрасно! — воскликнул председательствующий.— А теперь перечислите болезни ног, которыми вы страдали.

— Ревматизм.
— Еще?
— Переменяющаяся хромота,— сказал Перец.

— Очень хорошо. Еще?
— Насморк,— сказал Перец.

— Это не болезнь ног.
— Не знаю. Это у вас может быть не болезнь ног.

А у меня — именно ног. Промочил ноги, и насморк.
— Ну, предположим. А еще?
— Неужели мало?

— Это как вам угодно. Но предупреждаю: чем больше, тем лучше.

— Спонтанная гангрена,— сказал Перец.— С последней ампутацией. Это была последняя болезнь моих ног.

— Теперь, пожалуй, достаточно. Последний вопрос. Ваше мировоззрение, кратко.

— Материалист,— сказал Перец.
— Какой именно материалист?
— Эмоциональный.

— У меня вопросов больше нет. Как у вас, господи? Вопросов больше не было. Сотрудники частью дремали, частью беседовали, повернувшись к председателю спиной. Грузовик шел теперь медленнее. Становилось жарко, тянуло влагой и запахом леса, неприятным и острым запахом, который в обычные дни не достигал Управления. Грузовик катился с выключенным мотором, и слышно было, как издали, из очень далекого далека доносится слабое урчание грома.

— Поражаюсь я, на вас глядя,— говорил товарищ секретаря, тоже повернувшись спиной к председателю. — Нездоровый пессимизм какой-то. Человек по своей натуре оптимист, это во-первых. А во-вторых, и в главных — неужели вы полагаете, что директор меньше вас думает обо всех этих вещах? Смешно даже. В последнем своем выступлении, обращаясь ко мне, директор развернул величественные перспективы. У меня просто дух захватило от восторга, я не стыжусь сознаться. Я всегда буду оптимистом, но эта картина... Если хотеть знать, все будет снесено, все эти склады, коттеджи... Вырастут ослепительной красоты здания из прозрачных и полупрозрачных материалов, стадионы, бассейны, воздушные парки, хрустальные расписанные и закусовые! Лестницы в небо! Стройные гибкие женщины со смуглой упругой кожей! Библиотеки! Мышцы! Лаборатории! Пронизанные солнцем и светом! Свободное расписание! Автомобили, глайдеры, дирижабли... Диспуты, обучение во сне, стереокино... Сотрудники после служебных часов будут сидеть в библиотеках, размышлять, сочинять мелодии, играть на гитарах и других музыкальных инструментах, вырезать по дереву, читать друг другу стихи!..

— А ты что будешь делать?
— Я буду вырезать по дереву.

— А еще что?
— Еще я буду писать стихи. Меня научат писать стихи, у меня хороший почерк.

— А я что буду делать?
— Что захочешь! — великодушно сказал товарищ секретаря.— Вырезать по дереву, писать стихи... Что захочешь.

— Не хочу я вырезать по дереву. Я математик.
— И пожалуйста! И занимайся себе математикой на здоровье!

— Математикой я и сейчас занимаюсь на здоровье.
— Сейчас ты получаешь за это жалованье. Глупо. Будешь прыгать с вышки.

— Зачем?
— Ну как — зачем? Интересно ведь...
— Неинтересно.

— Ты что же хочешь сказать? Что ты ничем, кроме как математикой, не интересуешься?

— Да вообще-то ничем, пожалуй... День проработаешь, до того обалдеешь, что больше ничем уже не интересуешься.

— Ты просто ограниченный человек. Ничего, тебя разовьют. Найдут у тебя какие-нибудь способности, будешь сочинять музыку, вырезать что-нибудь такое...

— Сочинять музыку — не проблема. Вот где найти слушателей...

— Ну, я тебя послушаю с удовольствием... Перец вот...

— Это тебе только кажется. Не будешь ты меня слушать. И стихи ты сочинять не будешь. Повыпиливаешь по дереву, а потом к бабам пойдешь. Или напишешь. Я же тебя знаю. И всех я здесь знаю. Будете слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закуской. Особенно если будет свободное расписание. Я даже подумал боюсь, что же это будет, если дать вам здесь свободное расписание.

— Каждый человек в чем-нибудь да гений, — возразил товарищ секретаря. — Надо только найти в нем это гениальное. Мы даже не подозреваем, а я, может быть, гений кулинарии, а ты, скажем, гений фармацевтики, а занимаемся мы не тем и раскрываем себя мало. Директор сказал, что в будущем этим будут заниматься специалисты, они будут отыскивать наши скрытые потенции...

— Ну, знаешь, потенции — это дело темное. Я-то вообще с тобой не спорю, может быть, действительно в каждом сидит гений, да только что делать, если данная гениальность может найти себе применение либо только в далеком прошлом, либо в далеком будущем, а в настоящем — даже гениальностью не считается, проявил ты ее или нет. Хорошо, конечно, если ты окажешься гением кулинарии. А вот как выяснится, что ты гениальный извозчик, а Перец — гениальный обтесыватель каменных наконечников, а я — гениальный уловитель какого-нибудь икс-поля, о котором никто ничего не знает и узнает только через десять лет... Вот тогда-то, как сказал поэт, и повернулся к нам черное лицо досуга...

— Ребята, — сказал кто-то, — а пожрать-то мы с собой ничего не взяли. Пока приедем, пока деньги выдадут...

— Стоян накормит.

— Стоян тебя накормит, как же. У них там пайковая система.

— Надо же, ведь давала жена бутерброды!..

— Ничего, потерпим, вон уже шлагбаум...

Перец вытянул шею. Впереди желто-зеленой стеной стоял лес, и дорога уходила в него, как нитка уходит в пестрый ковер. Грузовик проехал мимо фанерного плаката: «ВНИМАНИЕ! СНИЗИТЬ СКОРОСТЬ! ПРИГОТОВИТЬ ДОКУМЕНТЫ!». Уже был виден полосатый опущенный шлагбаум, грибок возле него, а правее — колючая проволока, белые шишки изолятора, решетчатые башни с прожекторами. Грузовик остановился. Все стали смотреть на охранника, который, перекрестив ноги, стоя дремал под грибком с карабином под мышкой. На губе у него висела потухшая сигарета, а площадка под грибком была усыпана окурками. Рядом со шлагбаумом торчал шест с притытыми к нему предупреждающими надписями: «ВНИМАНИЕ! ЛЕС!», «ПРЕДЪЯВЛЯЙ ПРОПУСК В РАЗВЕРНУТОМ ВИДЕ», «НЕ ЗАНЕСИ ЗАРАЗУ». Шофер деликатно погудел. Охранник открыл глаза, мутно посмотрел перед собой, потом отделился от грибка и пошел вокруг автомобиля.

— Много что-то вас, — сказал он сипло. — За деньгами?

— Точно так, — заискивающе сказал бывший председательствующий.

— Хорошее дело, доброе, — сказал охранник. Он обошел грузовик, стал на подножку и заглянул в кузов. — Ох, сколько же вас, — сказал он с упреком. — А руки? Руки как, чистые?

— Чистые! — хором сказали сотрудники. Некоторые выставили ладони.

— У всех чистые?

— У всех!

— Ладненько, — сказал охранник и по пояс засунулся в кабину. Из кабины донеслось: — Кто старший? Вы будете старший? Вы будете старший? Сколько везешь?.. Ага... Не врешь? Фамилия как? Ким? Ну, смотрите, Ким, я твою фамилию запишу... Здорово, Вольдемар! Все ездить?.. А я вот все охраняю. Покажи удостоверение, а то бы я тебя... Что же это ты на удостоверении телефоны пишешь? Постой... Это какая же Шарлотка? А-а, помню. Дай-ка я тоже запишу... Ну, спасибо. Езжайте. Можно ехать.

Он соскочил с подножки, подымая сапогами пыль, подошел к шлагбауму и навалился на противовес. Шлагбаум медленно поднялся, развешенные на нем кальсоны съехали в пыль. Грузовик тронулся.

В кузове загомонили, но Перец ничего не слышал. Он въезжал в лес. Лес приближался, надвигался, громоподобно все выше и выше, как океанская волна, и вдруг поглотил его. Не стало больше солнца и неба, пространства и времени, лес занял их место. Было только мелькание сумрачных красок, влажный густой воздух, диковинные запахи, как чад, и терпкий привкус во рту. Только слуха не касался лес: звуки леса заглушались ревом двигателя и болтовней сотрудников. Вот и лес, повторял Перец, вот я и в лесу, бессмысленно повторял он. Не сверху, а внутри, не наблюдатель, а участник. Вот я и в лесу. Что-то прохладное и влажное коснулось его лица, пощекотало, отделилось и медленно опустилось к нему на колени. Он посмотрел: тонкое длинное волокно какого-то растения, а может быть, животное, а может быть,

просто прикосновение леса, дружеское приветствие или подозрительное ощупывание; он не стал трогать этого волокна.

А грузовик мчался по дороге славного наступления, желтое, зеленое, коричневое покорно уносились назад, а вдоль обочин тянулись неубранные и забытые колонны ветеранов наступавшей армии, вздыбленные черные бульдозеры с яростно задранными ржавыми щитами, зарывшиеся по кабину в землю трактора, за которыми змеились распластанные гусеницы, грузовики без колес и без стекол — все мертвое, брошенное навсегда, но по-прежнему бесстрашно глядящее вперед, в глубину леса развороченными радиаторами и разбитыми фарами. А вокруг шевелился лес, трепетал и корчился лес, менял окраску, переливаясь и вспыхивая, обманывая зрение, наплывая и отступая, издевался, пугал и глумился лес, и он весь был необычен, и его нельзя было описать и от него мутило.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРЕЦ

Перец, отворив дверцу вездехода, смотрел в заросли. Он не знал, что он должен увидеть. Что-то похожее на тошнотворный кисель. Что-то необычайное, что нельзя описать. Но самым необычайным, самым невообразимым, самым невозможным в этих зарослях были люди, и поэтому Перец видел только их. Они шли к вездеходу, тонкие и ловкие, уверенные и изящные, они шли легко, не отступаясь, мгновенно и точно выбирая место, куда ступить, и они делали вид, что не замечают леса, что в лесу они как дома, что лес уже принадлежит им, они даже, наверное, не делали вид, они действительно думали так, а лес висел над ними, беззвучно смеясь и указывая мириадами глумливых пальцев, ловко притворяясь и знакомым, и покорным, и простым — совсем своим. Пока. До поры до времени...

— Ох и хороша же эта баба — Рита, — сказал бывший шофер Тузик Перцу. Он стоял рядом с вездеходом, широко раздвинув кривоватые ноги, придерживая ладьями хрюкающий и дрожащий мотоцикл. — Обязательно я бы добрался до нее, да только вот этот Квентин... Внимательный мужчина.

Квентин и Рита подошли совсем близко, и Стоян вылез им навстречу из-за руля.

— Ну как она у вас тут? — спросил Стоян.

— Дышит, — сказал Квентин, внимательно разглядывая Перца. — Что, деньги привезли?

— Это Перец, — сказал Стоян. — Я вам рассказывал.

Рита и Квентин улынулись Перцу. Не было времени рассматривать их, и Перец только мельком подумал, что никогда раньше не видел такой странной женщины, как Рита, и такого глубоко несчастного мужчину, как Квентин.

— Здравствуйте, Перец, — сказал Квентин, продолжая жалко улыбаться. — Приехали посмотреть? Никогда раньше не видели?

— Я и сейчас не вижу, — сказал Перец. Несомненно, эта несчастность и эта странность были неуловимо, но очень жестко связаны между собой.

Рита, повернувшись к ним спиной, закурила.

— Да вы не туда смотрите, — сказал Квентин. — Прямо смотрите, прямо! Неужели не видите?

И тогда Перец увидел и сразу забыл о людях. Это появилось, как скрытое изображение на фотобумаге, как фигурка на детской загадочной картинке «Куда спрятались зайчики?» — и, однажды взглядев это, больше невозможно было потерять из виду. Оно было совсем рядом, оно начиналось в десятке шагов от колес вездехода и от тропинки. Перец судорожно глотнул.

Живой столб поднимался к кронам деревьев, сползая по прозрачным нитям, липким, блестящим, извивающимся и напряженным, сполз, пронизывающий плотную листву и уходящий еще выше, в облака. И он зарождался в клоаке, в жирной клоакообразной клоаке, заполненной протоплазмой, живой, активной, пухнувшей пузырями примитивной плотью, хлопотливо организуемой и тут же разлагающей себя, изливающей продукты разложения на плоские берега, плюющейся клейкой пеной... И сразу же, словно включились невидимые звукофильтры, из хрюканья мотоцикла выделился голос клоаки: клекотание, плеск, всхлипывания, бульканье, протяжные болотные стоны; и надвинулась тяжелая стена запахов: сырого сочащегося мяса, сыворотки, свежей желчи, сыворотки, горячего клейстера — и только тогда Перец заметил, что у Риты и Квентина на груди висят кислородные маски, и увидел, как Стоян, брезгливо кривясь, поднимает к лицу намордник респиратора, но сам он не стал надевать респиратор, он словно надеялся, что хотя бы запахи расскажут ему то, чего не рассказали ни глаза, ни уши...

— Воняет тут у вас, — говорил Тузик с отвращением. — Как в покойничкой...

А Квентин говорил Стояну:

— Ты бы попросил Кима, пусть похлопочет насчет

пайков. У нас все-таки вредный цех. Нам полагается молоко, шоколад...

А Рита задумчиво курила, выпуская дым из тонких, подвигных ноздрей...

Вокруг клоаки, забитливо склоняясь над нею, трепетали деревья, их ветви были повернуты в одну сторону и никли к бурлящей массе, и по ветвям струились и падали в клоаку толстые мохнатые лианы, и клоака принимала их в себя, и протоплазма обглаживала их и превращала в себя, как она могла растворить и сделать свою плотью все, что окружало ее...

— Перчик, — сказал Стоян. — Не выпучивайся так, глаза выскочат.

Перец улыбнулся, но он знал, что улыбка у него получилась фальшивая.

— А зачем ты мотоцикл взял? — спросил Квентин.

— На случай, если застрянем. Они ползут по тропинке, я одним колесом встану на тропинку, а другим — по траве, а мотоцикл будет идти зади. Если завязнем, Тузик сматается на мотоцикле и вызовет тягач.

— Обязательно завязнете, — сказал Квентин.

— Конечно, завязнем, — сказал Тузик. — Глупая это у вас затея, я вам сразу сказал.

— Ты помалкивай, — сказал ему Стоян. — Твое дело маленькое... Скоро выход? — спросил он у Квентина. Квентин посмотрел на часы.

— Так... — сказал он. — Она ценится сейчас каждые восемьдесят семь минут. Значит, осталось... осталось... да ничего не осталось, вон она, уже начала.

Клоака щенилась. На ее плоские берега нетерпеливыми судорожными толчками один за другим стали извергаться обрубки белесого, зыбко вздрагивающего теста, они беспомощно и слепо катились по земле, потом замирали, сплющивались, вытягивали осторожные ложноножки и вдруг начинали двигаться осмысленно — еще суетливо, еще тычась, но уже в одном направлении, все в одном направлении, разбредаясь и сталкиваясь, но все в одном направлении, по одному радиусу от матки, в заросли, прочь, одной текучей белесой колонной, как исполинские мешковатые слизеподобные муравьи...

— Тут же кругом трясина, — говорил Тузик. — Так врюхаемся, что никакой тягач не вытащит — все трюсы лопнут.

— А может, с нами поедешь? — сказал Стоян Квентину.

— Рита устала.

— Ну, Рита пусть домой идет, а мы съездим...

Квентин колебался.

— Ты как, Риточка? — спросил он.

— Да, я пойду домой, — сказала Рита.

— Вот и хорошо, — сказал Квентин. — А мы съездим, посмотрим, ладно? Скоро, наверное, вернемся. Ведь мы ненадолго, Стоян?

Рита бросила окурки и, не прощаясь, пошла по тропинке к биостанции. Квентин потоптался в нерешительности и потом сказал Перцу тихонько:

— Разрешите мне... пробраться...

Он пролез на заднее сиденье, и в этот момент мотоцикл ужасно взревел, вырвался из-под Тузика и, высоко подпрыгивая, бросился прямо в клоаку. «Стоя! — закричал Тузик, приседая. — Куда?» Все замерли. Мотоцикл налетел на кочку, дико заверещал, встал на дыбы и упал в клоаку. Все подалось вперед. Перцу показалось, что протоплазма прогнулась под мотоциклом, словно смягчая удар, легко и беззвучно пропустила его в себя и сомкнулась над ним. Мотоцикл заглох.

— Сволочь неуклюжая, — сказал Стоян Тузику. — Что же ты сделал?

Клоака стала пастью, сосущей, пробующей, наслаждающейся. Она катала в себе мотоцикл, как человек катает языком от щеки к щеке большой леденец. Мотоцикл крутило в пенящейся массе, он исчезал, появлялся вновь, беспомощно ворочая рогами руля, и с каждым появлением его становилось все меньше, металлическая обшивка истончалась, делалась прозрачной, как тонкая бумага, и уже смутно мелькали сквозь нее внутренности двигателя, а потом обшивка расплзлась, шины исчезли, мотоцикл нырнул в последний раз и больше не появился.

— Сглодала, — сказал Тузик с идиотским восторгом.

— Сволочь неуклюжая, — повторил Стоян. — Ты у меня за это заплатишь. Ты у меня всю жизнь за это платить будешь.

— Ну и ладно, — сказал Тузик. — Ну и заплачу. А что я сделал-то? Ну, газ повернул не в ту сторону, — сказал он Перцу. — Вот он и вырвался. Понимаете, пан Перец, я хотел газ сделать поменьше, чтобы не так тархтело, ну и не в ту сторону повернул. Не я первый, не я последний. Да и мотоцикл старый был... Так я пойду, — сказал он Стояну. — Что мне теперь здесь делать? Я домой пойду.

— Ты куда это смотришь? — сказал вдруг Квентин с таким выражением, что Перец невольно отстранился.

— А чего? — сказал Тузик. — Куда хочу, туда и смотрю.

Он смотрел назад, на тропинку, туда, где под плотным изжелта-зеленым навесом ветвей мелькала, удаляясь, оранжевая накидка Риты.

— А ну-ка, пустите меня,— сказал Квентин Перещу.— Я с ним сейчас поговорю.

— Ты куда, ты куда? — забормотал Стоян.— Квентин, ты опомнись...

— Нет, чего там — опомнись, я же давно вижу, чего он добивается!

— Слушай, не будь ребенком... ну прекрати! Ну опомнись!

— Пусты, говорят тебе, пусти руку!..

Они шумно возлились рядом с Перещем, толкая его с двух сторон. Стоян крепко держал Квентина за рукав и за полу куртки. А Квентин, ставший вдруг красным и потным, не сводя глаз с Тузика, одной рукой отпихивал Стояна, а другой рукой изо всей силы сгибая Перещу пополам, старался через него перешагнуть. Он двигался рывками и с каждым рывком все больше вылезал из куртки. Перещ уличил момент и вывалился из вездехода. Тузик все смотрел вслед Рите, рот у него был полуоткрыт, глаза масляные, ласковые.

— И чего это она в брюках ходит,— сказал он Перещу.— Манера теперь у них появилась — в брюках ходить...

— Не защищай его! — заорал в машину Квентин.— Никакой он не половой неврастеник, а просто мерзавец! Пусти, а то я и тебе дам!

— Вот раньше были такие юбки,— сказал Тузик мечтательно.— Кусок материи обернет вокруг себя и застегнет булавкой. А я, значит, возьму и расстегну...

Если бы это было в парке... Если бы это было в гостинице, или в библиотеке, или в актовом зале... Это и бывало — и в парке, и в библиотеке, и даже в актовом зале во время доклада Кима «Что необходимо знать каждому работнику Управления о методах математической статистики». А теперь лес видел это и слышал все это — похотливое салтыце, облившее Тузиковы глаза, багровую физиономию Квентина, молящуюся в дверях вездехода, какую-то тупую, бычью, и мучительное бормотание Стояна, что-то о работе, об ответственности, о глупости, и треск отлетающих пуговиц о ветровое стекло... И неизвестно, что думал обо всем этом, ужасался ли, насмехался ли, или брезгливо морщился.

— ...— сказал Тузик с наслаждением.

И Перещ ударил его. Ударил, кажется, по скуле, с хрустом, и вывихнул себе палец. Все сейчас же замолчали. Тузик взялся за скулу и с большим удивлением посмотрел на Перещу.

— Нельзя так,— сказал Перещ твердо.— Нельзя это здесь. Нельзя.

— Так я не возражаю,— сказал Тузик, пожимая плечами.— Я ведь только к тому, что мне здесь делать больше нечего, мотоцикла-то нет, сами видите... Чо ж мне теперь здесь делать?

Квентин громко осведомился:

— По морде?

— Ну да,— с досадой сказал Тузик.— По скуле попал, по самой косточке... Хорошо, что не в глаз.

— Нет, в самом деле по морде?

— Да,— сказал Перещ твердо.— Потому что здесь так нельзя.

— Тогда поехали,— сказал Квентин, откидываясь на сиденье.

— Туз,— сказал Стоян,— полезай в машину. Если завяжем, будешь помогать вытаскивать.

— У меня брюки новые,— возразил Тузик.— Давай-те я лучше за баранку сяду.

Ему не ответили, и он полез на заднее сиденье и сел рядом с подвинувшимся Квентином. Перещ сел рядом со Стояном, и они поехали.

Щенки ушли довольно далеко, но Стоян, двигаясь с большой аккуратностью правыми колесами по тропинке, а левыми — по пышному мху, догнал их и медленно пополз следом, осторожно регулируя скорость сцеплением. Сцепление срежете, сказал Тузик, а потом обратился к Квентину и принялся ему объяснять, что он вообще-то ничего плохого в виду не имел, что мотоцикла у него все равно уже не было, а мужчина — это мужчина, и если у него все нормально, то он мужчиной и останется, лес там вокруг или еще что-нибудь, это безразлично... Тебе по морде уже дали? — спрашивал Квентин. Нет, ты мне скажи, только не соври, дали тебе уже по морде или нет? — спрашивал он время от времени, прерывая Тузика. Нет, отвечал Тузик, нет, ты подожди, ты меня выслушай сначала...

Перещ гладил свой опухающий палец и смотрел на щенков. На детей леса. А может быть, на слуг леса. А может быть, на экскременты леса... Они медленно и неумолимо двигались колонной один за другим, словно текли по земле, переливаясь через стволы сгнивших деревьев, через рытвины, по лужам стоячей воды, в высокой траве, сквозь колючие кустарники. Тропинка исчезала, ныряла в пахучую грязь, скрывалась под наслоениями твердых серых грибов, с хрустом ломающихся под колесами, и снова появлялась, и щенки держались ее и оставались белыми, чистыми, гладкими, ни одна соринка не прилипла к ним, ни одна колючка не ранила их, и их не пачкала черная липкая грязь. Они лились с тупой бездумной уверенностью, как будто по давно знакомой, привычной дороге. Их было сорок три. Я рвался сюда, и вот я попал сюда, и я, наконец, вижу лес изнутри, и я ничего не вижу. Я мог бы придумать все это, оставаясь в гостинице в своем голом номере с тремя необитаемыми койками,

поздним вечером, когда не спится, когда все тихо и вдруг в полночь начинает бухать баба, забивающая сваи на строительной площадке. Наверное, все, что есть здесь в лесу, я мог бы придумать: и русалок, и бродячие деревья, и этих щенков, как они вдруг превращаются в лесопроходца Селивана.— все самое нелепое, самое святое. И все, что есть в Управлении, я могу придумать и представить себе, я мог бы оставаться у себя дома и придумать все это, лежа на диване рядом с радиоприемником, слушая симфонды и голоса, говорящие на незнакомых языках. Но это ничего не значит. Увидеть и не понять — это все равно что придумать. Я вижу, живу и не понимаю, я живу в мире, который кто-то придумал, не затруднившись объяснить его мне, а может быть, и себе. Тоска по пониманию, вдруг подумал Перещ. Вот чем я болен — тоской по пониманию.

Он высунулся в окно и приложил ноющий палец к холодному борту. Щенки не обращали на вездеход никакого внимания. Наверное, они даже не подозревали, что он существует. От них резко и неприятно пахло, оболочка их теперь казалась прозрачной, под нею волнами двигались словно бы тени.

Давай поймем одного, предложил Квентин. Это ведь совсем просто, закутаем в мою куртку и отвезем в лабораторию. Не стоит, сказал Стоян. А почему? — сказал Квентин, все равно когда-нибудь придется ловить. Страшно как-то, сказал Стоян. Во-первых, не дай бог, он содохнет, придется писать докладную Домароцинеру... Мы их варили, сообщил вдруг Тузик. Мне не понравилось, а ребята говорили, что ничего. На кролика похоже, а я кролика в рот не беру, по мне что кошка, что кролик — один черт. Брезвую... Я заметил одну вещь, сказал Квентин. Число щенков — всегда простое число: тринадцать, сорок три, сорок семь... Ерунда, возразил Стоян. Я встречал в лесу группы по шесть, по двенадцать... Так это в лесу, сказал Квентин, они же потом расходятся в разные стороны группами. А ценится клоака всегда простым числом, можешь проверить по журналу, у меня все выводы записаны... А еще однажды, сказал Тузик, мы с ребятами местную девчонку поймали, вот смеху-то было!.. Ну что ж, пиши статью, сказал Стоян. Уже написал, сказал Квентин. Это у меня будет пятнадцатая... А у меня семнадцать, сказал Стоян, и одна в печати. А кого ты в соавторы взял? Еще не знаю, сказал Квентин. Ким рекомендовал менеджера, говорит, что сейчас транспорт — это главное, а Рита советует комендант... Только не коменданта, сказал Стоян. Почему? — спросил Квентин. Не бери коменданта, повторил Стоян. Я тебе говорить ничего не буду, но имей в виду. Комендант кефир тормозной жидкостью разбавлял, сказал Тузик. Это еще когда он был заведующим парикмахерской. Так мы с ребятами ему в квартиру пригоршню клопов подбросили. Говорят, готовится приказ, сказал Стоян. У кого меньше пятнадцать статей, все пройдут спецпереработку... Да ну, сказал Квентин, дрянное дело, знаю я эти спецпереработки, от них волосы перестают расти и изо рта целый год пахнет...

Домой, думал Перещ. Надо скорее ехать домой. Теперь мне здесь совсем нечего делать. Потом он увидел, как строй щенков нарушился. Перещ сосчитал: тридцать два щенка пошли прямо, а одиннадцать построившись в такую же колонну, свернули налево и вниз, где между деревьями вдруг открылось озеро — неподвижная темная вода, совсем недалеко от вездехода. Перещ увидел низкое туманное небо и смутные очертания скалы Управления на горизонте. Одиннадцать щенков уверенно направлялись к воде. Стоян заглушил двигатель, все вылезли и смотрели, как щенки переливаются через кривую корягу на самом берегу и один за другим тяжело плюхаются в озеро. По темной воде пошли маслянистые круги.

— Тонут,— сказал Квентин с удивлением.— Топятся.

Стоян достал карту и расстелил ее на капоте.

— Так и есть,— сказал он.— Не отмечено у нас это озеро. Деревня здесь отмечена, а не озеро... Вот написано: «дерев. абориг. семнадцать дробь одиннадцать».

— Так это всегда так,— сказал Тузик.— Кто же в этом лесу по карте ходит? Во-первых, карты все рваные, а во-вторых, и не нужны они тут. Тут ведь сегодня, скажем, дорога, а завтра река, сегодня болото, а завтра колючую проволоку нацепят и вышку поставят. Или вдруг обнаружится склад.

— Неохота мне что-то дальше ехать,— сказал Стоян, потягиваясь.— Может, хватит на сегодня?

— Конечно, хватит,— сказал Квентин.— Перещу еще жалованье получить надо. Пошли в машину.

— Бинокль бы,— сказал вдруг Тузик, жадно всматриваясь из-под ладони в озеро.— Баба там, по-моему, купается.

Квентин остановился.

— Где?

— Голая,— сказал Тузик.— Ей-богу, голая. Совсем без ничего.

Квентин вдруг побелел и опрометью бросился в машину.

— Да где ты видишь? — спросил Стоян.

— А вон, на том берегу...

— Ничего там нет,— сказал Квентин хрипло. Он стоял на подножке и обшаривал в бинокль противопо-

ложный берег. Руки его тряслись.— Брехун проклятый... Опять по морде захотел... Нет там ничего! — повторил он, передавая бинокль Стояну.

— Ну как это нет,— сказал Тузик.— Я вам не очкарик какой-нибудь, у меня глаз — ватерпас...

— Подожди, подожди, не рви,— сказал ему Стоян.— Что за привычка — рвать из рук...

— Ничего там нет,— бормотал Квентин.— Вранье все это. Мало ли кто что болтает...

— Это я знаю — что,— сказал Тузик.— Это русалка. Точно вам говорю.

Перещ встрепенулся.

— Дайте мне бинокль,— сказал он быстро.

— Ничего не видеть,— сказал Стоян, протягивая ему бинокль.

— Нашли кому верить,— бормотал Квентин, постепенно успокаиваясь.

— Ей-богу, была,— сказал Тузик.— Должно быть, нырнула. Сейчас вынырнет...

Перещ настроил бинокль по глазам. Он ничего не ожидал увидеть: это было бы слишком просто. И он ничего не увидел. Озерная гладь, далекий заросший лесом берег, да силуэт скалы над зубчатой кромкой деревьев.

— А какая она была? — спросил он.

Тузик стал подробно, показывая руками, описывать, какая она была. Он рассказывал очень аппетитно и с большим азартом, но это было совсем не то, что хотел Перещ.

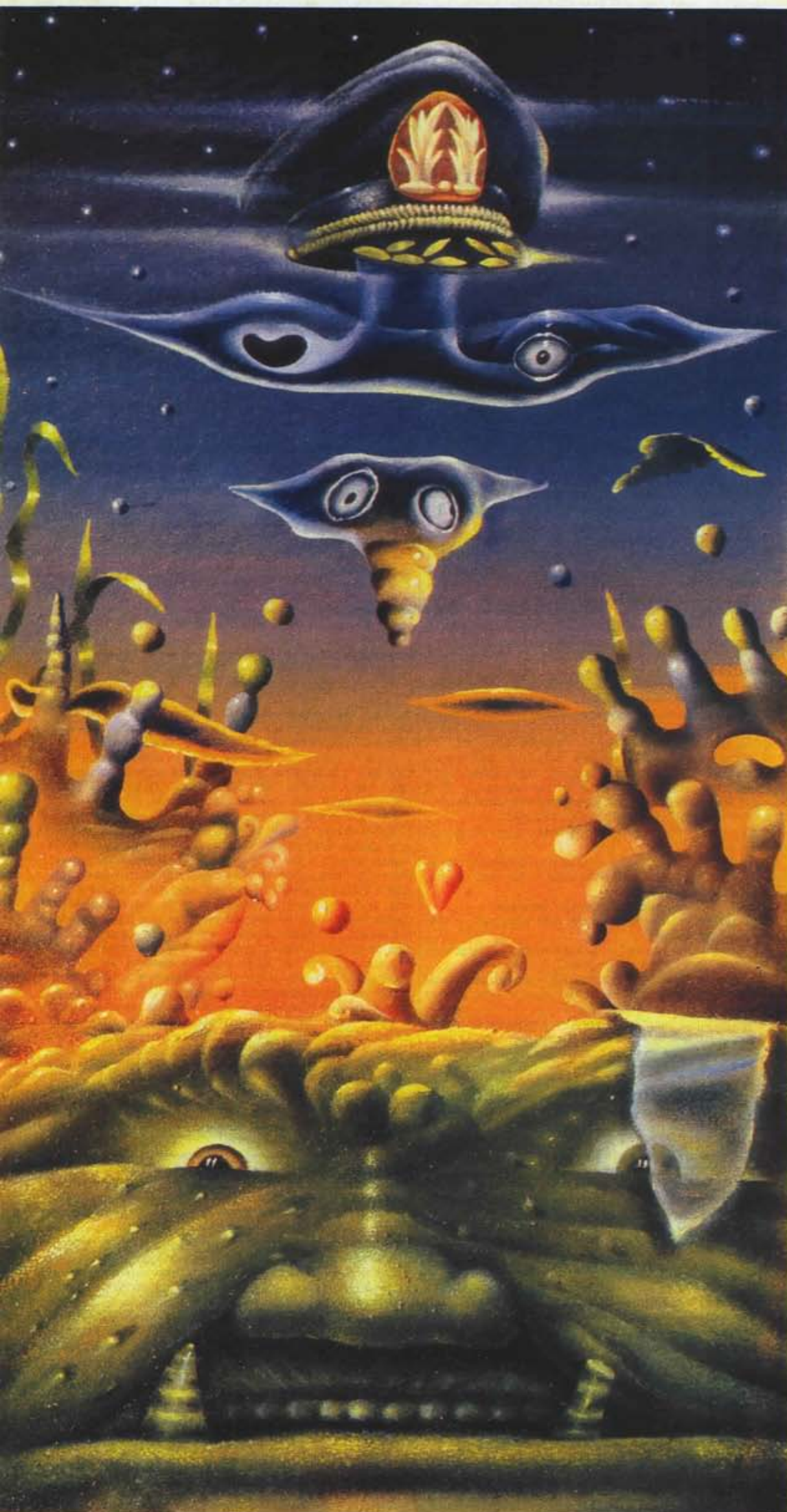
— Да, конечно... — сказал он.— Да... Да.

Может быть, она вышла встречать щенков, думал он, трясаясь на заднем сиденье рядом с помрачневшим Квентином, глядя, как мерно двигаются Тузиковы уши — Тузик что-то жевал. Она вышла из лесной чащи, белая, холодная, уверенная, и ступила в воду, в знакомую воду, вошла в озеро, как я вхожу в библиотеку, погрузилась в зыбкие зеленые сумерки и поплыла навстречу щенкам, и сейчас же встретила их на середине озера, на дне, и повела их куда-то, зачем-то, для кого-то, и завяжется еще один узел событий в лесу, и может быть, за много миль отсюда произойдет или начнет происходить еще что-то: закипят между деревьев клубы лилового тумана, который совсем не туман, или заработает на мирной полянке еще одна клоака, или пестрые аборигены, которые только что тихо сидели и смотрели учебные фильмы, и терпеливо слушали объяснения осипшей от усердия Беатрисы Вах, вдруг встанут и уйдут в лес, чтобы никогда больше не вернуться... И все будет полно глубокого смысла, как полно смысла каждое движение сложного механизма, и все будет странно и, следовательно, бессмысленно для нас, во всяком случае, для тех из нас, кто еще никак не может привыкнуть к бессмыслице и принять ее за норму. И он ощутил значительность каждого события, каждого явления вокруг: и то, что щенков в выводке не могло быть сорок два или сорок пять, и то, что ствол вот этого дерева «порос именно красным мохом, и то, что над тропинкой не видно неба из-за нависших ветвей.

Вездеход трясло, Стоян ехал очень медленно, и Перещ еще издали через ветровое стекло увидел впереди покосившийся столб с доской, на которой было что-то написано. Надпись была размыта дождями и выцвела, это была очень старая надпись на очень старой грязно-серой доске, прибитой к столбу двумя огромными ржавыми гвоздями: «Здесь два года назад трагически утонул рядовой лесопроходец Густав. Здесь ему будет поставлен памятник». Вездеход, переваливаясь с боку на бок, миновал столб.

Что же это ты, Густав, подумал Перещ. Как это тебя угораздило тут утонуть. Здоровый ты, наверное, был парень.— Густав, была у тебя обритая голова, квадратная волосатая челюсть, золотой зуб, и татуировкой ты был покрыт с ног до головы, и руки у тебя свисали ниже колен, а на правой руке не хватало пальца, откушенного в пьяной драке. И лесопроходцем тебя послало, конечно, не сердце твое, просто так уж сложилось твои обстоятельства, что отсиживал ты на утесе, где сейчас Управление, положенный тебе срок и бежать тебе было некуда, кроме как в лес. И статей ты в лесу не писал, и даже о них не думал, а думал ты о других статьях, что были написаны до тебя и против тебя. И строил ты здесь стратегическую дорогу, клал бетонные плиты и далеко по сторонам вырубал лес, чтобы могли при необходимости приземляться на эту дорогу восьмимоторные бомбовозы. Да разве лес это вытерпит? Вот и утопил он тебя на сухом месте. Но зато через десять лет тебе поставят памятник и, может быть, назовут твоим именем какое-нибудь кафе. Кафе будет называться «У Густава», и шофер Тузик будет пить там кефир и гладить растрепанных девчонок из местной капеллы...

У Тузика, кажется, две судимости, и почему-то совсем не за то, за что следовало бы. Первый раз он попал в лагерь за кражу почтовых наборов соответствующего предприятия, а второй раз — за нарушение паспортного режима. А вот Стоян чист. Он не пьет ни кефира, ничего. Он нежно и чисто любит Алевтину, которую никто никогда не любил нежно и чисто. Когда выйдет из печати его двадцатая статья, он предложит Алевтине руку и сердце и будет отвергнут, несмотря на свои статьи, несмотря на свои широкие плечи и красивый римский нос, потому что Алевтина не терпит

чистоплюев, подозревая в них (не без основания) до непонятности утонченных развратников. Стоян живет в лесу, куда, не в пример Густаву, приехал добровольно, и никогда ни на что не жалуется, хотя лес для него — это всего лишь громадная свалка нетронутых материалов для статей, гарантирующих его от спецработки... Можно без конца удивляться, что находятся люди, способные привыкнуть к лесу, а таких людей подавляющее большинство. Сначала лес влечет их, как место романтическое, или как место доходное, или как место, где многое позволено, или как место, где можно укрыться. Потом он немного пугает их, а потом они вдруг открывают для себя, что «здесь такой же бардак, как в любом другом месте», и это примиряет их с необыкновенностью леса, но никто из них не намерен доживать здесь до старости... Вот Квентин, по слухам, живет здесь только потому, что боится оставить без присмотра свою Риту, а Рита ни за что не хочет уезжать отсюда и никогда никому не говорит — почему... Вот я и до Риты дошел... Рита может уйти в лес и не возвращаться неделями, Рита купается в лесных озерах. Рита нарушает все распорядки, и никто не смеет делать ей замечания. Рита не пишет статей, Рита вообще ничего не пишет, даже писем. Очень хорошо известно, что Квентин по ночам плачет и ходит спать к буфетчице, когда буфетчица не занята с кем-нибудь другим... На биостанции все известно... Боже мой, по вечерам они зажигают свет в клубе, они включают радиолу, они пьют кефир, они пьют безумно много кефира и ночью, при луне бросают бутылки в озера — кто дальше. Они танцуют, они играют в фанты и в бутылочку, в карты и в миллиард, они меняются женщинами, а днем в своих лабораториях они переливают лес из пробирки в пробирку, рассматривают лес под микроскопом, считают лес на арифмометрах, а лес стоит вокруг, висит над ними, прорастает сквозь их спальни, в душные предгрозовые часы приходит к их окнам толпами бродячих деревьев и тоже, возможно, не может понять, что они такое, и зачем они здесь, и зачем они вообще...

Хорошо, что я отсюда уезжаю, подумал он. Я здесь побыл, я ничего не понял, я ничего не нашел из того, что хотел найти, но теперь я знаю, что никогда ничего не пойму и что никогда ничего не найду, что всему свое время. Между мной и лесом нет ничего общего, лес не ближе мне, чем Управление. Но я, во всяком случае, не буду здесь срамиться. Я уеду, буду работать и буду ждать. И буду надеяться, что наступит время...

На дворе биостанции было пусто. Не было грузовика, и не было очереди у окошечка кассы. Только на крыльце, загораживая дорогу, стоял чемодан Переца, а на перилах веранды висел его серый плащ. Перец выбрался из вездехода и растерянно огляделся. Тузик под руку с Квентином уже шел к столовой, откуда доносился звон посуды и несло чадом. Стоял сказал: «Пошли ужинать, Перчик» — и погнал машину в гараж. Перец вдруг с ужасом понял, что все это означает: завывающая радиоло, бессмысленная болтовня, кефир, и еще может быть по стаканчику? И так каждый вечер, много-много вечеров...

Стукнуло окошечко кассы, высунулся сердитый кассир и закричал:

— Что же вы, Перец? Долго мне вас ждать? Идите же сюда, распишитесь.

Перец на гнущихся ногах приблизился к окошечку. — Вот здесь — сумму прописью, — сказал кассир. — Да не здесь, а здесь. Что это у вас руки трясутся? Послушайте...

Он стал отсчитывать бумажки.

— А где же остальные? — спросил Перец.

— Не торопитесь... Остальные здесь, в конверте.

— Нет, я имею в виду...

— Это никого не касается, что вы имеете в виду. Я из-за вас не могу менять установленный порядок. Вот ваше жалованье. Получили?

— Я хотел узнать...

— Я вас спрашиваю, вы получили жалованье? Да или нет?

— Да.

— Слава богу. А теперь получите премию. Получили премию?

— Да.

— Все. Разрешите пожать вашу руку, я тороплюсь. Мне нужно быть в Управлении до семи.

— Я хотел только спросить, — торопливо сказал Перец, — где все остальные люди... Ким, грузовик... Ведь меня обещали отвезти... на Материк...

— На Материк не могу, я должен быть в Управлении. Позвольте, я закрою окошко.

— Я не займу много места, — сказал Перец.

— Это неважно. Вы взрослый человек, вы должны понимать. Я — кассир. При мне ведомости. А если с ними что-нибудь случится? Уберите локоть.

Перец убрал локоть, и окошечко захлопнулось. Сквозь мутное, захватанное стекло Перец смотрел, как кассир собирает ведомости, комкает их как попало, втискивает в портфель, потом в кассе открылась дверь, вошли два огромных охранника, связали кассира руки, накинута на шею петлю, и один повел кассира на веревке, а другой взял портфель, осмотрел комнату и вдруг заметил Переца. Некоторое время они глядели друг на друга сквозь грязное стекло, затем

охранник очень медленно и осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, поставил портфель на стул и все так же медленно и осторожно, не сводя глаз с Переца, потянулся к прислоненной к стене винтовке. Перец ждал, холодея и не веря, а охранник схватил винтовку, попытался и вышел, затворив за собой дверь. Свет погас.

Тогда Перец отпрянул от окошечка, на цыпочках пробежал к своему чемодану, схватил его и кинулся прочь, куда-нибудь подальше от этого места. Он укрылся за гаражом и видел, как охранник вышел на крыльцо, держа винтовку наперевес, поглядел налево, направо, под ноги, взял с перил плащ Переца, взвесил его на руке, обшарил карманы и, еще раз оглядевшись, ушел в дом. Перец сел на чемодан.

Было прохладно, смеркалось. Перец сидел, бесмысленно глядя на освещенные окна, замазанные до половины мелом. За окнами двигались тени, бесшумно крутилась решетчатая лопасть локатора на крыше. Брякала посуда, в лесу кричали ночные животные. Потом где-то вспыхнул прожектор, повел голубым лучом, и в этот луч из-за угла дома вкатился самосвал, громыхнул, подпрыгнув на колдобине, и, прожегаемый лучом, поехал к воротам. В ковше самосвала сидел охранник с винтовкой. Он закуривал, закрывшись от ветра, и видна была толстая ворсистая веревка, обмотанная вокруг его левого запястья и уходящая в приоткрытое окно кабины.

Самосвал ушел, и прожектор погас. Через дверь, шаркая огромными башмаками, мрачной тенью прошел второй охранник с винтовкой под мышкой. Время от времени он нагибался и ощупывал землю — видимо, искал следы. Перец прижался взмокнув спиной к стене и, замерев, проводил его глазами.

В лесу кричали, страшно и протяжно. Где-то хлопала дверь. Вспыхнул свет на втором этаже, кто-то громко сказал: «Ну и духота здесь у тебя». Что-то упало в траву, округлое и блестящее, и подкатилось к ногам Переца. Перец снова замер, но потом понял, что это бутылка из-под кефира. Пешком, думал Перец, надо пешком. Двадцать километров через лес. Плохо, что через лес. Теперь лес увидит жалкого, дрожащего человека, потного от страха и от усталости, погибающего под чемоданом и почему-то не бросающего этот чемодан. Я буду тащиться, а лес будет гукать и орать на меня с двух сторон...

Во дворе снова появился охранник. Он был не один, рядом с ним шел еще кто-то, тяжело дыша и отфыркиваясь, огромный, на четвереньках. Они остановились посреди двора, и Перец услышал, как охранник бормочет: «На вот, на... Да ты не жри, дура, ты нюхай... Это же тебе не колбаса, это плащ, его нюхать надо... Ну? Шерше, говорят тебе...» Тот, что был на четвереньках, скулил и взвизгивал. «Э! — сказал охранник с досадой. — Тебе только блох искать... Пшла!» Они растворились в темноте. Застучали каблучки на крыльце, хлопнула дверь. Потом что-то холодное и мокрое ткнулось Перцу в щеку. Он вздрогнул и чуть не упал. Это был огромный волкодав. Он едва слышно взвизгнул, тяжело вздохнул и положил тяжелую голову Перцу на колени. Перец поглядел его за ухом. Волкодав зевнул и завозился было, устраиваясь, но тут на втором этаже грянула радиоло. Волкодав молча шархнулся и ускорил прочь.

Радиоло неистовствовала, на много километров вокруг не осталось ничего, кроме радиоло. И тогда, словно в приключенческом фильме, вдруг бесшумно озарились голубым светом и распахнулись ворота, и во двор, как огромный корабль, вплыл гигантский грузовик, весь расцвеченный созвездиями сигнальных огней, остановился и притушил фары, которые медленно погасли, словно испустило дух лесное чудовище. Из кабины высунулся шофер Вольдемар и стал, широко разевая рот, что-то кричать, и кричал долго, надсаживаясь, свирепея на глазах, а потом плюнул, нырнул обратно в кабину, снова высунулся и написал на дверце мелом вверх ногами: «Перец!!!» Тогда Перец понял, что машина пришла за ним, подхватил чемодан и побежал через двор, боясь оглянуться, боясь услышать за спиной выстрелы. Он с трудом вскарабкался по двум лестницам в кабину, просторную, как комната, и пока он пристраивал чемодан, пока усаживался и искал сигарету, Вольдемар все что-то говорил, багровея, надсаживаясь, жестикулируя и толкая Переца ладонью в плечо, но только когда радиоло вдруг замолчала, Перец наконец услышал его голос: ничего особенного Вольдемар не говорил, он просто ругался черными словами.

Грузовик еще не успел выехать за ворота, как Перец заснул, словно к его лицу прижали маску с эфиром.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАНДИД

Деревня была очень странная. Когда они вышли из леса и увидели ее внизу, в котловане, их поразила тишина. Тишина была такая, что они даже не обрадовались. Деревня была треугольная — обширная глиняная проплешина без единого куста, без единой травин-

ки, словно выжженная, а потом вытоптанная, совсем темная, отгороженная от неба сросшимися кронами могучих деревьев.

— Не нравится мне эта деревня, — заявила Нава. — Здесь, наверное, еды не допросишься. Какая здесь может быть еда, если у них и поля даже нет, одна голая глина. Наверное, это охотники, они всяких животных ловят и едят, тошнит даже, как подумаешь...

— А может быть, это мы в чудакову деревню попали? — спросил Кандид. — Может быть, это Глиняная поляна?

— Какая же это чудакова деревня? Чудакова деревня — деревня как деревня, как наша деревня, только в ней чудачки живут... А здесь смотри какая тишь, и людей не видно, и ребятшек, хотя ребятшки, может быть, уже спать легли... И почему это тут людей не видно, Молчун? Давай мы в эту деревню не пойдем, очень она мне не нравится...

Солнце садилось, и деревня внизу погружалась в сумерки. Она казалась очень пустой, но не запущенной, не заброшенной и не покинутой, а именно пустой, ненастоящей, словно это была не деревня, а декорация. Да, подумал Кандид, наверное, нам не стоит туда идти, только ноги вот болят, и очень хочется под крышу. И поесть чего-нибудь. И ночь наступает... Надо же, целый день блуждали по лесу, даже Нава устала, висит на руке и не отпускает.

— Ладно, — сказал он нерешительно. — Давай не пойдем.

— Не пойдем, не пойдем, — сказала Нава. — А когда мне есть хочется? Сколько же можно не есть? Я с утра ничего не ела... И воров твои эти... От них знаешь какой аппетит? Нет, мы давай с тобой спустимся, поедим, а если нам там не понравится, тогда сразу уйдем. Ночь сегодня теплая будет, без дождя... Пойдем, что ты стоишь?

Сразу же на окраине их окликнули. Рядом с первым домиком, прямо на серой земле сидел серый, почти совсем не одетый человек. Его было плохо видно в сумерках, он почти сливался с землей, и Кандид различил только его силуэт на фоне белесой стены.

— Вы куда? — спросил человек слабым голосом.

— Нам нужно переночевать, — сказал Кандид. — А утром нам нужно на Выселки. Мы дорогу потеряли. Убежали от воров и дорогу потеряли.

— Это вы, значит, сами пришли? — сказал человек вяло. — Это вы молодцы, хорошо сделали... Вы заходите, заходите, а то работы много, а людей что-то совсем мало осталось... А работать нужно... очень нужно. Работать... очень...

— Ты нас не покормишь? — спросил Кандид.

— У нас сейчас... — человек произнес несколько слов, которые показались Кандиду знакомыми, хотя он знал, что никогда раньше их не слышал. — Это хорошо, что мальчик пришел, потому что мальчик... — И он опять заговорил непонятно, странно.

Нава потянула Кандида, но Кандид с досадой выдернул руку.

— Я тебя не понимаю, — сказал он человеку, стараясь хоть рассмотреть его получше. — Ты мне скажи, еда у тебя найдется?

— Вот если бы трое... — сказал человек.

Нава потащила Кандида прочь изо всех сил, и они отошли в сторону.

— Большой он, что ли? — сказал Кандид сердито. — Ты поняла, что он там бормочет?

— Что ты с ним разговариваешь? — шепотом сказала Нава. — У него же нет лица! Как с ним можно говорить, когда у него нет лица?

— Почему нет лица? — удивился Кандид и оглянулся. Человека видно не было: то ли он ушел, то ли растворился в сумерках.

— А так, — сказала Нава. — Глаза есть, рот есть, а лица нету... — Она вдруг прижалась к нему. — Он как мертвяк, — сказала она. — Только он не мертвяк, от него пахнет, но весь он как мертвяк... Пойдем в какой-нибудь другой дом, только еды мы здесь не достанем, ты не надейся.

Она потащила его к следующему дому, и они заглянули внутрь. Все в этом доме было непривычное, не было постелей, не было запахов жилья, внутри было пусто, темно, неприятно. Нава понохала воздух.

— Здесь вообще никогда не было еды, — сказала она с отвращением. — В какую-то ты меня глупую деревню привел, Молчун. Что мы здесь будем делать? Я таких деревень никогда в жизни не видела. И дети тут не кричат, и на улице никого нет.

Они пошли дальше. Под ногами была прохладная тонкая пыль, они не слышали даже собственных шагов, и в лесу не ухало и не булькало, как обычно по вечерам.

— Странно он как-то говорил, — сказал Кандид. — Я вот сейчас вспоминаю, и словно я слышал уже когда-то такую речь. А когда, где — не помню...

— И я тоже не помню, — сказала Нава, помолчав. — А ведь верно, Молчун, я тоже слыхала такие слова, может быть, во сне, а может быть, и в нашей деревне, не в той, где мы сейчас с тобой живем, а в другой, где я родилась, только тогда это должно быть очень давно, потому что я была еще очень маленькая, с тех пор все позабыла, а сейчас как будто бы и вспомнила, но никак не могу вспомнить по-настоящему.

В следующем доме они увидели человека, который

лежал прямо на полу у порога и спал. Кандид нагнулся над ним, потряс его за плечо, но человек не проснулся. Кожа у него была влажная и холодная, как у амфибии, он был жирный, мягкий, и мускулов у него почти не осталось, а губы его в полутьме казались черными и масляно блестящими.

— Спит, — сказал Кандид, поворачиваясь к Нава.

— Как же спит, — сказала Нава, — когда он спит?

Кандид снова нагнулся над человеком, и ему показалось, что тот действительно смотрит, чуть-чуть приоткрыв веки. Но только показалось.

— Да нет, спит он, — сказал Кандид. — Пойдем.

Против обыкновения Нава промолчала.

Они дошли до середины деревни, заглядывая в каждый дом, и в каждом доме они видели спящих. Все спящие были жирные потные мужчины, не было ни одной женщины, ни одного ребенка. Нава совсем замолчала, и Кандиду тоже было не по себе. У спящих расклатисто бурчало в животах, они не просыпались, но почти каждый раз, когда Кандид оглядывался на них, выходя на улицу, ему казалось, что они провожают его короткими осторожными взглядами. Совсем стемнело, в просветы между ветвями проглядывало пепельное от луны небо, и Кандид снова подумал, что все это жутко похоже на декорации в хорошем театре. Но он почувствовал, что устал до последней степени, до полного безразличия. Ему хотелось сейчас только одного: прилечь где-нибудь под крышей (чтобы не свалилась на сонного сверху какая-нибудь ночная гадость), пусть прямо на жестком утоптанном полу, но лучше все-таки в пустом доме, а не с этими подозрительными спящими. Нава совсем повисла на руке.

— Ты не бойся, — сказал Кандид. — Бояться здесь совершенно нечего.

— Что ты говоришь? — спросила она сонно.

— Я говорю, не бойся, они же тут все полумертвые, я их одной рукой раскидаю.

— Никого я не боюсь, — сказала Нава сердито. — Я устала и хочу спать, раз уж ты есть не даешь. А ты все ходишь и ходишь, из дома в дом, из дома в дом, надоело даже, ведь во всех домах все одинаково, все люди лежат, отдыхают, и только мы с тобой бродим...

Тогда Кандид решил и зашел в первый же попавшийся дом. Там было абсолютно темно. Кандид прислушался, пытаясь понять, есть здесь кто-нибудь или нет, но услышал только сопение Навы, уткнувшейся лбом ему в бок. Он ощупью нашел стену, пошарил руками, сухо ли на полу, и лег, положив голову Навы себе на живот. Нава уже спала. Не пожалеть бы, подумал он, нехорошо здесь... ну, всего одну ночь... и дорогу спросить... днем-то они не спят... в крайнем случае — на болото, вору ушли... а если и не ушли... как там ребята на Выселках? Неужели опять послезавтра? Нет уж, завтра... завтра...

Он проснулся от света и подумал, что это луна. В доме было темно, лиловый свет падал в окно и в дверь. Ему стало интересно, как это свет луны может падать сразу и в окно, и в дверь напротив, но потом он догадался, что он в лесу, и настоящей луны здесь быть не может, и тут же забыл об этом, потому что в полосе света, падающего из окна, появился силуэт человека. Человек стоял здесь, в доме, спиной к Кандиду, и глядел в окно, и по силуэту видно было, что он стоит, заложив руки за спину и наклонив голову, как никогда не стоят лесные жители, им просто незачем так стоять, и как любил стоять у окна лаборанты во время дождей и туманов, когда нельзя было работать, Карл Этинггоф, и он отчетливо понял, что это и есть Карл Этинггоф, который когда-то отлучился с биостанции в лес, да так больше и не вернулся и был отдан в приказе как без вести пропавший. Он задохнулся от волнения и крикнул: «Карл!» Карл медленно повернулся, лиловый свет прошел по его лицу, и Кандид увидел, что это не Карл, а какой-то незнакомый местный человек, он неслышно подошел к Кандиду и нагнулся над ним, не размыкая рук за спиной, и лицо его стало видно совершенно отчетливо, изможденное безбородое лицо, решительно ничем не напоминаящее лицо Карла. Он не произнес ни слова и, кажется, даже не увидел Кандида, выпрямился и пошел к двери, по-прежнему сутулаясь, и когда он перешагивал через порог, Кандид понял, что это все-таки Карл, вскочил и выбежал за ним следом.

За дверью он остановился и оглядел улицу, стараясь унять болезненную нервную дрожь, охватившую вдруг его. Было очень светло, потому что низко над деревней висело лиловое светящееся небо, все дома выглядели совсем уже плоскими и совсем не настоящими, а наискосок на другой стороне улицы возвышалось длинное диковинное строение, каких в лесу не бывает, и возле него двигались люди. Человек, похожий на Карла, шел один к этому строению, приблизился к толпе и смешался с нею, исчез в ней, как будто его никогда и не было. Он тоже хотел подойти к строению, но почувствовал, что ноги у него ватные и он совсем не может идти. Он удивился, как это он еще может стоять на таких ногах; боясь упасть, он хотел ухватиться за что-нибудь, но ухватиться было не за что, его окружала пустота.

Продолжение следует.

"ПИСАТЬ ВСЁ-ТАКИ НАДО!"

Окончание. Начало на 4-й стр.

«Якутзолото» работает инженер-геолог, коммунист, якут Лебедин. Он мешал вредительской установке на консервацию рудника Лебединского и всячески старался форсировать рудную разведку. Каганович предложил вызвать Лебединку в Москву: «Его место в Главке, в «Золоторазведке».

Из «Якутзолото» пришел ответ на мою телеграмму: «Лебедин арестован». Я доложил Кагановичу, заикнулся:

— Может быть, это ошибка? Запросим Ежова.

— Нет. НКВД знает, что делает. Наверно, Лебедин — якутский националист, — ответил Каганович.

В эти же дни от Сталина прислали мне материалы НКВД с показаниями «вредителей» на приисках Урала. Сталин лично написал: «Тов. Мильчакову — для сведения. И. Сталин».

В показаниях директора «Миассзолото» Чухриты (кстати сказать, бывшего заместителя наркомпрома РСФСР, председателя краевого исполкома в Архангельске) написано, что они хотели взорвать электростанцию, затопить шахты, вызвать голод на приисках — целое «сочинение», могущее вызвать недоумение.

И подобными «романами» взвизгивали себя руководители огромной страны, первого в мире социалистического государства!

От наркома (Кагановича, он тогда был в трех лицах — секретарь ЦК, нарком путей сообщения и наркомтяжпром) пришла пачка представлений на арест десятков работников дальневосточных приисков с предложением дать санкции на «изъятия» названных людей.

Целый день лежали бумаги на моем столе. Мысль все время возвращалась к этим документам: «Приложить руку к арестам? Не могу». Вечером пошел к первому заместителю наркома А. П. Завенягину.

— Не могу я давать санкции на аресты! Да и как я их, вообще говоря, мог бы дать, коли людей этих я не знаю. А если бы и знал, так я же их не выслушал, объяснений от них не брал. Винаваты они или нет?

Серьезный и вдумчивый А. П. Завенягин взял у меня бумаги.

— Их небось и без наших санкций арестовали. А ты не волнуйся. Я скажу Кагановичу, чтобы тебе таких бумаг больше не посылали.

Я облегченно вздохнул.

На заседании правительства я и Каганович докладывали о насущных нуждах золотой промышленности. Председательствовал Молотов. Запомнилась приветливая улыбка Микояна, его вопрос:

— Трудно тебе?
— Трудно.
— Ничего. Всем теперь трудно, — вздохнул Микоян.

Наркомзудел Ежов на этом же заседании докладывал о добыче золота на Колыме, находившейся в ведении НКВД. Молотов бросил реплику:

— Товарищ Мильчаков! У Ежова золото добывается дешево, себестоимость вдвое ниже, чем у вас, в Главзолото.

— Товарищ Молотов! У Ежова работают заключенные, а на содержание их в лагерях он получает деньги от вас, по бюджету.

Наступила неловкая пауза. Ежов отвел меня в угол, стал убеждать:

— Возьми у меня рабочую силу, и у тебя будут трудиться заключенные, я мигом на Лене, на Алдане, на Балее, на Енисее — где хочешь, организирую большие лагеря. По рукам?

Страшный карлик захохотал. Меня передернуло.

— Нет, не надо, Николай Иванович! — сказал я. — Пусть уж я останусь

с рабочими и старателями, без арестантов...

В разговор включился подошедший Каганович, требовательно спросил:

— Почему отказываетесь? Вы же жаловались на нехватку рабочей силы. Николай Иванович даст вам для начала тысяч пятьдесят лагерников из числа здоровых. Напрасно не решается взять. Чего боитесь?

— Нет, не согласен. Тогда два хозяина будет на приисках: директор и начальник управления НКВД. Ничего хорошего это не сулит.

Так при мне и не работали на приисках Главзолото заключенные. Потом, после моего ареста, лагеря создали повсюду да и золотую промышленность целиком отдали в ведение НКВД. И впрямь это не принесло и не могло принести ничего хорошего. Добыча золота упала...

На следующем заседании правительства Ежов снова вернулся к этому вопросу. Он привел пример:

— На Индигирке открыли богатое золото. Далеко от Магадана, в глубь якутской тайги по бездорожью еще восемьсот километров. Я послал туда лагерь в несколько тысяч. Не все дошли. Многие уже там померли. Но цель достигнута. Дорога пробита, несколько поселков выстроено. Я обещал Сталину через год дать с Индигирки первые тонны золота. Теперь туда пойдет людей побольше.

— Пешком?
— Пешком, конечно, — сделал гримасу Ежов.

Потом, когда арестантская участь забросила меня на Колыму, я слушался горестных рассказов об этих трагических походах на Индигирку, о таежных дорогах и колымских приисках, где костями легли многие тысячи заключенных...

Бывал я в числе званых на кремлевские банкеты с участием Сталина. Собирали металлургов, угольщиков. «Тамадой» оба раза Сталин назвал Кагановича.

Столы ломились от вин и яств. Тосты звучали один за другим, и прежде всего в честь Сталина. Сталин много пил, впрочем, он пристрастился к вину давно. Заказывал выступавшему для развлечения пирующих ансамблю песни и пляски Красной Армии русские и украинские песни. Поручения его дирижеру передавали Ворошилов и Ежов. Последний жевал папиросу за папиросой, поглядывая на своих агентов, посаженных за каждый стол. Внимательному глазу нетрудно было отличить их от остальных приглашенных.

Сталин заставлял сидящих за его столом членов Политбюро пить водку стаканами. Вот он ухватил М. И. Калинина за бороду, заставляя опорожнить стакан, острит при этом:

— Ты всесоюзный староста, тост — за великий русский народ. Пей до дна! Молотов под шумок подменил стаканы, взял другой, с нарзаном.

Сталин пил и пил.

Уходили с банкета первыми, конечно, руководители. Чтобы как-то скрыть опьянение Сталина, Ворошилов и Маленков шли вплотную по бокам, сзади подпирал Каганович, а спереди прижался гном Ежов. Так и «поплыли», тесной кучкой... Гости провожали аплодисментами.

...А там, на краю земли, на Колыме в это время шли к Индигирке колонны заключенных. Одуревшие конвойные кричали, собаки надрывались в лае. Я случайно еще не шел в числе обреченных. Для меня муки «этапов» придут через два года...

Каганович усердно разрушал то, что было достигнуто в годы руководящей деятельности в тяжелой индустрии Серго Орджоникидзе.

В хозяйстве все более отрицательно сказывалось грубое администрирование, планы срывались, в снабжении царил кутерьма, безудержный разгон

кадров и сплошные аресты усугубляли неразбериху, неуверенность в завтрашнем дне. Кверху лезли наглые приспособленцы, карьеристы, крикливые перестраховщики.

Мне вспомнились две картинки. Серго проводит Всесоюзное совещание хозяйственников. На трибуне — всем известный директор Днепродзержинского металлургического завода Манаенков. Он критикует отстающих, воюет с консерваторами. Из зала летят реплики: «А ты не боишься, что тебя самого раскритикуют?»

— Чего мне бояться, стегайте, если заслужил. К вашему сведению, я ничего и никого не боюсь. В самом деле, чего мне бояться, если сам я честно работаю, если со мной дружный коллектив рабочих и сплоченная заводская партийная организация, если за спиной всех нас стоит товарищ Серго, который всегда поддержит, подбодрит, воодушевит на новые успехи...

Зал грохотал от оваций по адресу Серго. Манаенков добродушно улыбался.

Прошло всего года три.

Каганович проводит Всесоюзное совещание металлургов. На трибуну выходят ораторы, произносят однообразные казенные речи. Среди участников совсем не видно старых директоров, которых Серго знал поименно, с которыми советовался.

Вдруг срывается Каганович:
— Почему Манаенков не выступает?
— Я записался, — отвечает с места Манаенков.

— Что значит «записался»? Вам давно надо было выйти на трибуну и рассказать, как вы работали вместе с вредителями.

— Я выступлю, Лазарь Моисеевич!
— Что значит «выступлю»? Вы прячетесь, у вас, видимо, нечистая совесть...

— Что вы, Лазарь Моисеевич, какая нечистая совесть, я скажу, как мы работаем.

— Вот и скажите, нечего прятаться за список ораторов, выступайте сейчас.
— Хорошо, Лазарь Моисеевич, слушаюся, — как-то потерянно проговорил Манаенков и пошел к трибуне.

Бледный, невероятно волнуясь, начал он свою последнюю речь. Каганович демонстративно отвернулся. Он знал о предстоящем аресте Манаенкова...

В эти полтора года я ездил на прииски Урала, Забайкалья, Дальнего Востока, был снова на Лене и Алдане.

Самое тягостное впечатление оставлял молчаливый испуг людей перед органами НКВД. На руководящие посты многие шли неохотно, после долгих уговоров и настояний партийных комитетов.

В памяти оживает такая сценка.

Я участвую в заседании бюро Алданского райкома партии. Стоят важные вопросы организации добычи золота и обеспечения района техническими и продовольственными грузами.

На заседание приглашены ответственные работники треста «Якутзолото» и приисковых управлений. Для встречи с начальником Главзолото приехал из Якутска первый секретарь областного комитета партии Певзник. (О его смерти в лагере мне рассказывали потом заключенные в Магадане.) Словом, большой день в жизни района.

В конце заседания обсуждается вопрос о новом начальнике «Золотопродаба» треста, вместо недавно репрессированного работника. (В тресте и на предприятиях «Якутзолото» было арестовано более сотни сотрудников. Часть из них, человек десять, осудили к расстрелу.)

Я внимательно вместе с руководителями района подбирал новых управляющих и главных инженеров приисков, начальников отделов треста.

Итак, на обсуждение поставлен вопрос о выдвижении нового работника на пост начальника «Золотопродаба», который должен быть одновременно заместителем управляющего треста «Якутзолото». Накануне мы нашли подходящую одну кандидатуру, согласова-

ли ее с приехавшим секретарем обкома партии.

Наш выдвигенец, старый алданец, выходец из рабочих, проверенный коммунист с солидным стажем, долго не соглашался: «Боюсь, ответственность какая, не справлюсь». Уговорили.

На самом заседании члены бюро райкома поддержали известного им кандидата. Как будто ясно. Осталось записать решение в протокол. Тут из кресла, в котором, покачивая ногой, сидел самодовольно ухмылявшийся молодой человек в форме, послышалась небрежно брошенная реплика:

— По нашим данным — утверждать кандидатуру не следует.

Словно мороз всех охватил. Председатель поперхнулся, беспомощно оглянулся на Певзника. Тот молчал, уставясь в пол. Наш выдвигенец сидел ни жив ни мертв. Я предложил не снимать кандидатуру, а согласовать ее с «молодым человеком» и секретарем обкома в двухдневный срок.

У начальника районного отдела НКВД не было никаких серьезных «наших данных», кроме того, что этот товарищ работал в подчинении у репрессированного предшественника. И хотя я и Певзник всячески успокаивали выдвигенца, можно себе представить, с каким настроением он приступил к работе, и не раз, наверно, ночами просыпался в испуге от случайного стука под окнами...

Вернувшись в Москву, я рассказывал Кагановичу и об этой характерной сценке. Я вздумал доказывать ему ненормальность и вред положения, когда НКВД поставлено над хозорганами, над партийными организациями. Каганович не реагировал на мой «выпад». Он, пожалуй, даже удивился моей «бестактности»...

...Несколько лет я не раскрывал эту тетрадь. Поймет ли кто-нибудь, кроме пострадавших, что нелегко вернуться к пережитым страданиям!.. Сердце щемит, бьется утешенно, создается настроение взвизгивающее. В памяти всплывают картины тяжелых дней и нравственных мук. И все время мысль: Ленин не допустил бы, Ленин рано от нас ушел. Ленин не смог дожить, проследить за исполнением его совета, ставшего «завещанием», — убрать Сталина с поста Генсека, на котором он сосредоточил в своих руках необъятную власть и способен ею злоупотребить во вред партии, государству и народу.

В тюрьмах и лагерях многие заключенные считали так: всякие жалобы и заявления посылать в Москву незачем, бесполезно, Сталин и его окружение расправилось с людьми не случайно, мы обречены, во всяком случае, до той поры, пока жив Сталин...

Я оспаривал взгляды таких товарищей. Я считал, что писать надо для того, чтобы будущие поколения знали, что их отцы и деды даже в застенках кричали о своей невинности. Хватит упреков, которые потом мы, оставшиеся в живых, и услышали от наших детей: как же вы допустили такой разгул сталинской диктатуры, почему не протестовали, не выполнили завещания мудрого Ленина.

И я обращался из лагерной тьмы с безответными заявлениями в Центральный Комитет партии, в Верховный Совет СССР, в Прокуратуру и Верховный суд Союза. Потом, когда вернулся в Москву реабилитированным, я видел в моем «личном деле» часть этих завлеченных, писанных на разной бумаге, в том числе от цементных мешков и от мыльных обертков.

Когда приходится иной раз поделиться с близкими товарищами или родными людьми кусочками воспоминаний о пережитом, слышишь замечания: «Тебе подобные сцены, события, встречи надо записать». — «Но ведь они не будут опубликованы!» — «Пусть. Оставь их для будущих исследователей, для внуков в архивах нашей партии».

Значит, писать все-таки надо!..

Леонид Сторожук коллекционирует дипломы. Сначала в его коллекции был один диплом — Одесского художественного училища имени М. Б. Грекова. Затем Харьковского художественно-промышленного института. Позднее — дипломы и призы международных и всесоюзных конкурсов карикатуры.

Параллельно с собирательской деятельностью Леонид ведет детскую любительскую студию мультипликации в Харькове. И занимается этим исключительно с корыстными целями: благодаря непьющей работе он добавляет к своей коллекции дипломы внутрисоюзных конкурсов любительских фильмов.

ЛЕОНИД СТОРОЖУК

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

«Подвиг после подвига». История искалеченного войной человека, ставшего Героем труда.

Почему настоящий лидер ушел из комсомола? Очерк.

Волжская драма: спасут ли противогазы наших детей?

Театр на повозках. Фотоочерк.

«Не забылось...» Рассказ Вячеслава Кондратьева.

Беседа с Валентином Распутиным.

Уважаемые товарищи! В течение года вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу «Смена» поступает в ограниченном количестве.

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В. Коваленко
1978 г.

Мат в 4 хода

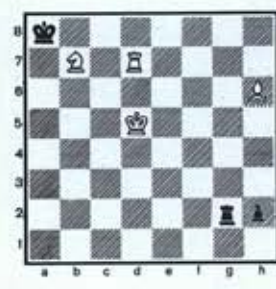
1. Kph2! Kpd3 2. Фb4 Кре3 3. Фс4 Kpf2 4. Фе2х, 1...Kpb2 2. Фb3+ Кра1 3. Сс2 d1Ф 4. Фа3х.

Великолепный по своей неожиданности и «немотивированности» вступительный ход! Именно такие ходы максимально затрудняют решение задачи и обогащают ее содержание.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ТУР

Белые: Kpb6, пп. e5, f6 (3)
Черные: Kph8, Kq2, пп. d4, h6 (4)
Ничья (5 баллов)

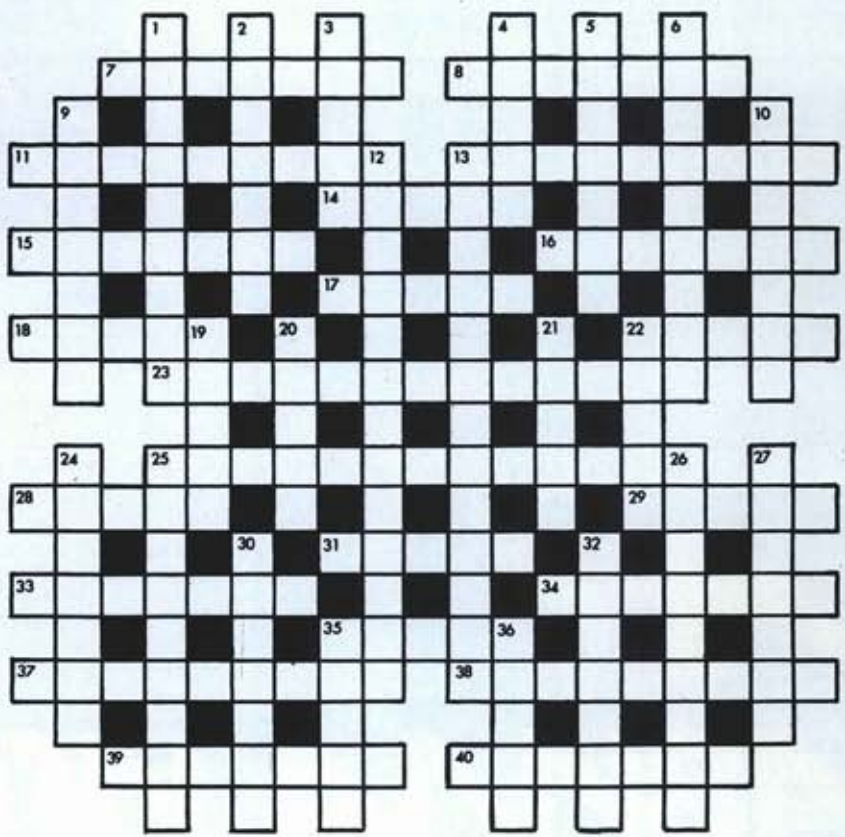

Белые: Kpd5, Ld7, Ch6, Kb7 (4)
Черные: Кра8, Lg2, п.h2 (3)
Ничья (5 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 12-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 августа.

КРОССВОРД

Составил Э. Куликов, Ярославль

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Музыкальный инструмент, изображения которого есть на древнеегипетских памятниках. Предшественник фортепьяно. 8. Ампула актрисы. 11. Трафарет, шаблон. 13. Замысел, предположение. 14. «Черчатый яхонт», врачующий, по средневековым поверьям, сердце, мозг, силу и память человека. 15. Запас слов, которых в русском языке не меньше 500 тысяч. 16. Место в Греции, близ которого испано-венесийский флот разгромил турецкий; это был последний крупный бой гребных судов. 17. Немецкий физик, чье открытие в 1900 году кванта действия стало, по словам А. Эйнштейна, «основой для всех исследований в физике XX века». 18.

Вал, гусек, каблучок или полка по отношению к архитектуре. 22. Костюм танцовщицы классического балета. 23. Коллективное решение. 25. Принудительное отчуждение. 28. Толкотня у лавки купца в басне И. Крылова «Паук и Пчела». 29. Плавная сеть на красную рыбу в старину у казаков на реке Урал. 31. Семья французских мастеров художественной мебели. 33. Соприкосновение. 34. Шофер, работающий с огоньком. 35. Город-герой. 37. Беспочвенное вмешательство. 38. Вереница кораблей. 39. Инструмент, без которого, по мнению Норвега Тенцинга, нельзя было покорить Эверест. 40. Шерстяные рукавицы.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Прибор, показывающий степень влажности воздуха. 2. Место, куда целится спортсмен-стрелок. 3. Государство, 87 процентов территории которого — пустыня. 4. Темнохвойный лес по берегам сибирских рек. 5. Выгода, корысть, польза. 6. Стихотворение украинского поэта, впервые напечатанное в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко» под заглавием «Думка». 9. Селение в Швеции, по которому названы минерал и четыре элемента таблицы Менделеева. 10. Вид спорта, зародившийся в 70-х годах XVII века в Норвегии. 12. Метод переработки чугуна в сталь, вытесненный способами Бессемера, Мартена и Томаса. 13. Порт на Оби. 19. «...слепит глаза, набивается в волосы,

уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею» (В. Арсеньев. «По Уссурийской тайге»). 20. В Северной Америке — прерия, в Южной Америке — пампасы, в Африке — саванна, во Франции — ланды (суть). 21. Инструмент для гравирования на металле. 22. Наука сплошных метаморфоз. 24. Легкомысленная выходка, поступок. 25. Внешний вид животного. 26. Жительница города на Волге, основанного, по преданию, в 1010 году. 27. Тайнственный благодетель, антагонист иезуитов в романе Э. Сю «Вечный жид». 30. Острая лопатка. 32. Голосовой регистр, который до XIX века использовали только теноры. 35. Знак, под которым живет бракодел. 36. Азиатская страна, «мать садов».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

1. Муфта. 4. Эпарх. 8. Обоз. 10. Уатт. 12. Ляпидевский. 13. Видок. 15. Скарб. 18. Енот. 19. Юткевич. 20. Унда. 23. Фотоплан. 25. Тиратрон. 26. Катод. 27. Жених. 28. Майна. 30. Шагал. 33. Пистолет. 34. Землекоп. 36. Слип. 39. Утконос. 40. Овца. 42. Койот. 44. Асаев. 45. Возвращение... 46. Граб. 47. Снет. 48. Риска. 49. Часть.

По вертикали:

1. Молот. 2. Узак. 3. Триктрак. 5. Пестицид. 6. Руис. 7. Хайку (другое название — хокку). 8. Овин. 9. Ветер. 11. Тард. 13. Верфь. 14. Достоевский. 16. Андроникова. 17. Башня. 21. Ипсилон. 22. Рафаэль. 24. Набат. 25. Топаз. 29. Впуск. 30. Шестовик. 31. Лесосека. 32. Сплав. 35. Монах. 37. Лонг. 38. Повар. 40. Осень. 41. ... цент. 43. Тоби. 44. Аист.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1467) июль

Главный редактор Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
- Борис ДАНЮШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Андрей КУЧЕРОВ
- Альберт ЛИХАНОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки, 212-21-38 — коммунистического воспитания, 212-23-79 — фотоочерка, 212-21-38 — военно-спортивный, 251-32-84 — международной жизни, 251-04-10 — литературы и искусства, 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 18.05.88. Подписано к печати 01.06.88. А 03899. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2493. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Один весьма авторитетный в спортивном мире тренер как-то сказал, что завидует наставникам женских команд: им, мол, ничего особенного на поле изобретать не нужно. Эталон ведь перед глазами — смотри, как играют мужчины, и копируй. Сам он, правда, женщин никогда не тренировал.

Когда два десятка лет назад появились у нас в стране первые команды летних хоккеисток, копировать мужчин они отказались наотрез. Хотя бы потому, что, по мнению дебютанток, мужскому хоккею на траве не хватает зрелищности: мало атак...

Родина летнего хоккея, по официальной версии, Египет. Оттуда игра постепенно перекочевала в Европу, а потом на Американский континент. Первые клубы — мужские, а вскоре и женские, появились в Великобритании в середине прошлого века. Но всерьез женщины заинтересовались хоккеем на траве сравнительно недавно: предстоящая в сентябре Олимпиада в Сеуле

лишь третья по счету, на которой они разыграют медали.

Интересны ли их матчи? Безусловно. Где еще вы увидите команду, все до единого игрока

которой безудержно рвется атаковать? Многие сегодняшние нападающие — бывшие защитницы. Тренеры попросту махнули на них рукой: все равно назад не

дозовешься. Но и новые игроки линии обороны при малейшей возможности смело идут в атаку — без оглядки на тылы. Хитроумные варианты защиты оставляют мужчинам.

К тому же хоккеистки никогда не бывают в плохой форме, о чем от мужчин мы подчас только и слышим.

Правда, нелегко и руководить женским хоккейным ансамблем.

Несколько лет назад психологи устроили в командах опрос: каким девушкам хотели бы видеть идеального тренера? Представления о таком наставнике расходились весьма существенно, но главный вывод был все же сформулирован с редким единодушием — продолжать поиски своего неповторимого игрового стиля все женщины хотели только под руководством мужчин...

Сергей ВЯЗЬМИТИН

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

